

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 3 (56)
2024
ISSN 2542-1735
16+

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).*

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Подписан в печать 16.09.2024
Вышел в свет 30.09.2024
Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 27,0.
Тираж 100 экз.
Заказ 297.
Цена свободная.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 3 (56)
2024
ISSN 2542-1735
16+

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE» MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Signed to the press on 16.09.2024
It was released on 30.09.2024
P 60x84 1/8 format. Offset paper.
Souvenir headset.
Offset printing. Table of baking sheets 27,0.
The circulation is 100 copies.
Order 297.
The price is free.

The address of the editorial office and publishing house:

Research and editorial and publishing department.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Printed at the NIRIO printing house.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6 Kutuzova str., Krasnoyarsk, 660050.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);
заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);
ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва) (по согласованию);

Адилов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Краснодар) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Могилев, Республика Беларусь) (по согласованию);

Макарчук Иван Юрьевич, кандидат юридических наук, эксперт Российской академии образования (г. Красноярск);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент (г. Караганда, Республика Казахстан) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк) (по согласованию).

Editorial council:

Chairman – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

editorial council members:

Avakian Suren Adibekovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow) (by agreement);

Adilov Aibek Nasyrovich, Doctor of Law, Professor (Bishkek) (by agreement);

Anokhin Yuri Vasilyevich, Doctor of Law, Professor (Barnaul) (by agreement);

Bezrukov Andrey Viktorovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Bertovsky Lev Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Moscow) (by agreement);

Garmaev Yuri Petrovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Ulan-Ude) (by agreement);

Gryaznova Tatyana Evgenievna, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Dizer Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod) (by agreement);

Zheleznyak Nikolay Semenovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Krasnodar) (by agreement);

Kondrashev Andrey Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kozhevina Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Omsk region, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Lubenkov Alexander Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor (Mogilev, Republic of Belarus) (by agreement);

Makarchuk Ivan Yuryevich, Candidate of Law, expert of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk);

Samsonov Valery Nikolaevich, Doctor of Law, Professor (Belgorod) (by agreement);

Seitzhanov Olzhas Temirzhanovich, Candidate of Law, Associate Professor (Karaganda, Republic of Kazakhstan) (by agreement);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Alexander Viktorovich Shesler, Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk) (by agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Центров Е.Е. Использование ассоциаций по смежности во времени и в пространстве при оценке ссылок допрашиваемого на алиби и сообщенных на допросе других дат	9
Россинский С.Б. «Следственные» опыты и испытания в судебном производстве по уголовному делу: вопросы нормативного регулирования и правоприменительной практики	17
Минязева Т.Ф. Цели наказания и средства их достижения	25
Зинченко Д.С. Криптовалюта как средство платежа при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий	31
Кузнецова Н.И. Экологическая компенсация как новая мера уголовно-правового характера	39
Карпова О.В. Срок задержания в уголовном судопроизводстве	46
Дубынин Е.А., Космодемьянская Е.Е. Криминалистическая характеристика преступления как фактор, влияющий на принятие решения в процессе расследования	52
Плошкина Я.М. Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве	58
Клочков В.А., Трубкина О.В., Маилян А.В. Проблемы расследования преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, следственными группами.....	66
Филипсон К.Ю. Особенности правовой квалификации удержания имущества и самоуправства.....	71
Квасников Е.С. Необходимая оборона от общественно вредного (опасного) посягательства.....	80

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Будникова А.Б. О некоторых проблемах, существующих в деятельности полиции при выявлении фактов потребления наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача	87
Тепляшин П.В., Кириллов И.А. Маркеры нарковиктимности несовершеннолетних (криминологический аспект)	93
Овчинко О.А., Леонтьева Ю.В. К вопросу о противодействии пронаркотическому контенту современной эстрады.....	99

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Кобец П.Н. Развитие законодательных основ, регулирующих применение робототехники, использующей технологии искусственного интеллекта	108
Цуканов Н.Н., Третьяков В.И. О возможности и целесообразности дополнительных классификаций мер административного принуждения	116
Скиба А.П. Перспективы совершенствования межотраслевого регулирования условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в контексте борьбы с коррупцией	123
Дежнев А.С., Павлов А.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в условиях прохождения подозреваемым либо обвиняемым военной службы	129

Маторин М.А., Маторина Ю.Н. Проблемы квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы РФ или войска национальной гвардии РФ.....	135
Битшева А.В. Тенденции преступности в современной России	143
Жамбалов Д.Б. Использование специальных знаний при выявлении и расследовании легализации преступных доходов	151
Галушин П.В. Специальные технические знания в области цифровой валюты и майнинга, необходимые сотрудникам органов внутренних дел для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий	156
Яскина В.Э., Лакеев П.И., Круглов Л.М. О возможности установления инструментов письма, которыми выполнены рукописные объекты, по их изображениям, представленным на экспертизу в электронном виде.....	162
Волынкин Е.Н. Противодействие оперативных подразделений неформальным молодежным формированиям экстремистской направленности.....	169
Дятлов Г.А., Шинкевич Д.В. Современное состояние и вопросы декриминализации преступлений в сфере налогообложения.....	176
Садовых К.В. Вопросы квалификации преступлений, связанных с деятельностью майнинговых ферм.....	182

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Норкин В.И. Особенности оборота нитрата аммония на территории России: вопросы общественной безопасности.....	188
Куцкель Д.А. Видео-конференц-связь при производстве допроса и очной ставки (на примере уголовных дел по фактам незаконного производства наркотических средств)	195
Мялицына М.А. Принуждение заподозренных лиц к даче показаний.....	203
Черкасова А.М. Понятие уголовно-процессуального срока	210

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Tsentrov E.E.</i> Using associations by contiguity in time and space when evaluating references of the interrogated person to an alibi and other dates reported during interrogation	9
<i>Rossinskiy S.B.</i> «Investigative» Experiments and Tests in Criminal Proceedings: Issues of Normative Regulation and Law Enforcement Practice	17
<i>Minyazeva T.F.</i> The purposes of punishment and means of achieving them	25
<i>Zinchenko D.S.</i> Cryptocurrency as a means of payment in the commission of crimes in the field of drug trafficking using information and communication technologies	31
<i>Kuznetsova N.I.</i> Environmental compensation as a new measure of a criminal law nature	39
<i>Karpova O.V.</i> Period of detention in criminal proceedings	46
<i>Dubynin E.A., Kosmodemyanskaya E.E.</i> Criminalistic characterization of a crime as a factor influencing decision-making in the investigation process.....	52
<i>Ploshkina Ya.M.</i> Separation of a criminal case into separate proceedings in relation to a person who has concluded a pre-trial cooperation agreement	58
<i>Klochkov V.A., Trubkina O.V., Mayilyan A.V.</i> Problems of investigating crimes related to the activities of financial pyramids by investigative teams	66
<i>Philipson K.Yu.</i> Features of the legal qualification of property retention and arbitrariness.....	71
<i>Kvasnikov E.S.</i> Necessary defense from socially harmful (dangerous) encroachment	80

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Budnikova A.B.</i> About some problems that exist in police activities when identifying facts of consumption of narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor's prescription	87
<i>Teplyashin P.V., Kirillov I.A.</i> Markers of drug victimity of minors (criminological aspect)	93
<i>Ovchinko O.A., Leontyeva Yu.V.</i> To the issue of countering the pro-drug content of modern pop music.....	99

Views. Reflections

<i>Kobetz P.N.</i> Development of the legislative framework regulating the using of robotics using artificial intelligence technologies	108
<i>Tsukanov N.N., Tretyakov V.I.</i> On the possibility and expediency of additional classifications of administrative coercion measures	116
<i>Skiba A.P.</i> Prospects for improving the inter-sectoral regulation of parole from serving a sentence in the context of fighting corruption	123
<i>Dezhnev A.S., Pavlov A.V.</i> Compensation for damage caused by a crime while the suspect or accused is undergoing military service	129
<i>Matorin M.A., Matorina Y.N.</i> Problems of qualification of the public dissemination of deliberately false information about the use of the armed forces of the Russian Federation, the performance by state bodies of the Russian Federation of their powers, the provision by volunteer formations, organizations or persons of assistance in carrying out tasks assigned to the armed forces of the Russian Federation or the troops of the national guard of the Russian Federation	135

<i>Bitsheva A.V.</i> Crime trends in modern Russia	143
<i>Zhambalov D.B.</i> Using special knowledge in detecting and investigating money laundering	151
<i>Galushin P.V.</i> Special technical knowledge in the field of digital currency and mining, which are necessary for law enforcement officers to investigate crimes committed using information and communication technologies	156
<i>Yaskina V.E., Lakeev P.I., Kruglov L.M.</i> On the possibility of determining the writing tools used in handwritten items, by their electronic images submitted for examination.....	162
<i>Volynkin N. Y.</i> Counteraction of operational units to informal youth formations of extremist orientation	169
<i>Dyatlov A.G., Shinkevich D.V.</i> The current state and issues of decriminalization of crimes in the field of taxation	176
<i>Sadovykh K.V.</i> Issues of qualification of crimes related to the activities of mining farms	182

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Norkin V.I.</i> Features of ammonium nitrate turnover in Russia: public safety issues	188
<i>Kutskel D.A.</i> Videoconferencing in interrogation and confrontation (on the example of criminal cases involving the illicit production of narcotic drugs)	195
<i>Myalitsyna M.A.</i> Coercion of suspects to testify	203
<i>Cherkasova A.M.</i> The concept of a criminal procedure term	210

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.98

Евгений Емельянович ЦЕНТРОВ,

профессор кафедры криминалистики
юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный профессор МГУ

tsentrov.e.e@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АССОЦИАЦИЙ ПО СМЕЖНОСТИ ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ССЫЛОК ДОПРАШИВАЕМОГО НА АЛИБИ И СООБЩЕННЫХ НА ДОПРОСЕ ДРУГИХ ДАТ

USING ASSOCIATIONS BY CONTIGUITY IN TIME AND SPACE WHEN EVALUATING REFERENCES OF THE INTERROGATED PERSON TO AN ALIBI AND OTHER DATES REPORTED DURING INTERROGATION

В статье рассматриваются типовые ситуации ссылок на алиби, обязательность и безотлагательность их проверки на самом первом допросе подозреваемого и лица, заподозренного в совершении расследуемого преступного события. Ссылка на алиби может подкрепляться договоренностью с другими лицами, за счет перемещения определенных действий по времени и в пространстве, а также в связи перемещением во времени и в пространстве сообщаемого события или его обстоятельств. Применительно к типовым ситуациям ссылок на алиби в статье рассматриваются наиболее эффективные способы их проверки. Особое значение уделено правилам и особенностям расшифровки сообщаемых на допросе дат. Примером явного нарушения тактических правил, относящихся к проверке дат, являются обстоятельства расследования первого убийства, совершенного Чикатило.

The article considers typical situations of references to alibis, the obligation and urgency of their verification at the very first interrogation of a suspect and a person suspected of committing the criminal event under investigation. A reference to alibis can be supported by an agreement with other persons, by the movement of certain actions in time and space, as well as by the movement in time and space of the reported event or its circumstances. With regard to typical situations of references to alibi, the article examines the most effective ways to verify them. Special attention is paid to the rules and peculiarities of checking the dates reported during interrogation. An example of an obvious violation of tactical rules relating to checking dates is the circumstances of the investigation of the first murder committed by Chikatilo.

Ключевые слова: алиби, перемещение во времени и в пространстве, расшифровка дат, косвенный допрос.

Keywords: *alibi, movement in time and space, checking the dates, indirect interrogation.*

Ссылка допрашиваемого на алиби чаще всего является проблемой, подлежащей тщательному и безотлагательному исследованию, проверке и оценке [7, с. 314]. Она должна проверяться на самом первом допросе лица, подозреваемого, заподозренного в причастности к расследуемому событию. Опаздание с такой проверкой может серьезно помешать следствию, поскольку недобросовестный защитник, сокамерники и иные лица всегда готовы подсказать и научить подозреваемого наиболее приемлемому объяснению того, где он мог бы быть в момент совершения преступления. Эти и иные лица могут и сами подключиться к созданию для подозреваемого ложного алиби. Своевременно проведенный, тщательно детализированный допрос выявит незнание допрашиваемым и лицами, готовыми подтвердить его показания, подробностей и обстоятельств, относящихся к пребыванию в определенное время в том месте, на которое он ссылается, заявляя о своей непричастности к совершенному преступлению.

Следственной практике известны различные варианты ссылок на алиби.

Во-первых, алиби может быть заранее подготовлено и полностью вымышлено по времени и месту со ссылкой на определенных, заранее подговоренных лиц.

Во-вторых, как это верно подмечено профессором Л.М. Карнеевой, нередко ссылка может быть на событие, действительно происшедшее, но с «перемещением» по времени» так, чтобы оно совпало с временем (датой, часом) совершения преступления. Перемещение по времени обычно тесно связано и с перемещением в пространстве [8, с. 630-631].

В-третьих, лицо может в своих пояснениях включать себя в развитие какого-либо действительно имевшего место события, а также в событие вымышленное.

Рассмотрим эти ситуации более подробно.

При ссылках на лиц, с которыми подозреваемый якобы в это время находился, проводится детальный допрос по всем возможным обстоятельствам этого времяпрепровождения

с сопоставлением и сравнением сведений, сообщенных каждым из участников, которых назвал подозреваемый. Как советует С.К. Питерцев, каждому из них могут быть заданы 25-50 и более вопросов по всем обстоятельствам данного события [4]. Например, в связи с чем и по какому поводу они собирались, по чьей инициативе, кто все это организовывал, во сколько все началось, кто пришел первым, вторым, последним, в какой одежде был каждый, кто и где сидел, кто обеспечивал и готовил закуску, покупал спиртное, что это было за спиртное; какая была посуда, стаканы, рюмки, ложки, вилки; кто откупоривал бутылки, разливал спиртное, кто был тамадой, какие речи вели и о чем разговаривали, что обсуждали, кто первым поднял тост и за кого именно, пели ли песни и какие именно, смотрели ли телепередачи, кто и о чем рассказывал и т.п.

Алиби опровергается явной неосведомленностью допрашиваемого о порядке проведения вечера отдыха или же незнанием названия и содержания пьесы, которую он якобы смотрел дома по телевизору, и т.п. В этом плане интересен пример, который в одной из своих работ, посвященных допросу, приводит Л.М. Карнеева. По делу об убийстве обвиняемый Михеенков выдвинул на первый взгляд убедительное алиби: в интересующее следствие время (с 23 до 24 часов) он находился на вечере в клубе. То, что он ушел из клуба по окончании вечера, подтверждали многие свидетели. Вахтер утверждала, что до этого Михеенков через парадные двери не уходил.

При проверке его показаний следователь предположил, что Михеенков мог выйти из клуба через киноаппаратную, ключи от которой он имел, так как работал киномехаником. Этим же путем он мог незаметно для всех и вернуться. Чтобы убедиться в этом предположении, следователь использовал метод косвенного допроса. Его суть состоит в выяснении основного, исходного факта не сразу, а косвенным путем за счет постановки ряда второстепенных вопросов, позволяющих исподволь, завуалированно, не акцентируя на

этом факте внимания, выяснить важные связанные с ним обстоятельства.

Истребовав программу вечера, следователь выяснил, что в 23 часа 15 минут на вечере проводилась лотерея. Ее организаторы и другие свидетели рассказали, какие предметы разыгрывались и как все было организовано. Кроме того, между 23 и 24 часами в клубе произошла драка, прерванная сотрудниками милиции. Очевидно, Михеенков, если он действительно в это время находился в клубе, должен был наблюдать оба эти события.

При проведении допроса следователь не сразу спросил Михеенкова об этих эпизодах, то есть вопросы не звучали так: «А была ли там лотерея, не случилась ли драка?» Такой вариант постановки вопросов мог подсказать допрашиваемому, чем вызван интерес следователя. Поэтому следователь попросил его рассказать, как тот провел время на вечере. Михеенков старательно перечислил все, что он видел, с кем и когда танцевал, но о лотерее и драке не упомянул. После записи его показаний, следователь задал уточняющие вопросы: «Скажите, а может там еще что-либо происходило? Может выступал какой-нибудь ансамбль либо известный певец, под какую музыку проводились танцы, разыгрывалась ли, допустим, лотерея, может какая-то драка там случилась либо еще что-нибудь произошло?» На оба последних вопроса Михеенков ответил отрицательно. Незнание этих событий бесспорно опровергало его ссылку на алиби.

Подозреваемый по другому делу в подтверждение алиби заявлял, что находился вместе с рыбацкой артелью на ловле рыбы. Его показания подтверждали и члены рыбацкой артели. Алиби было опровергнуто за счет обычной документальной проверки, поскольку в этот день артель в море не выходила и рыба на базу не сдавалась. Выемка соответствующей документации и ее осмотр бесспорно подтверждали этот факт.

В процессе проверки алиби могут быть проведены и другие следственные действия. Родители молодого человека, подозреваемого в совершении тяжкого преступления, на

допросах убеждали следователя в том, что их сын из дома не выходил и провел вечер в своей комнате в играх за компьютером. Дом, в котором они проживали, был одноэтажный. Следователь провел осмотр территории перед окном комнаты, в которой находился подозреваемый, и зафиксировал обнаруженные там следы ног, ведущие к окну и от окна, что позволило с бесспорностью опровергнуть ссылку на алиби.

«Перемещение по времени» может быть обусловлено введением в заблуждение каких-либо лиц, подтверждающих показания об алиби в силу такого заблуждения либо просто связано с какими-либо подходящими обстоятельствами. Некая Сенина, совершив убийство мужа, расчлененные части его тела выбросила в устье реки Черной, где они были обнаружены. На допросе она показывала, что утром 16 апреля ее муж уехал на рыбалку и после этого домой не вернулся. 30 апреля следователь допросил в качестве свидетелей соседей Сениной Лопатова и Шагурову, которые подтвердили, что видели, как Сенин 16 апреля уехал из дома на Черную речку ловить рыбу. Однако позднее в ходе дальнейшего расследования было установлено, что Сенин действительно ездил на рыбалку, но не 16 апреля в воскресенье, а 14 апреля в пятницу, и не утром уехал, а вечером. С рыбалки он вернулся 16 апреля. У него произошла ссора с женой, которая ночью, когда он спал, совершила его убийство. Тело мужа она расчленила и затем по частям перенесла к устью реки Черной. Свидетели добросовестно заблуждались, тем более что их допрос произошел через две недели после случившегося. Они действительно видели, как Сенин уезжал на рыбалку, но дата 16 апреля им запомнилась, поскольку после исчезновения мужа Сенина не раз в разговоре с ними повторяла, что он уехал на рыбалку 16 апреля. Получилось, что с ее слов они и называли это число. Следователь мог и на первом допросе этих свидетелей разобраться и уточнить их показания. Нужно было лишь в соответствии с тактическими положениями «расшифровать» при допросе эти даты, т.е.

выяснить на основе чего свидетели запомнили это число, где сами они в это время находились, чем они в этот день занимались? Кроме того, следовало выяснить обстоятельства ухода Сенина на рыбалку, в какое время дня это случилось, как он был одет, разговаривал ли с ними или еще с кем-нибудь. Особое значение при оценке полученных сведений приобретает их анализ с позиции выявления ложных сведений [4, с. 93-95].

Различные выясняемые при уточнении какой-либо даты детали подталкивают, побуждают к сообщению тех дополнительных сведений, которые до постановки нужных в данном случае вопросов остаются как бы не востребованными, а потому ассоциативно не связанными с конкретным выясняемым обстоятельством. По этому делу, кроме того, следовало попытаться установить свидетелей, которые могли видеть возвращение Сенина с рыбалки.

«Перемещение по времени» конкретного события может быть создано за счет изменения трупных явлений путем использования тепла или холода. В подобных ситуациях кроме данных судебно-медицинской экспертизы дополнительно исследуются технические средства и возможности такого изменения.

В других случаях опровержение ссылок на алиби обеспечивается за счет уточнения обстоятельств и деталей, связанных с «перемещением» сообщаемого события или его обстоятельств во времени и в пространстве». Некий Парфененко, обвиняемый в совершении убийства, заявлял, что не мог совершить убийство, поскольку в ночь с 29 на 30 июля, когда это произошло, находился достаточно далеко от этого места, в зале ожидания речного вокзала на пристани Кувшинка. В подтверждение своих показаний Парфененко просил установить матроса, который, по его словам, в ночь с 29 на 30 июля заходил в зал ожидания пристани, разговаривал с находившейся там девушкой и шутя пытался взять у нее книгу. Допрошенный в качестве свидетеля матрос пристани Пугачев подтвердил такой факт, но затруднился и не мог точно назвать дату, когда такая ситуация происхо-

дила. И хотя доказательства, подтверждающие вину в совершении убийства Парфененко, по делу были собраны достаточно полно, алиби оставалось не опровергнутым, а потому прокурор вернул дело для дополнительного расследования.

Дело передали другому следователю, который передопрашивая свидетеля Пугачева, стал более подробно выяснять у него обстоятельства того события, на которое ссылался Парфененко. Дополнительно уточнялись обстоятельства появления на пристани Кувшинка незнакомого матросу мужчины, в чем он был одет, как себя вел. Был задан вопрос и о вещах, которые могли быть при нем. На вопрос: «Имел ли этот гражданин при себе какие-либо вещи?» – Пугачев ответил: «Да, в руках у него я заметил черную полевую сумку». При проверке данного обстоятельства выяснилось, что действительно у Парфененко имелась раньше такая сумка, но он ее продал примерно за месяц до совершения убийства, что уже без какого-либо сомнения опровергало ложную ссылку обвиняемого на алиби.

Алиби может быть полностью вымышлено. Например, один из подозреваемых в свое оправдание заявлял, что не мог совершить преступление, так как в это время находился на зимней рыбалке. На допросе ему были заданы вопросы: «Где вы рыбачили? На каком водоеме? Как туда добирались? Какие снасти у вас были? Чем пробивали лунку? Ее размеры? На какого живца ловили?» При ответе на эти вопросы подозреваемый сообщил, что пробивал лунку ломиком, лунка была диаметром примерно в метр, удилище длиной полтора метра. Таким образом он проявил незнание элементарных элементов зимней рыбалки: пещни, которой пробивается лунка, ее обычных размеров, особенностей снасти для зимней рыбалки и живца.

Опровергнуть алиби можно за счет наличия неоспоримых доказательств, уличающих лицо в совершении преступления. Классический пример такого опровержения по делу об убийстве в Санкт-Петербурге в 1912 г. провизора Харламовской аптеки. В убийстве подозревались сторож этой аптеки Шунько и

его 19-летний приятель Алексеев. Виновными они себя не признавали. По этому делу алиби подозреваемого Алексеева под присягой подтверждали четыре свидетеля, проживавшие с ним в одной комнате. Они утверждали, что с 8 часов вечера и до 7 утра он в тот день находился дома и никуда не отлучался. На месте убийства был обнаружен кусок разбитого стекла от парадной двери аптеки, на котором имелись пальцевые отпечатки. На суде выступил известный полицейский криминалист В.И. Лебедев, автор опубликованной к тому времени работы под названием: «Искусство раскрытия преступлений (Дактилоскопия. Антропометрия. Судебно-полицейская фотография)» [3]. Он дал категорическое заключение о том, что отпечаток на этом куске стекла оставлен большим пальцем левой руки Алексеева. Его заключение и выступление на суде с пояснениями полученного вывода убедили присяжных заседателей и явились основой обвинительного приговора, вынесенного судом по этому делу. Через несколько дней после состоявшегося приговора Алексеев признал себя виновным. Успешность вывода дактилоскопического исследования с бесспорностью показала особое значение дактилоскопической экспертизы в процессе доказывания по уголовному делу [1, с. 73-76, 206-207].

На современном этапе для обеспечения алиби начинают использоваться возможности цифровой, электронной и иной связи. В процессе расследования дела об убийстве было установлено, что виновный перед совершением убийства передал мобильный телефон приятелю и попросил его в обусловленное время (в намеченный период совершения преступления) послать электронное сообщение с адреса, далекого от места преступления.

При проверке алиби необходимо учитывать различные обстоятельства, которые в соединении и переплетении с другими данными могут изменить общее представление о событии. Так, по делу об убийстве Хомякова свидетель Селезнев утверждал, что в день совершения этого убийства его сосед

по квартире Ефимов вечером дома не находился. Селезнев показал, что в этот день сам он лег спать в половине двенадцатого ночи. До этого несколько раз выходил на кухню, в коридор и другие места общего пользования, но Ефимова не видел. Если бы Ефимов был дома, пояснил свидетель, то он бы заметил в его комнате свет. При проверке этих показаний выяснилось, что Селезнев не заметил присутствия в квартире Ефимова по той простой причине, что последний, вернувшись вечером домой, сразу же в нарушение своего обычного распорядка лег спать. Проснулся Ефимов около 21 часа, когда Селезнев смотрел телевизионную передачу, окончившуюся в пятнадцать минут одиннадцатого. К этому времени Ефимов вышел на улицу, чтобы позвонить по телефону-автомату своим знакомым. Вернулся он минут через сорок, переоделся и тут же снова ушел из дома. В данном конкретном случае признаки, на которые, исходя из своих представлений об обычном, опирался в показаниях свидетель (здесь как раз и произошла «подмена действительного обычным»), оказались недостаточными для категорического утверждения об отсутствии Ефимова в этот вечер дома. Чтобы избежать ошибок при оценке полученных показаний, в каждом случае следует тщательно выяснять все условия восприятия. Как отмечал А.Р. Рапинов, «важно исследовать не только соответствие действительности конечных суждений свидетеля, но и реальность их чувственной основы, проверяя в необходимых случаях, воспринимал ли допрашиваемый те признаки, на которых эти суждения основаны» [6, с.100].

Основное правило в использовании ассоциативных связей заключается в обязательной расшифровке конкретной даты, сообщаемого того или иного времени, временного промежутка. При проверке сообщаемых на допросе дат нередко важно не только установление конкретной даты и ее подтверждение, а выяснение обстоятельств, обуславливающих (подтверждающих или опровергающих) именно данную, соответствующую событию конкретную дату. Допрашиваемый может не

помнить и не называть саму дату либо ошибочно называть не ее, а другое число. Знание им в этих случаях конкретных деталей и обстоятельств, лежащих в ее основе, позволяет получить и подтвердить нужные сведения [подр.: 9, с. 224-225].

Например, по делу Чикатило лишь через 12 лет было установлено, что следствие находилось буквально в полушаге от раскрытия первого совершенного им убийства 9-летней девочки Лены З., за которое был осужден и казнен невинный человек. Имелась свидетель Гуренкова, которая примерно за полчаса-час до совершения Чикатило убийства видела его с этой девочкой на трамвайной остановке. Она запомнила их внешность и показывала, что он что-то говорил девочке, а та, похоже по ее поведению, сомневалась идти или не идти вместе с ним. Через два дня после этого, возвращаясь с подругой после работы, она присутствовала при осмотре тела девочки, извлеченного из реки, и сообщила своей подруге об обстоятельствах, при которых видела девочку и того мужчину, которым и был Чикатило. С ней проводились поисковые действия, был составлен рисованный словесный портрет. Директор училища, где работал Чикатило, при предъявлении этого портрета сразу же указал на Чикатило. Но некоторая оперативно-розыскная суэта, видимо, повлияла на точность сообщаемых Гуренковой дат. Она ошибочно указала на допросе не на тот день, когда произошло убийство, а назвала число за два дня до этого. Убийство произошло 22 декабря, а 24 декабря Гуренкова присутствовала при осмотре тела девочки. Эту разницу в два дня она ошибочно отсчитывала не от 24 декабря, а от 22 декабря. В ее показаниях число, когда она видела Лену З. с Чикатило, значилось 20 декабря [2, с. 45-52, 201-245].

В силу недостаточного профессионализма, незнания особенностей уточнения сообщаемых дат с помощью ассоциативного метода следователь не удосужился выяснить у свидетеля, на основе чего она запомнила эту сообщенную ею дату. А надо было всего лишь спросить, почему она ее запомнила, чем

именно этот день 20 декабря ей запомнился и за сколько дней до дня, когда тело девочки осматривалось, она видела их вдвоем? Ведь в тот день, когда она оказалась на осмотре тела погибшей, о том, что видела эту девочку с мужчиной, сообщила сразу же своей подруге, вместе с которой приехала с работы. Как она могла ей сказать? Возможно, могла сказать, что видела их за два дня до этого. Более оптимальным был бы вначале вопрос к Гуренковой не о дате, а о том, за сколько дней до дня, когда проводился осмотр тела девочки, она видела ее вдвоем с тем мужчиной, о котором давала показания. Ведь разрыв во времени между 24 и 20 декабря будет уже 4, а не два дня. При использовании в ходе допроса такого серьезного отклонения можно было сразу же преодолеть заблуждение свидетеля и получить от нее точные данные о времени, когда она видела вдвоем девочку и того мужчину. Имелись и другие возможности уточнения этой чрезвычайно важной для следствия даты.

Так, свидетель Гуренкова показала, что в тот день у Чикатило была сумка с двумя бутылками вина емкостью 0,8 литра. При допросе Чикатило и членов его семьи можно было выяснить в связи с чем это вино было им закуплено, когда и где именно. И опять же из тактических соображений спрашивать вначале следовало не конкретно о дате покупки. Прямой вопрос: «Когда и где Вы купили вино?» – был бы неверным с точки зрения тактики. Эту дату надо было выяснять методом косвенного допроса. Чтобы не акцентировать на ней внимания, можно было в самом начале допроса выяснить, например, все о членах семьи, каков ее состав, где и кто работает, либо учится, чем увлекается (спорт, кино, театр, чтение книг и т.п.), как складываются взаимоотношения в семье, отношения с другими родственниками, приятелями, знакомыми, спросить о днях рождения, какие особые дни и торжества принято в семье отмечать. Все случилось в декабре, близился Новый год, поэтому вопросы могли быть приближены к декабрю месяцу. Кто и где обычно закупает продукты и вино? Где и

когда покупалось вино в декабре месяце? Эту дату можно было попытаться уточнить и через продавцов конкретного магазина (ларька, павильона). При уточнении даты можно было использовать сведения от подруги Гуренковой, других возможных свидетелей, которым она об этом рассказывала, а также от тех оперативных работников, которые вместе с ней производили поиск мужчины, с которым Гуренкова видела погибшую девочку.

Особое значение расшифровки сообщенной Гуренковой даты определялось еще и тем, что подруги Лены З. рассказывали, что в день своей гибели она намеревалась встретиться с дедом, который обещал ей передать импортную жвачку. Этим дедом как раз и был Чикатило. Как мог кто-то другой встретиться с Леной З., если она собиралась встретиться именно с Чикатило?

Вот и получилось, что элементарный прием расшифровки и уточнения даты не был использован следствием. Следствие в нарушение тактического правила об одновременной проверке всех возможных версий увлеклось проверкой только одной версии о совершении этого убийства неким Кравченко, ранее судимым за изнасилование и убийство несовершеннолетней. Осуждение Кравченко за это преступление при использовании психического насилия и пыточных методов получения признания привели к тому, что Чикатило в течение 12 лет оставался неразоблаченным в этом первом совершенном им убийстве.

Последствия этих нарушений ужасны. А для Чикатило это первое убийство стало знаковым, совершенным за гранью обычных сексуального характера приставаний к малолетним девочкам, которых он угощал импортной жвачкой, подглядывал за ними в женских туалетах, просил подержать там дверь, за что его неоднократно выгоняли из одной из школ. Совершение первого убийства пробудило в Чикатило жажду крови своих жертв, особое для него высокое сексуальное напря-

жение, которое он мог получить только таким образом в силу своей сексуальной немощи. Ведь он убивал девочку в порыве внезапно вспыхнувшего злобного влечения, придушил ее, наносил удары ножом, терзал руками ее тело и половые органы, запихивая туда свою сперму. Осуждение за это убийство к смертной казни невинного привело к тому, что все имевшиеся на первоначальном этапе расследования данные о патологических сексуальных отклонениях Чикатило, а также многие фактические сведения о его причастности к этому убийству оказались скрытыми. Они были выброшены из материалов уголовного дела, а потому и не могли быть использованы при установлении и изобличении Чикатило в совершении многих последующих убийств. И это первое безнаказанно совершенное им убийство на сексуальной почве малолетней девочки пробудило в нем злобного монстра, настоящего сатану, звериное желание продолжать и дальше эти убийства. В последующие 12 лет он насилует и убивает девочек, мальчиков, несовершеннолетних и молодых женщин. На его счету, как установило следствие, было 53 убийства. Он убивал своих жертв особо жестоким и мучительным способом, отрезая и поедая еще у живых части их тела, стремясь в целях сексуального удовлетворения оттянуть их агонию на как можно более продолжительное время [2, с. 237].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что тактические положения, опирающиеся на ассоциативные связи по смежности во времени и в пространстве, своевременная и обязательная расшифровка сообщаемых на допросе сведений о датах, связанных с установлением времени тех или иных обстоятельств расследуемого события, являются необходимой основой эффективного и полного раскрытия расследуемого преступления.

Библиографический список

1. Крылов, И.Ф. Были и легенды криминалистики / И.Ф. Крылов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.
2. Китаев, Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок / Н.Н. Китаев. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.
3. Лебедев, В.И. Искусство раскрытия преступлений / В.И. Лебедев. – СПб., 1909.
4. Питерцев, С.К. Тактические приемы допроса : учебное пособие / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. – СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998.
5. Подвойский, К.В. Криминалистическая диагностика лжи : монография / К.В. Подвойский. – М.: Юрлитинформ, 2024.
6. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М.: Высш. школа МООП СССР, 1967.
7. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М.: ИНФРА-М, 1998.
8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – Изд. 2-е, исп. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973.
9. Центров, Е.Е. Руководство по следственной тактике : монография / Е.Е. Центров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.

УДК 343.147.3

Сергей Борисович РОССИНСКИЙ,

главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (г. Москва), доктор юридических наук, профессор
s.rossinskiy@gmail.com

«СЛЕДСТВЕННЫЕ» ОПЫТЫ И ИСПЫТАНИЯ В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

«INVESTIGATIVE» EXPERIMENTS AND TESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ISSUES OF NORMATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

В статье анализируются проблемы, возникающие в нормативном регулировании и практике производства так называемых судебных (следственных) экспериментов, то есть когнитивно-удостоверительных приемов, сводящихся к проведению в ходе судебного следствия различных опытов и испытаний, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию приговоров либо иных правоприменительных актов. Высказываются предложения о целесообразности устранения существующих изъянов не путем внесения поправок в уголовно-процессуальное законодательство, а посредством надлежащего доктринального и методического обеспечения судебной, прокурорской и адвокатской деятельности.

The article analyzes the problems arising in the normative regulation and practice of the so-called judicial (investigative) experiments, that is cognitive-verification techniques, which boil down to conducting various experiments and tests in the course of the judicial investigation, which help establish circumstances that are significant for the criminal case and substantiate sentences or other law enforcement acts. Suggestions are made on the advisability of eliminating existing shortcomings not by amending the criminal procedure legislation, but by means of appropriate doctrinal and methodological support for judicial, prosecutor's and advocate's activities.

Ключевые слова: проверка доказательств, следственные действия, следственный эксперимент, соби- рание доказательств, судебное следствие, судебные действия, судебный эксперимент.

Keywords: *verification of evidence, investigative actions, investigative experiment, collection of evidence, judicial investigation, judicial actions, judicial experiment.*

На общем фоне множества теоретиче- ских, нормативно-правовых и практи- ческих проблем, присущих судебному разби- рательству уголовного дела, особый интерес

традиционно вызывали и продолжают вызы- вать различные вопросы, так или иначе свя- занные с судебным следствием как одним из неперемных этапов производства в первой

или апелляционной инстанциях. И в этом нет ничего странного. Ведь будучи направленным на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, предполагая собирание, в том числе формирование новых, исследование либо проверку уже имеющихся доказательств, судебное следствие по праву занимает как бы центральное место среди прочих этапов судебного разбирательства, обеспечивающих его надлежащую подготовку, а также подведение его итогов и оценку его результатов. Причем такое доминирующее положение судебного следствия далеко не случайно – оно обусловлено рядом известных канонов состязательной модели правосудия и прямо вытекает из положений УПК РФ.

В этой связи законом предусмотрен целый арсенал когнитивно-удостоверительных приемов – так называемых судебных (судебно-следственных) действий, позволяющих накапливать, исследовать, надлежащим образом фиксировать, а затем и проверять «полезные» информационные активы, подлежащие использованию для обоснования соответствующих приговоров либо иных свойственных судебному разбирательству правоприменительных актов. Один из таких приемов – связанный с проведением судом различных «следственных»¹ опытов и испытаний, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела фактических данных, – предусмотрен ст. 288 УПК РФ. Его принято называть судебным экспериментом (вариативно – следственным экспериментом, проводимым в судебном

заседании либо судебно-следственным экспериментом)²; ему и посвящается настоящая статья.

Итак, судебный эксперимент – это осуществляемый судом совместно со сторонами в присутствии прочих участников судебного заседания и «судебной публики» процессуально-познавательный прием, предполагающий совокупность подлежащих непосредственно восприятию физических, технических или прочих опытов и испытаний, не требующих экспертного исследования и сводящихся к реконструкции события преступления, поведения отдельных лиц, иных фрагментов объективной реальности в целях проверки имеющихся в распоряжении суда сведений и выдвинутых версий или получения новых сведений об эвентуальности (об отсутствии эвентуальности) существования каких-либо значимых для надлежащего разрешения уголовного дела фактов. А формальная возможность его проведения появилась сравнительно недавно – впервые получила легальное воплощение лишь в УПК РФ. Действовавший ранее Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) позволял прибегать к подобным механизмам лишь органам дознания и следователям и лишь в рамках предварительного расследования: посредством производства соответствующих следственных действий – следственных экспериментов. Правда данный пробел вовсе не вынуждал судей полностью отказываться от применения «следственных» опытов и испы-

1 Здесь и далее используемое в отношении словосочетания «опыты и испытания» прилагательное «следственные» преднамеренно берется в кавычки. Таким способом автор статьи намеревается разграничить подобное понимание термина «следственные» – в значении неких приемов, присущих судебному следствию, с более известным и распространенным толкованием данного термина – как чего-то свойственного работе органов предварительного следствия.

2 Необходимо обратить внимание, что в действующем уголовно-процессуальном законе данный когнитивно-удостоверительный прием назван не судебным, а следственным экспериментом. По мнению автора статьи, это вызвано возникшей несколько десятков лет назад – во времена появления первых публикаций по судебному-следственному экспериментированию – терминологической путаницей, обусловленной доктринальной непроработанностью на тот момент целого ряда уголовно-процессуальных понятий и категорий, в частности отсутствием сформировавшийся позднее научных подходов к сущности и критериям разграничения следственных и судебных действий. Вместе с тем термин «судебный эксперимент» представляется более разумным, способствующим правильному пониманию его смысла и значения в общей системе способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. К тому же он приветствуется и рядом других ученых, посвятивших свои публикации указанной проблематике [14, с. 113; 20, с. 207-209 и др.]. Более подробно эти вопросы, в том числе доводы и аргументы в поддержку термина «судебный эксперимент», изложены автором в статье «Эксперимент в ходе судебного следствия по уголовному делу: некоторые штрихи к нормативному портрету» которая планируется к опубликованию в одном из ближайших номеров Демидовского юридического журнала за 2024 г. либо за 2025 г.

таний. Ведь идеи о судебном экспериментировании высказывались учеными-криминалистами еще в преддверии известной реформы советского процессуального законодательства, проведенной на рубеже 1950-1960-х гг. [3, с. 95-98; 4, с. 22, 9, с. 35-37 и др.], а сами суды неоднократно прибегали к помощи различных опытов и испытаний [2, с. 140; 10, с. 7-10]. Поэтому разработчики принятых в ходе реформы уголовно-процессуальных кодексов некоторых других союзных республик, по всей вероятности, хорошо усвоив указанные научные позиции и осознав насущные потребности правоприменительной практики, посчитали разумным прямо предусмотреть возможность проведения экспериментов в судебных заседаниях. Например, в ст. 298 УПК Туркменской ССР говорилось о производстве судебного эксперимента, в ст. 254 УПК Эстонской ССР и ст. 292 УПК Латвийской ССР – о проведении следственного эксперимента в судебном заседании, тогда как в ст. 296 УПК Грузинской ССР, ст. 284 УПК Армянской ССР, ст. 274 УПК Узбекской ССР, ст. 293 УПК Киргизской ССР и ст. 261 УПК Молдавской ССР – о воспроизведении судом обстановки произошедшего. Определенные, хотя гораздо более осторожные шаги в данном направлении предпринял и российский законодатель – согласно ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР судам наряду с органами предварительного расследования и прокуратуры было дозволено использовать любые (!) предусмотренные Кодексом способы собирания доказательств, стало быть, и проводить следственные эксперименты.

Однако сложности в этом сегменте судебной практики все же наблюдались – ввиду гипотетической непригодности для судебного заседания ряда изначально рассчитанных на досудебное производство условий следственного эксперимента подобные действия иногда проводились и оформлялись под видом иных познавательных-удостоверительных приемов, преимущественно под видом установленного ст. 293 УПК РСФСР судебного осмотра местности и помещения. В других случаях уголовные дела вообще возвращались для дополнительного расследования с прямым указанием

прокурору о необходимости производства следственного эксперимента [8, с. 49].

И в этой связи ученые на протяжении почти сорока лет настаивали на необходимости введения в предмет уголовно-процессуального регулирования обособленной, отвечающей условиям реализации судебной власти формы проведения эксперимента в судебном заседании и заявляли об объективной потребности в ее автономной правовой регламентации [5, с. 110-122; 12, с. 186; 21, с. 74 и др.]. В конце концов эти призывы были услышаны – разработчики действующего уголовно-процессуального закона предусмотрели для судебного производства отдельную форму осуществления «следственных» опытов и испытаний, с одной стороны, предполагающую разумную преемственность по отношению к порядку производства эксперимента в ходе предварительного расследования, а с другой – отвечающую общим условиям судебного разбирательства в целом и правилам проведения судебного следствия в частности.

Правда, справедливости ради, все же стоит обратить внимание, что отдельные ученые придерживались иной позиции. Они не усматривали потребности в самостоятельной правовой регламентации судебного экспериментирования, полагая, что такие когнитивно-удостоверительные приемы надлежит осуществлять в рамках все тех же установленных ст. 293 УПК РСФСР и соответствующими положениями кодексов других республиканских судебных осмотров [6, с. 44].

Более того, схожие суждения присущи и некоторым современным публикациям, где судам предлагается проводиться «следственные» опыты и испытания в порядке, установленном ст. 287 УПК РФ для судебных осмотров помещений и участков местности [1, с. 127]. Причем, как будет показано далее, эти взгляды не так уж и беспочвенны.

Осмотры и эксперименты – действительно, достаточно близкие когнитивно-удостоверительные приемы. В основе обоих лежат общие гносеологические и психофизиологические закономерности невербального метода познания, состоящего в визуальной либо иной чувственной перцепции судьями и прочими

участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности с последующей трансформацией воспринятых сигналов посредством наглядно-образного мышления в соответствующие мысленные образы, подлежащие условно-знаковой фиксации в протоколах судебных заседаний [подр.: 15, с. 95-99; 17, с. 360-361], а формируемые путем их производства информационные активы относятся к одному и тому же виду доказательств – к результатам невербальных следственных и судебных действий [подр.: 18, с. 91]. Да и вообще, эксперимент является по отношению к осмотру неким «дочерним» действием. Ведь существующие в настоящее время алгоритмы следственных опытов и испытаний изначально сформировались как бы внутри судебного осмотра и лишь затем были признаны самостоятельным способом собирания доказательств. Таким образом, судебные осмотры и эксперименты должны предполагать достаточно близкий порядок производства, рассчитанный на возможность невербального восприятия всеми участвующими в рассмотрении (присутствующими при рассмотрении) уголовного дела лицами (судьями, государственными либо частными обвинителями, подсудимыми, защитниками, потерпевшими, «судебной публикой» и пр.) значимых фрагментов объективной реальности, в первую очередь расположенных не в зале судебного заседания.

В этой связи в ст. 288 УПК РФ вполне ожидаемым было бы увидеть какие-либо нормативные намеки на обязанность председательствующего по прибытии на место проведения эксперимента объявлять о продолжении судебного заседания, на принятие иных мер, способствующих обеспечению надлежащих условий реализации судебной власти, и т.д. Однако подобные детали почему-то не были удостоены должного законодательного внимания – их процессуальная регламентация оказалась не столь четкой и понятной, не склонной к должному исполнению установленных требований в соответствии с их аутентичным смыслом.

Не вполне удачной видится и предусмотренная ч. 2 ст. 288 УПК РФ отсылочная конструкция, предписывающая судам осу-

ществлять свои опыты и испытания в предусмотренном ст. 181 УПК РФ порядке следственного эксперимента. На первый взгляд, здесь вроде бы нет ничего странного, поскольку этим подчеркивается общность, по крайней мере схожесть, сущности, задач и оснований для проведения обоих процессуальных форм экспериментирования, а также обеспечивается вышеупомянутая преемственность процедурных правил одной из них по отношению к другой.

Вместе с тем подобная преемственность все же должна иметь известные границы, обусловленные принципиально разными условиями следственной (дознательской) и судебной деятельности. На достаточно серьезные различия следственного и судебного экспериментов обращали внимание многие специалисты. В частности, наиболее известный советский представитель судебной криминалистики Л.Е. Ароцкер еще в 1964 г. писал о своеобразии судебного экспериментирования, детерминированном особыми, отличными от предварительного расследования условиями процессуальной деятельности суда. Он справедливо указывал на необходимость обеспечения присутствия при проведении эксперимента всех участников судебного заседания, включая полный состав суда и подсудимого, говорил о возможности его производства лишь в условиях открытости (гласности) процесса и т.д. [2, с. 139]. Схожие позиции имеются в публикациях Р.С. Белкина, Г.А. Воробьева и ряда других авторов [5, с. 122; 8, с. 2 и др.]. Этот же тезис, правда, в несколько более общем виде высказывали и некоторые ученые-процессуалисты. Например, П.С. Элькинд справедливо указывала на отсутствие какого-либо единства процедур следственных и схожих с ними судебных приемов установления истины [23, с. 84].

Таким образом, суду надлежит осуществлять «следственные» опыты и испытания в несколько ином процессуальном режиме – хотя и детерминированном некоторой степенью преемственности по отношению к следственному эксперименту, но все-таки позволяющим обеспечить гласность и состязательность судебного заседания, право на доступ к правосу-

дию и другие важнейшие каноны реализации судебной власти. Тогда как вытекающие из системного единства ст. 181 и 288 УПК РФ требования к проведению экспериментов в судебных заседаниях не вполне предрасположены к подобному пониманию. Скорее их можно истолковать как предполагающие достаточно большой крен в сторону правил собиранья доказательств в досудебном производстве по уголовному делу.

Причем порой это приводит к достаточно неприятным и нежелательным ошибкам. Например, известны случаи, связанные с принудительным ограничением круга участников судебного эксперимента только составом суда, сторонами и лицами, прямо указанными в ст. 288 УПК РФ, то есть с его проведением в сходных с предварительным расследованием условиях, исключающих присутствие «сторонних». В других ситуациях ход и результаты «следственных» опытов и испытаний фиксировались в отдельных протоколах, которые в дальнейшем приобщались к протоколам судебных заседаний и т.д. До недавнего времени встречались и более курьезные случаи: догматично стремясь к выполнению вроде бы как установленных для судебного эксперимента процедурных требований, некоторые судьи даже привлекали к участию в его производстве понятых. Правда, на сегодняшний день ввиду нормативного снижения роли понятых в обеспечении доброкачественности результатов процессуальных действий подобные оплошности более не допускаются.

Для преодоления существующих дефектов законодательной основы проводимых судом «следственных» опытов и испытаний, для исключения, по крайней мере сокращения, допускаемых судьями практических ошибок вполне разумно прибегать к потенциалу правовой аналогии и пользоваться наиболее близкими по содержанию положениями УПК РФ. А ввиду рассмотренной выше схожести судебного эксперимента и судебного осмотра местности и помещения такими положениями как

раз и являются нормы, включенные в ст. 287 УПК РФ.

Вместе с тем полностью согласиться с учеными, предлагающими осуществлять судебные эксперименты по правилам осмотра местности и помещения, то есть унифицировать процессуальные режимы этих когнитивно-удостоверительных приемов, все-таки достаточно сложно. Ведь, несмотря на их бесспорные сходства, predeterminedенные единым невербальным методом процессуального познания, сущности экспериментирования все же свойственны достаточно весомые особенности – именно они в свое время и вынудили ученых, а затем и законодателя признать эксперимент автономным, требующим самостоятельной нормативной регламентации судебным действием.

В противовес осмотру местности и помещения «следственные» опыты и испытания характеризуются гораздо более специфическими когнитивными технологиями и предполагают более сложные объекты познания. Они позволяют суду, сторонам, другим участникам судебного заседания и даже присутствующей «судебной публике» наблюдать не столько возникшие в результате преступной деятельности либо каких-то связанных с ней обстоятельств фрагменты объективной реальности (так называемые материальные следы преступления в широком смысле), сколько продукты искусственной реконструкции, своеобразные модели этих фрагментов, в первую очередь обстановки случившегося в целом и ее деталей в частности. Кроме того, объектами «следственных» опытов и испытаний могут быть воссозданные фрагменты поведения отдельных людей, функционирования различных «машин» и технических механизмов, иные динамические процессы¹. Иными словами, в отличие от осмотров эксперименты позволяют выявить, распознать, а в дальнейшем и оценить результаты судебного моделирования, то есть сведения об аутентичных объектах процессуального познания, по-

1 Рассматривая аналогичные особенности следственных экспериментов в досудебном производстве по уголовному делу, С.А. Шейфер указывал на возможность создания и исследования двух различных разновидностей моделей: статичной модели обстановки преступления и динамичной модели поведения находившихся в этой обстановке лиц [22, с. 118]. Схожие суждения высказывали и некоторые другие ученые.

лученные посредством перцепции их специально воссозданных «дублей» и «клонов».

В этой связи существуют и специфические основания для проведения судебных экспериментов. В частности, Л.Е. Ароцкер связывал таковые: 1) с сомнениями в достоверности результатов произведенного ранее следственного эксперимента; 2) с возникновением каких-либо новых данных, подлежащих проверке не иначе, как путем экспериментирования; 3) с потребностью в восполнении пробелов досудебного производства, состоящих в непроведении эксперимента в ходе предварительного следствия; 4) с необходимостью собственного восприятия судом результатов соответствующих проведенных опытов и испытаний [2, с. 141-141]. Схожие взгляды присущи публикациям Ю.В. Корневского [13, с. 8] и А.А. Васяева [7, с. 347]. Тогда как Г.И. Загорский, исходя из данных, полученных в ходе анализа правоприменительной практики, счел, что в реальности такие основания ограничиваются лишь необходимостью проверки даваемых в судебных заседаниях показаний [11, с. 117].

Таким образом, представляется, что собственные судебному экспериментированию особенности все же вполне достаточны для осознания неверности точки зрения об его производстве в порядке судебного осмотра местности и помещения. Тем более, что даже в условиях действующего уголовно-процессуального регулирования, вроде бы как не предполагающего унификации правил проведения данных когнитивно-удостоверительных приемов, в практической деятельности судов достаточно часто встречаются необоснованные подмены одного из них (эксперимента) другим (осмотром).

Так, по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 264 УК РФ, судья одного из районных судов Московской области, руководствуясь положениями ст. 287 УПК РФ, произвел осмотр участка автомагистрали – в целях выявления ограниченной эвентуальности (!) визуального восприятия движущихся по дороге автомобилей в определенных погодных условиях и проверки гипотезы о невозможности (!) распознавания свидетелем марки и цвета транспортного средства, находившегося под управлением подсудимого.

В материалах современной судебной практики можно встретить и множество других подобных случаев.

Означает ли все сказанное насущную потребность в поспешном устранении вроде бы как изъянов нормативного регулирования судебного эксперимента, обуславливающих рассмотренные практические затруднения и допускаемые оплошности? Нет, не означает!

Автор статьи вообще весьма настороженно относится к подобным скоропалительным правотворческим инициативам, кстати, свойственным чуть ли не доброй половине современных научных публикаций уголовно-процессуальной направленности. Тем более, что предусмотренная ст. 288 УПК РФ юридико-техническая конструкция в целом представляется достаточно удачной. В первую очередь, она свободна от влияния присущих национальной правотворческой политике деструктивных тенденций, предполагающих инкрементальное усиление формализации различных юридических процедур и пронизанных стремлением «узаконить» (в узком смысле), то есть урегулировать посредством федерального закона все большее и большее количество возникающих вопросов. В публикациях автора уже неоднократно обращалось внимание на постепенное наполнение уголовно-процессуального законодательства положениями, не имеющими подлинно правовой ценности и «высокого» предназначения. Одновременно говорилось об их ярко выраженном техническом или технологическом характере, о сведении многих из них к правилам уголовно-процессуального делопроизводства [подр.: 19, с. 121-124], о постепенном превращении УПК РФ в своеобразную «поваренную книгу», в пошаговую инструкцию, в некую «памятку для безграмотных правоприменителей» [подр.: 16, с. 42]. Тогда как ст. 288 УПК РФ, не будучи подвержена указанным тенденциям, остается одним из приятных исключений, рассчитанных на подлинно профессиональ-

ных, понимающих смысл закона и осознающих ответственность за должное выполнение своих обязанностей представителей судейского корпуса.

Да и вообще, ввиду понятных причин, в первую очередь связанных с очевидными организационно-техническими сложностями, возникающими в ходе подготовки и проведения «следственных» опытов и испытаний, их «удельный вес» в общем объеме осуществляемых судами когнитивно-удостоверительных приемов не так уж и велик. Хотя нельзя не отметить достаточно широкий диапазон «цифр», полученных по этому поводу различными исследователями в разных регионах России. В некоторых публикациях приводятся результаты опросов судей, абсолютное большинство которых вообще никогда не прибегали к помощи судебных экспериментов. Другие ученые указывают на значительно меньшее количество респондентов, не сталкивающихся в своей практике с проведением подобных приемов. Автором статьи в результате проведенных несколько лет назад собственных исследований, посвященных проблемам результатов невербальных следственных и судебных действий, были получены следующие «цифры»: сведения о производстве судебных экспериментов удалось обнаружить в 2% из более чем 650 уголовных дел, а о своем личном участии в таких действиях поведали 12,5% из более чем 300 опрошенных судей и других профессиональных участников судебных заседаний. Кроме того, были выявлены многочисленные случаи отказов в удовлетворении ходатайств, в первую очередь участников со стороны защиты, о проведении судебных экспериментов, аргументирован-

ных невозможностью реконструкции обстановки или иных условий, необходимых для выполнения требуемых опытов [подр.: 15, с. 428-429].

Таким образом, гораздо более разумным представляется не затевать очередной (какой по счету?) раунд уголовно-процессуального правотворчества, а постараться достичь должного выполнения вытекающих из смысла ст. 288 УПК РФ в ее системном единстве со ст. 181 УПК РФ законодательных предписаний и устранить, по крайней мере минимизировать, возникающие в практике проведения «следственных» опытов и испытаний ошибки и оплошности посредством качественного доктринального и методического обеспечения судебной, прокурорской и адвокатской деятельности. Рассмотренные в настоящей статье нюансы и тонкости надлежит подробно разяснять в учебно-методической литературе, в научно-практических комментариях к Уголовно-процессуальному кодексу РФ, в иных подобных источниках. Кроме того, их разумно доводить до сведения «аудитории» в ходе реализации вузовских программ высшего юридического образования, краткосрочных программ повышения квалификации практических работников и проведения разовых занятий по служебной подготовке. И, наконец, вполне приемлемым видится разяснение указанных вопросов Пленумом Верховного Суда РФ, что, например, может быть обеспечено посредством внесения соответствующих дополнений в известное постановление Пленума от 19 декабря 2017 г. N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

Библиографический список

1. Александрова, С.А. Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Александрова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. – 253 с.
2. Ароцкер, Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве / Л.Е. Ароцкер. – М.: Юридическая литература, 1964. – 223 с.

3. Ароцкер, Л.Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук / Л.Е. Ароцкер. – Харьков, 1951. – 311 с.
4. Белкин, Р.С. Теория и практика следственного эксперимента / Р.С. Белкин. – М.: Высшая школа МВД СССР, 1959. – 171 с.
5. Белкин, Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике / Р.С. Белкин. – М.: Юридическая литература, 1964. – 223 с.
6. Васильев, А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. – М.: Юридическая литература, 1984. – 143 с.
7. Васяев, А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе / А.А. Васяев. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 472 с.
8. Воробьев, Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий / Г.А. Воробьев. – Краснодар: Издательство Кубанского университета, 1986. – 87 с.
9. Гуковская, Н.И. Право суда на производство следственного эксперимента / Н.И. Гуковская // Советская юстиция. – 1958. – № 4. – С. 35-38.
10. Диденко, Ф.К. Следственный эксперимент в практике органов военной юстиции / Ф.К. Диденко. – М.: Военно-политическая краснознаменная академия имени В.И. Ленина, 1957. – 32 с.
11. Загорский, Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам / Г.И. Загорский. – М.: Проспект, 2014. – 311 с.
12. Корневский, Ю.В. Криминалистика для судебного следствия / Ю.В. Корневский. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 198 с.
13. Корневский, Ю.В. Установление противоречий в доказательствах / Ю.В. Корневский // Советская юстиция. – 1992. – № 4. – С. 7-8.
14. Корчагин, А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика / А.Ю. Корчагин. – М.: Юридический мир, 2006. – 141 с.
15. Россинский, С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... докт. юрид. наук / С.Б. Россинский. – М., 2015 – 525 с.
16. Россинский, С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 42-47.
17. Россинский, С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе / С.Б. Россинский // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3. – С. 354-365.
18. Россинский, С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9. – С. 85-91.
19. Россинский, С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права РАН. – 2023. – Т. 18. – № 1. – С. 116-135.
20. Сысков, В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / В.Л. Сысков. – Челябинск, 2006. – 279 с.
21. Чеджемов, Т.Б. Судебное следствие / Т.Б. Чеджемов. – М.: Юридическая литература, 1979. – 92 с.
22. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 183 с.
23. Элькинд, П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – М.: Юридическая литература, 1967. – 192 с.

УДК 343.847

Татьяна Федоровна МИНЯЗЕВА,
профессор департамента права института экономики,
управления и права Московского городского
педагогического университета,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного комитета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
minyazeva2020@mail.ru

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ И СРЕДСТВА ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

THE PURPOSES OF PUNISHMENT AND MEANS OF ACHIEVING THEM

В статье подчеркивается важность установления гармонии между целями уголовного наказания и средствами их достижения в процессе его исполнения. Обращается внимание на роль средств исправительно-предупредительного воздействия на осужденных в реализации целей наказания в процессе его исполнения. Аргументируется вывод о том, что деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, в первую очередь предполагает достижение цели предупреждения совершения преступлений.

The importance of establishing harmony between the purposes of criminal punishment and the means of achieving them in the process of its execution is emphasized in the article. Attention is drawn to the role of means of corrective and preventive influence on convicts in implementation of the purposes of punishment in the process of its execution. The conclusion is formulated that the activities of institutions and agencies involved in execution of punishment are primarily intended for achieving the goal of preventing the commission of crimes.

Ключевые слова: цели наказания, цели исполнения наказания, исправление осужденного, восстановление социальной справедливости, режим, кара.

Keywords: *purposes of punishment, purposes of execution of punishment, correction of a convicted person, restoration of social justice, regime, retribution.*

Вопрос о целях наказания всегда был спорным. Уяснение целевой сущности наказания предопределяет судьбу лица, совершившего преступление. Закон определяет цели наказания таким образом, чтобы угроза его применения содействовала предупреждению совершения новых преступлений.

В науке справедливо отмечается, что содержание наказания непосредственно связано с определением его целей, в которых наиболее ярко проявляется направление уголовной политики государства. От опреде-

ления целей наказания зависит построение системы и видов наказаний [8, с. 140].

В.С. Соловьев, признанный одной из центральных фигур в русской философии XIX века (1853-1900 гг.), религиозный мыслитель, почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности, определял право как «принудительное требование осуществления минимального добра или порядка, не допускающего известного проявления зла» [7, с. 98-99]. Цели уголовного наказания и средства их достижения по своему отражению в законе также не

предполагают допущения зла в процессе его исполнения.

Справедливо пишет Л.И. Беляева: «Изначально уголовное наказание установлено в целях предупреждения под его угрозой посягательств на охраняемые законом ценности и развития у человека понимания необходимости правомерного поведения и чувства ответственности за него. И в настоящее время уголовному наказанию предназначено силой закона побуждение лица к социально одобряемому, нравственному поведению» [1, с. 50].

Законодатель в ч. 2 ст. 43 УК РФ предусматривает, что наказание «применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предотвращения совершения новых преступлений». Исполнение наказания, согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ, «имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Видимо, не случайно в УИК РФ не отражена цель восстановления социальной справедливости. С помощью репрессивного потенциала не все нарушенные преступлением права и свободы человека могут быть восстановлены. Важно понимать, что социальная справедливость восстанавливается в объективно и субъективно возможных пределах. Если уголовно-правовые санкции имущественного характера (например, штраф) в какой-то мере носят восстановительный характер (что вряд ли, на наш взгляд, распространяется на несовершеннолетних), когда они применяются за преступления в сфере экономики или преступления, не связанные с причинением вреда жизни и здоровью потерпевшего, то никакими мерами невозможно восстановление утраченного после совершения посягательств на жизнь, здоровье, половую свободу, безопасность человека, государства.

В доктринальном понимании средством достижения цели социальной справедливости является сам факт изобличения лица, совершившего общественно опасное деяние, содержащее признаки преступления, вне зависимости от того, были ли применены к

этому лицу какие-либо меры уголовно-правового характера. Восстановление социальной справедливости при осуществлении процесса применения наказания является отражением закрепленного в ст. 6 УК РФ принципа справедливости уголовной ответственности. В связи со сказанным, по нашему мнению, социальную справедливость следовало бы исключить из ч. 2 ст. 43 УК РФ как цель наказания. Это обеспечит единство уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в понимании целей наказания и средств их достижения.

Наказания и иные меры уголовно-правового характера подчинены целям общей и частной превенции. Неоспорим тот факт, что основным средством достижения указанных целей является неотвратимость ответственности. Ведь реакция государства на нарушение установленного им запрета по своему характеру должна быть, во-первых, неотвратимой. Во-вторых, она должна быть объективно негативной, то есть давать отрицательную оценку самому событию преступления и лица, его совершившего. В-третьих, эта реакция должна быть соразмерной, соответствующей характеру и степени общественной опасности преступления и особенностям личности виновного.

Исполнение уголовных наказаний связано с исправительным воздействием на виновного. Установленные законом основные средства исправления осужденных призваны содействовать обеспечению достижения целей наказания. Полагаем, что понимание достижения целей исполнения наказания как практического результата сквозь призму средств исправления осужденных выглядит целесообразным и оправданным, так как эти явления правовой действительности неразрывно связаны между собой и взаимно диалектически обусловлены.

Организация процесса исполнения наказания в соответствии с его регламентацией в действующем уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации предоставляет виновному возможность проявления желания встать на путь исправления. Станов-

ление же осужденного на путь исправления зависит во многом от него самого. Вместе с тем для формирования у лица побуждения к социально нравственному поведению законом установлены и такие возможности, как «поощрение позитивного, нравственного поведения лица; упражнение его в этом; пример позитивного, социально полезного поведения; устрашение; силовое давление, то есть наказание, предусмотренное уголовным законом» [1, с. 50]. Это не основные, но фактически значимые средства исправления осужденных.

Средствами достижения целей наказания в случаях его применения являются кара, объективно свойственная содержанию наказания, и исправительные инструменты, применяемые, главным образом, в процессе его исполнения. Кара проявляется в необходимости претерпевания осужденным определенных ограничений, тягот, страданий в процессе исполнения назначенного наказания. Некоторые ученые (в частности, В.К. Дюнов, И.И. Карпец, А.Л. Ременсон) предлагают различать понятия кары и страдания. Если обобщить их позиции, то кара представляет собой объективное в своей основе соразмерное воздаяние виновному за совершенный им поступок, страдание же – это субъективное восприятие лицом такого воздаяния, и, как всякое субъективное, оно не обязательно совпадает с объективным. Одна и та же по содержанию и объему кара может одними осужденными восприниматься как нестерпимое страдание, другими – как незначительная неприятность. Представляется возможным согласиться с этой точкой зрения. Действительно, кара свойственна самому наказанию, а страдания, испытываемые осужденным в процессе исполнения наказания, зависят от личности осужденного.

В свое время Н.С. Таганцев отмечал, что страдание, причиняемое наказанием, отличается от ощущения боли, испытываемой человеком от воздействия сил природы. Страдание не ограничивается физической стороной, а распространяется на нравственные ощущения [5, с. 93]. Лишения и ограничения прав

и свобод (кара) осужденных в период исполнения наказания должны быть настолько суровы, насколько это предусмотрено законом в интересах поддержания правопорядка в государстве.

Процесс применения средств достижения целей наказания во время его исполнения противоречив по своей сущности. Казалось бы, он призван удерживать осужденных от совершения преступлений. Однако при исполнении такого наказания, как лишение свободы, осужденного отделяют от общества, желая научить его полезному активному поведению, содержат в обстановке строгой регламентации, вырабатывающей пассивность, думая заменить в сознании человека вредные привычки полезными, его содержат среди себе подобных [11, с. 5]. Поэтому все исправительные средства: режим, труд, обучение и воспитательное воздействие – воспринимаются осужденными, главным образом, как неизбежная кара.

В научной литературе отмечается, что именно в режимных правилах находит отражение карательное содержание наказания, его объем и пределы. Применительно к наказаниям, связанным с лишением свободы, правила режима охватывают все сферы жизнедеятельности осужденных, которые находятся под контролем администрации органов, исполняющих эти наказания. При отбывании наказаний, не связанных с изоляцией от общества, совокупность основных элементов, образующих содержание режима, существенно сужает объем правоограничений осужденных, сокращается регламентация специфических правил их поведения [10, с. 90].

Рассматривая проблему достижения цели общего предупреждения, отметим, что оно было бы более эффективным, если бы всякое лицо, совершившее преступление, неизбежно несло за него ответственность. В связи с этим И.И. Карпец справедливо подчеркивал, что «влияние общепредупредительной силы наказания как средства предупреждения преступлений – весьма сложная социально-психологическая проблема. Но силу общепредупредительного воздействия наказания

переоценивать нельзя, общее предупреждение тогда действенно, когда оно сочетается с предупреждением частным» [3, с. 134].

Цели частного предупреждения реализуются в основном посредством действия всей уголовно-исполнительной системы и включают в себя основные средства исправления осужденных, охрану их прав, свобод и законных интересов, материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение, оказание помощи в социальной адаптации.

Средства достижения целей наказания зависят от его вида и определения порядка и условий ее исполнения. К наказаниям, исполнение которых не связано с изоляцией от общества, относятся штраф, различные ограничения прав (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, ограничение по военной службе, принудительные работы. Следует акцентировать внимание на их содержании (каре), выражающемся в лишениях имущественного характера (в случае применения штрафа, исправительных работ) либо в установлении различного рода ограничений и запретов (например, при ограничении свободы).

Средства достижения целей наказания в отношении осужденных к лишению свободы более ощутимы, поскольку им приходится жить в условиях неволи, переживать не только моральные страдания, но и физические, обусловленные взаимоотношениями в среде осужденных, испытывать трудности и после отбытия наказания. Как точно отмечают А.С. Сергиенко и П.В. Тепляшин: «Взаимоотношения в пенитенциарном сообществе сформировали особый феномен субъективного конструирования модели мира, в рамках которого над личностью доминируют неформальные, обусловленные криминальной стратификацией роли, переворачивается пирамида жизненных ценностей, формируется иная смысловая межличностная систе-

ма правовых, культурно-нравственных, эстетических и религиозных представлений» [6, с. 101].

Смертная казнь является особым видом наказания. Ее исполнение не связано ни с изоляцией виновного от общества, ни с исправительным воздействием. Особенности достижения целей наказания при применении смертной казни заключаются в том, что таким способом реализуется принцип восстановления социальной справедливости и полностью достигается цель частной превенции, что в определенной мере способно повлиять и на общую превенцию. Это – единственное наказание, исполнением которого могла бы обеспечиваться максимальная безопасность граждан от новых посягательств на их жизнь со стороны конкретного осужденного.

Репрессия (кара) свойственна процессу исполнения любого наказания. Однако рассчитывать на достижение цели частного предупреждения под влиянием мероприятий, связанных с усилением или, наоборот, ослаблением репрессии и приоритетом мер психолого-педагогического воздействия на виновных, не следует. Становление осужденного на путь исправления зависит главным образом от него самого, что отражает основные постулаты коммуникативной теории наказания, согласно которой «уголовное наказание необходимо воспринимать как форму заслуженного порицания и светского покаяния, направленного на раскаяние, моральное исправление и примирение преступника как непосредственно с потерпевшим, так и с обществом» [9, с. 25]. Содействуя достижению целей наказания, государство борется за человека, стремясь предоставить ему возможность стать полезным обществу, и в то же время охраняет общество от возможных посягательств на устои его существования.

Содержание кары характеризуется двумя показателями: качественным и количественным. Качественный показатель определяет комплекс правоограничений, свойственных исполнению конкретного вида наказания (степень изоляции и режимные ограничения, ограничения имущественного характера,

ограничения в области трудовых правоотношений и т.п.). Количественный показатель определяет размер кары, период ее применения (срок лишения свободы, исправительных и обязательных работ, размер штрафа и т.п.). При этом действующее наказание рассматривает кару не как цель наказания, а «как средство предупредительного воздействия на самого преступника и других неустойчивых лиц» [2, с. 10-11].

Именно с реализацией в процессе исполнения наказания его превентивной цели связано применение условного осуждения, освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, по нереабилитирующим обстоятельствам, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, в том числе и осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы. Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2023 г. были осуждены условно 137340 человек (в 2022 г. – 160656). При этом в 2023 г. судами удовлетворены 20703 ходатайства об условно-досрочном освобождении от лишения свободы, из них в отношении 1070 человек условно-досрочное освобождение было отменено; в 2022 г. – 22883 ходатайства удовлетворены, в отношении 1182 человек отменены. За 2023 г. повторные преступления были совершены 199643 осужденными, за 2022 г. – 207903¹.

Юридическим основанием начала карательно-воспитательного процесса для исполнения любого наказания является вступивший в законную силу приговор суда. Только в приговоре или постановлении суда содержатся объем и пределы ограничений и лишений, которые включены законом в

содержание любого наказания, определен порядок его исполнения, заложены основы правового положения осужденного. Однако исправительная и превентивная цели карательно-воспитательного процесса будут достигнуты в случае грамотного сбалансирования применения основных и неосновных средств исправления осужденных, каждое из которых объективно не лишено карательных моментов, позитивно воздействующих на их личность.

Согласимся с мнением А.Н. Павлухина, что цели, которые государство ставит перед наказанием, и их достижение оказывают непосредственное влияние на уголовную и уголовно-исполнительную политику, на состояние и эффективность борьбы с преступностью [4, с. 95]. Ведь выявление конечного результата значимо в контексте оценки достижения всех итогов деятельности уголовно-исполнительной системы. При этом практическая определенность в достижении целей наказания становится очевидной только по истечении определенного промежутка времени.

С учетом указанного важно отметить, что действующим законодательством предусмотрена вполне приемлемая система средств исправительного воздействия на осужденных и возможность их социальной адаптации как в период отбывания наказания, так и после его отбытия, а непосредственное достижение исправительной цели (следовательно, и цели частной превенции) наказания зависит главным образом от личности осужденного. При этом подпадание лица под влияние среды, в которой оно оказалось, также зависит от самого лица.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022-2023 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 01.06.2024).

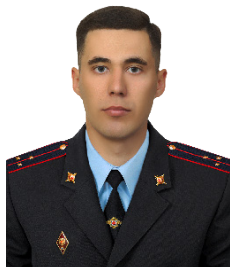

Библиографический список

1. Беляева, Л.И. Нравственные основы уголовной политики Российской Федерации / Л.И. Беляева // Уголовный закон и нравственность : сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 29 сентября 2021 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022. – С. 47-55.
2. Дуюнов, В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.К. Дуюнов. – М., 2001. – 49 с.
3. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. – 287 с.
4. Павлухин, А.Н. Цели наказания и возможности их достижения в российском уголовном праве / А.Н. Павлухин // Закон и право. – 2018. – N 5. – С. 95-101.
5. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 2 / Н.С. Таганцев; сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
6. Сергиенко, А.С. О системе смысловой регуляции субъекта в контексте коррекционного воздействия на делинквентную личность / А.С. Сергиенко, П.В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – N 4. – С. 97-104.
7. Соловьев, В.С. Право и нравственность // Власть и право: из истории русской правовой мысли : сборник / сост. А.В. Поляков, И.Ю. Козлихин. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 317 с.
8. Тасаков, С.В. Восстановление социальной справедливости как наиболее важная цель наказания / С.В. Тасаков // Вестник Кузбасского института. – 2023. – N 2 (55). – С. 139-144.
9. Тепляшин, П.В. Коммуникативная теория наказания: содержание, пределы применения, значимость для уголовно-исполнительных отношений / П.В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. – N 1(66). – С. 24-31.
10. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 464 с.
11. Хохряков, Г.Ф. Преступления осужденных: причины и предупреждение / Г.Ф. Хохряков, Г.С. Саркисов. – Ереван: Айастан, 1988. – 279 с.

УДК 343.57

Дмитрий Сергеевич ЗИНЧЕНКО,
преподаватель кафедры обеспечения безопасности
на объектах транспорта
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина
dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru

**КРИПТОВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА
ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**CRYPTOCURRENCY AS A MEANS OF PAYMENT IN THE COMMISSION
OF CRIMES IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING USING INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

В статье проводится структурно-функциональный анализ рынка криптовалют. Постоянно растущий интерес общественности к криптовалюте не обошел стороной и преступный мир, в частности преступность в сфере незаконного оборота наркотиков. Криптовалюта стала активно использоваться в качестве средства платежа при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий. Во многом это обусловлено присущими криптовалюте свойствами: анонимностью и безопасностью транзакций, глобальным охватом аудитории, децентрализацией, отсутствием налогообложения и мобильностью операций. Автором рассматриваются разные виды наркоуслуг, за которые оплата производится с использованием криптовалюты, а также анализируются их схемы. Кроме того, в статье исследуется одна из главных причин использования криптовалюты в качестве средства платежа при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий – отсутствие единого законодательного регулирования оборота криптовалюты. Также автором указывается комплекс мер, направленных на установление правового статуса криптовалюты и разработку моделей предупреждения ее криминального использования.

The article provides a structural and functional analysis of the cryptocurrency market. The ever-growing public interest in cryptocurrency has not been spared by the criminal world, in particular crime in the field of drug trafficking. Cryptocurrency has become actively used as a means of payment in the commission of crimes in the field of drug trafficking using information and communication technologies. This is largely due to the inherent properties of cryptocurrency: anonymity and security of transactions, global audience coverage, decentralization, lack of taxation and mobility of operations. The author examines different types of drug services for which payment is made using cryptocurrency, as well as analyzes their schemes. In addition, the article examines one of the main reasons for using cryptocurrencies as a means of payment when committing crimes in the field of drug trafficking using information and communication technologies - the lack of a unified legislative regulation of cryptocurrency turnover. The author also indicates a set of measures aimed at establishing the legal status of cryptocurrency and developing models to prevent its criminal use.

Ключевые слова: криптовалюта, незаконный оборот наркотиков, средство платежа, преступление, наркопреступность, информационно-коммуникационные технологии.

Keywords: *cryptocurrency, drug trafficking, means of payment, crime, drug crime, information and communication technologies.*

Развитие современного мирового общества связано с активными процессами информатизации и технологизации. Общественные отношения претерпевают трансформацию в цифровое пространство, предметы общественного взаимодействия стремительно уходит в цифровой мир. Появление и функционирование на фоне этих процессов множества новых сервисов, функций и иных видов услуг сопровождается активным развитием новых платежных инструментов, позволяющих осуществлять дистанционный оборот различных средств.

Одним из распространенных платежных инструментов на современном этапе развития выступает такой вид цифрового финансового актива, как криптовалюта, получившая стремительное развитие по всему миру. Рынок криптовалют – на сегодняшний день самая быстрорастущая отрасль. Распространение крипторынка сравнивают с распространением Интернета (рис. 1).

Мировая капитализация криптовалют за последние три года увеличилась практически в 5 раз. Так, в январе 2021 г. были зарегистрированы около 106 млн владельцев

криптовалюты, а уже в конце 2023 г. – 580 млн пользователей¹. (рис. 2). По прогнозам специалистов, к 2025 г. количество владельцев криптовалюты в мире переступит порог в 1 млрд человек.

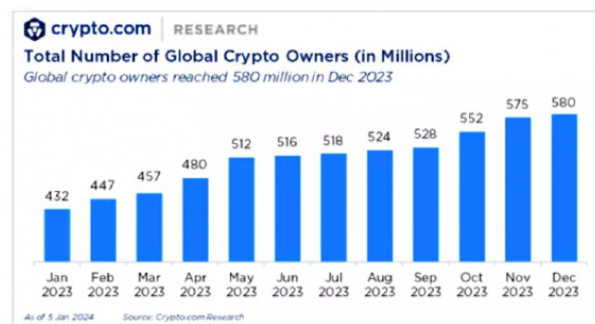

Рис. 2. Динамика роста числа владельцев криптовалют в 2023 году

В 2023 году Россия находилась в числе лидеров по количеству посещений сайтов криптобирж. До 15% россиян осуществляют покупку криптовалюты через криптообменники, например telegram-терминалы. По этому показателю по итогам января-марта 2023 г. Россия вышла на второе место в мире². Кроме того, по данным Clain Technologies за 2021 г. Россия лидировала в мире по доле

теневых криптовалютных операций с долей свыше 41%.

Согласно исследованиям, совокупный рыночный объем криптовалюты в России на январь 2023 г. оценивался в 16,5 трлн рублей, более 17 млн россиян владеют различными видами криптовалюты. При этом статистические данные указывают, что около 60% криптовладельцев составляют лица в возрасте от 20 до 40 лет³.

Стремительное разви-

Рис. 1. Соотношение тенденции развития Интернета и криптовалюты с перспективой до 2035 года

1 В 2023 году количество пользователей криптовалют в мире выросло на 34% – до 580 000 000 человек. URL: <https://overclockers.ru/blog/Zeroblog/show/133716/V-2023-godu-kolichestvo-pol-zovatelej-kriptoaljut-v-mire-vyroslo-na-34-do-580-000-000-chelovek> (дата обращения: 16.03.2024).

2 Криптовалюта и майнинг в России. Что изменилось за 2023 год. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/658be0b39a7947abc793eabb?from=sory> (дата обращения: 18.12.2023).

3 Цифровые финансовые инструменты: криптовалюты и перспективы их легализации // Официальный сайт компании DELOVOY PROFIL. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/tsifrovye-finansovye-instrumenty-kriptovalyuty-i-perspektivy-ikh-legalizatsii/> (дата обращения: 19.01.2024).

тие криптовалюты вызвало дискуссионный бум не только среди законодателей и ученых России, но и среди зарубежного сообщества. На сегодняшний день законодательного закрепления понятия «криптовалюта» не существует. В зарубежной и российской литературе этот термин зачастую взаимозаменяют понятиями «цифровая валюта», «виртуальная валюта» и др.

Так, М.А. Егорова и Л.Г. Ефимова определяли цифровую валюту как особую форму валюты, существующую только в цифровом (электронном) виде, операции с которой возможны только при наличии электронных кошельков, подключенных к сети Интернет [2, с. 131].

В понятие «виртуальной валюты» авторы закладывали нерегулируемые национальным банком цифровые деньги, находящиеся в сфере контроля своего разработчика, организации-учредителя или определенного сетевого протокола и подлежащие к оплате только в виртуальном мире.

Кроме того, определенные дискуссии вызывает распространенное мнение, заключающееся в определении «криптовалюта» как «денежного суррогата». Так, О.М. Крылов в качестве денежных суррогатов рассматривает финансовый инструмент, способный одновременно, полностью или частично выполнять функции национальной валюты России [5, с. 43]. Исследуя денежные суррогаты, Т.А. Дельцова относила к ним любые средства платежа или платежного обмена (инострannую валюту, ценные бумаги, депозитные сертификаты и др.), кроме национальной валюты Российской Федерации [1, с. 243].

Исходя из вышесказанного, соотношение криптовалюты и денежных суррогатов с экономической точки зрения возможно, но с юридической позиции закрепить общий правовой статус этим понятиям невозможно.

Согласно рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), под криптовалютой понима-

ются децентрализованные, конвертируемые, распределенные, основанные на математических принципах виртуальные валюты, в отношении которых отсутствует контроль¹.

Центробанк России определил криптовалюту как децентрализованную виртуальную валюту, основанную на математических алгоритмах и защищенную методами криптографии, выпуск которой осуществляется на основе распределенных реестров².

Таким образом, обобщая вышеизложенное, «криптовалюту» можно определить, как созданную и контролируемую разработчиком при помощи криптографических алгоритмов виртуальную валюту, в отношении которой установлена полная децентрализация и оборот которой возможен только в цифровом (виртуальном) пространстве.

Цифровая трансформация не обошла и преступный мир, в частности совершение преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. Согласно исследованию компании RTM Group о криптовалютах и криптобиржах в 2021 г. количество судебных разбирательств, связанных с криптовалютой, криптобиржами и майнингом, превысило 1500. При этом в 60% случаев криптовалюта фигурировала по делам, связанным с легализацией доходов, полученных преступным путем, организацией азартных игр, а также незаконным оборотом наркотиков, на долю которых приходится свыше 35%³.

Незаконный оборот наркотиков – серьезная угроза, подрывающая безопасность практических всех стран мира. В последнее время негативные тенденции наркопреступности связаны с активным использованием наркоторговцами информационно-коммуникационных технологий. Масштабы современной наркопреступности подтверждает официальная статистика (рис. 3). При этом практически 1/2 таких преступлений совершена с использованием криптовалюты.

1 Bech M., Garratt R. L. Central bank cryptocurrencies // Официальный сайт BIS. URL: https://www.bis.org/publ/qrtpdf/r_qt1709f.html (дата обращения: 25.02.2024).

2 Обзор Банка России по криптовалютам, ICO и подходам к их регулированию. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

3 Крипта все чаще в криминальных сводках // Официальный сайт COMNEWS. URL: <https://www.comnews.ru/content/220715/2022-06-15/2022-w24/kripta-vse-chasche-kriminalnykh-svodkakh> (дата обращения: 18.11.2023).

Криптовалюта стала современным средством платежа в арсенале способов сокрытия наркопреступности. Усовершенствованные «криминальные бизнес-модели» наркопреступности, строящиеся на максимизации прибыли, постоянном противоправном перемещении наркотиков через границы, отмывании финансовых потоков, порождении коррупционных схем, начали активно использовать криптовалюту.

При совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, криптовалюта, обладая специфичной природой, стала частью этих технологий. Транзакции, проводимые с использованием криптовалют, – это большой объем данных, которые подчиняются различным правилам и принципам функционирования информационных технологий (онлайн и НонСтоп-платежи, «Знай своего клиента» и др.). В свою очередь, криптовалюта, действуя в глобальном масштабе и обладая возможностью быстрого и простого способа перечисления средств с одного кошелька на другой, позволяет взаимодействовать с разными агентами (от потребителя наркотиков до поставщика).

Криптовалюта при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, выступает в качестве средства:

оплаты нелегальных наркоуслуг (например, за совершение «закладок», организацию работы нарколабораторий и т.д.);

оплаты услуг криминальных посредников; оплаты «регистрационного» билета на специализированных онлайн-площадках;

оплаты непосредственно за приобретение наркотиков [7, с. 25].

На сегодняшний день существуют десятки схем криптовалютной оплаты за незаконный оборот наркотиков, совершаемый с использованием информационно-коммуникационных технологий [8, с. 97]. Выбор той или иной схемы зависит от категории оплачиваемых услуг.

Например, при использовании криптовалюты для оплаты различных взносов, «регистрационных» билетов или иных схожих услуг используется довольно интересная схема фишинговых кошельков: оплата производится на онлайн-площадке путем конвертации денег в криптовалюту с помощью различных бирж (Exmo.com). Далее средства переходят адресату не напрямую, а вирусные программы «ловят» их и направляют на фишинговые кошельки все того же адресата с целью дальнейшего обналичивания. Эта схема схожа с интернет-мошенничеством, только со своими же активами.

Далее оплата за приобретение наркотиков строится по следующему механизму. Наркотоковцы создают интернет-сайты для оборота запрещенных веществ и закодированные под них сервисы криптопроцессинга. Сервис работает как обычная платежная система – покупатель выбирает в качестве производимой оплаты вид криптовалюты (если наркопреступниками не закреплена определенная криптовалюта), программа автоматически производит конвертацию стоимости и генерирует уникальный код для выполнения операции.

При использовании криптовалюты в качестве средства оплаты нелегальных наркоуслуг и услуг наркопосредников используются уже другие схемы. Наркотоковцы осуществляют криптовалютные

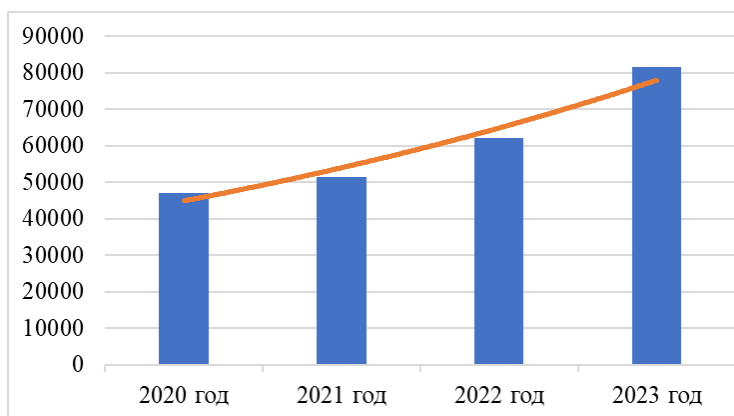

Рис. 3. Темпы роста преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий

транзакции на анонимные либо подставные криптокошельки, после чего на электронных биржах с целью усиления мер конспирации и исключения возможности отслеживания финансовых потоков производится неоднократный обмен полученной криптовалюты на другой ее вид. Далее с помощью тех же криптобирж происходит конвертация криптовалюты в денежные средства и их зачисление на электронные кошельки преступников.

На территории Российской Федерации в настоящее время функционирует огромное количество торговых онлайн-площадок (LegalRC и WayAWay), связанных с нелегальным оборотом наркотиков, оплата на которых производится исключительно с использованием криптовалюты (Bitcoin). Так, в Омске с декабря 2020 г. по март 2021 г. мужчина и женщина, состоявшие в сговоре, занимались систематическим сбытом на территории региона наркотиков. Наркосбытчики осуществляли противоправную деятельность с помощью различных программ, а также с использованием криптовалюты¹. В мае 2022 г. в Санкт-Петербурге сотрудниками полиции пресечена деятельность группировки, распространяющей наркотики бесконтактным способом. Оплата производилась криптовалютой².

Активное использование криптовалюты при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с помощью информационно-коммуникационных технологий связано с характерными свойствами виртуальной валюты:

– повышенная безопасность транзакций, совершаемых в режиме P2P (равенство пользователей, транзакции осуществляются без посредников), которые к тому же являются псевдонимными, т.е. операции производятся между вымышленным кругом лиц с использованием технологии блокчейн;

– децентрализация виртуальной валюты, т.е. отсутствие централизованного сервера, контролирующего все операции;

– отсутствие налогообложения;
– анонимность. Использование разработчиками криптографических методов и распределенных реестров затрудняет идентификацию клиентов [4, с. 58];

– мобильность, высокая скорость международных трансферов или так называемая «транснациональность», заключающаяся в невозможности установления государственных и таможенных границы при проведении транзакций;

– глобальный характер. Криптовалюта позволяет участвовать в криптосистеме любому пользователю, подключенному к Интернету.

Вышеуказанный спектр свойств криптовалюты позволяет беспрепятственно использовать ее в качестве средств достижения различных преступных целей, осуществляя финансовые операции в любой части мира. Кроме того, в некоторых альтернативных платежных системах активно используются специальные технологические решения, так называемые «миксеры», создающие препятствия для идентификации криптовалютных операции и их участников.

Однако главной проблемой популярности и распространенности криптовалюты среди преступников, в частности совершающих незаконный оборот наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий, выступает отсутствие законодательства в сфере оборота криптовалюты.

Сегодня идет активное обсуждение вопроса о правовом регулировании криптовалютного рынка. Правовой статус криптовалюты в государствах неоднозначен: от полного запрета криптовалюты до уравнивания ее с обычными деньгами и признания ее в качестве национальной валюты.

М.С. Марамыгин разграничивал государства на принимающие криптовалюту, находящиеся на переходной стадии и запрещающие оборот криптовалюты [6, с. 215]. Такой же подход к определению правового статуса криптовалюты избрали и И.В. Елохова,

1 Криптовалюта и героин: двое омичей, которые больше года занимались сбытом наркотиков, предстанут перед судом // Официальный сайт Омского областного телевидения. URL: <https://12-kanal.ru/news/118329/> (дата обращения: 05.04.2024).

2 В Петербурге пресекли деятельность группировки, распространяющей наркотики через тайники // Официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/14776435> (дата обращения: 15.12.2023).

М.И. Ахметова, А.В. Крутова, А.В. Тетенова [3, с. 202].

Так, Швеция, Дубай, Венесуэлла, Япония и некоторые другие входят в число стран, в которых криптовалюта является элементом государственно-денежной политики. Одной из первых стран, закрепивших в 2017 г. на законодательном уровне признание виртуальной валюты, является Япония. Также в 2017 г. в Дубае произошел запуск национальной криптовалюты (Emcash). В сентябре 2021 г. в Эль-Сальвадоре был принят закон, закрепляющий криптовалюту (Bitcoin) в качестве легального платежного средства.

На территории Германии, Италии, Канады, Швейцарии криптовалюта не является официальным денежным средством, но ее оборот не запрещен. При этом некоторые государства пытаются урегулировать их оборот. Так, в Канаде законодатель закрепил обязательную регистрацию криптовалютных бирж. А в Швейцарии оборот криптовалюты подпадает под ставку действующего налога.

А вот в Китае, Марокко, Непале и некоторых других странах оборот криптовалюты запрещен. Например, в разъяснениях Народного банка Китая отмечается, что любая деятельность, связанная с оборотом криптовалюты, является незаконной финансовой деятельностью.

Что касается России, то вопрос, связанный с оборотом криптовалюты уже несколько лет стоит на повестке. Так, еще в 2015 г. Министерство финансов Российской Федерации предложило запретить биткойн, как вид криптовалюты и закрепить административную и уголовную ответственность за нарушение правил оборота с ним. Эта позиция неоднократно подвергалась критике и на этом фоне продолжались дискуссии по поводу легализации криптовалюты.

В 2017 г. руководитель Банка России Эльвира Набиуллина заявила о невозможности легализации использования криптовалю-

ты как законного платежного средства. После чего Президент Российской Федерации Владимир Путин поручил Правительству и Банку России разработать положения, закрепляющие регулирование оборота криптовалюты.

Однако, несмотря на предпринимаемые попытки, до сих пор не удалось урегулировать оборот криптовалюты. Вступивший в силу с 1 января 2021 г. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ закрепил лишь общие ориентиры для регулирования оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

При этом стоит отметить, что на законодательном уровне криптовалюта в России не является средством платежа, однако она не находится и под запретом и не ограничивается право на ее владение. На сегодняшний день существуют значительные разногласия между Министерством финансов и Центральным Банком России, касающиеся правового регулирования криптовалюты на территории страны.

Так, Минфин России выдвигает концепцию о запрете использования цифровых валют в качестве средства платежа на территории России, но рассматривает криптовалюту в качестве инструмента для инвестиций и осуществления операций купли-продажи криптовалюты.

В свою очередь, Центробанк России выдвигает опасение распространения криптовалюты для благосостояния населения, стабильности финансовой системы, а также растущей угрозы, связанной с использованием криптовалюты в противоправной деятельности.

Но стоит обратить внимание на Федеральный закон от 24 июля 2023 г. N 340-ФЗ² и Федеральный закон от 24 июля

1 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 N 340-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2023 г. N 339-ФЗ¹, в соответствии с которыми в России принята третья форма национальной валюты – цифровой рубль. Цифровой рубль в отличие от криптовалюты в оборот будет выпускать только Центробанк, в то время как криптовалюту с помощью майнинга может добывать кто угодно. Кроме того, цена криптовалюты не обеспечена никакими ресурсами, в свою очередь, цифровой рубль будет обеспечен золотовалютным резервом. Казалось бы, эта мера никак не повлияла на оборот криптовалюты в стране. Однако, по нашему мнению, эта мера прямо пропорционально в дальнейшем приведет к полному запрету на операции с использованием криптовалюты в стране и введении ответственности за ее оборот.

Таким образом, проблемы со стандартизацией и функциональной совместимостью нормативного статуса криптовалюты как на национальном, так и на международном уровне выступают благоприятным условием для использования криптовалюты как средства платежа при совершении противоправной деятельности, в частности незаконного оборота наркотиков, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Подводя итог, необходимо отметить, что в условиях цифровизации общества криптовалюта обладает тотальной популярностью и носит глобальный характер. Безоговорочные преимущества криптовалюты, связанные с анонимностью участников, трансграничным характером, проблемами правового регулирования наряду с отсутствием специализированных инструментов и методов для отслеживания и анализа криптоопераций порождают устойчивую популярность ее использования в преступном мире, в частности в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемого с использованием информационно-комму-

никационных технологий. Криптовалюта используется наркопреступниками в качестве средства платежа при совершении незаконной деятельности (оплата наркотиков, наркослужб и т.д.), при этом существуют различные схемы осуществления платежей (от использования криптобирж до создания фишинговых кошельков). В связи с этим, происходит взаимобратный стимулирующий процесс: криптовалюта обеспечивает безопасность и сложность выявления наркопреступлений, создавая условия для устойчивого роста и процветания наркопреступности, а активное использование наркоторговцами криптовалюты формируют значительный вклад в рост ее ликвидности.

Учитывая вышеизложенное, в целях установления правового регулирования оборота криптовалюты и разработки моделей предупреждения ее криминального использования считаем необходимым: 1) определение правовых критериев и стандартов оборота криптовалюты на территории Российской Федерации, в частности, закрепление правового понятия «криптовалюта» и включение ее в число объектов гражданских прав, введение требований об обязательной идентификации криптовладельцев, определение модели налогообложения криптовалюты или разработка и принятие нормативного правового акта, запрещающего оборот криптовалюты на территории страны; 2) введение уголовной ответственности за нарушение установленных стандартов оборота криптовалюты; 3) разработка и внедрение специализированных компьютерно-технических программ и методов, позволяющих деанонимизировать и верифицировать операции с криптовалютой; 4) создание в рамках многосторонних международных соглашений многофункциональной базы банных о криптопреступности.

¹ О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 N 339-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

Библиографический список

1. Дельцова, Т.А. Многообразие денежных суррогатов в природе или в чем заключается свобода выбора? / Т.А. Дельцова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – N 3. – С. 241-250.
2. Егорова, М.А. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства / М.А. Егорова, Л.Г. Ефимова // Lex Russica. – 2019. – N 7 (152). – С. 130-138.
3. Земцова, С.И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности / С.И. Земцова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – N 1 (13). – С. 54-63.
4. Крылов, О.М. Денежный суррогат как правовая категория / О.М. Крылов // Административное и муниципальное право. – 2019. – N 6. – С. 41-48.
5. Марамыгин, М.С. Виды и особенности майнинга современных денежных суррогатов-криптовалют / М.С. Марамыгин // Kant. – 2017. – N 4 (25). – С. 215-219.
6. Подходы к определению правового статуса криптовалют в ведущих странах мира / И.В. Елохова, М.И. Ахметова, А.В. Крутова, А.В. Тетенова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2019. – N 1. – С. 201-209.
7. Халиуллина, Л.Г. Криптовалюты в механизме незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Л.Г. Халиуллина // Наркоконтроль. – 2019. – N 3. – С. 23-26. – DOI 10.18572/2072-4160-2019-3-23-26. – EDN AFYRGX.
8. Хамидуллин, Р.С. Оперативно-тактическое обеспечение национальной безопасности в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Р.С. Хамидуллин // Вопросы безопасности. – 2023. – N 2. – С. 95-105. – DOI: 10.25136/2409-7543.2023.2.37603. – EDN: MYPBAN.

УДК 343.27

Наталья Ивановна КУЗНЕЦОВА,

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

natasha40480@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕНСАЦИЯ КАК НОВАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

ENVIRONMENTAL COMPENSATION AS A NEW MEASURE OF A CRIMINAL LAW NATURE

В статье автор обосновывает необходимость включения в уголовное законодательство такой новой меры уголовно-правового характера, как экологическая компенсация, называемая ее признаки. Приводятся доводы для отнесения иных мер уголовно-правового характера к методу пенализации. Указывается, что лицо, впервые совершившее экологическое преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно выполнило достигнутое при процедуре медиации экологическое соглашение своими силами либо за свой счет устранило причиненный вред, возместило причиненный ущерб не менее чем в двухкратном размере и осуществило экологически полезные мероприятия, указанные в экологическом соглашении, или ему назначена мера уголовно-правового характера в виде экологической компенсации.

The article justifies the necessity of including into criminal legislation such a new measure of a law criminal nature as environmental compensation, gives its signs. Arguments are given to classify other measures of a criminal law nature to the penalization method. It is indicated that the person who first committed an environmental crime of low or medium severity, may be exempted from criminal liability if he (she) has fulfilled the environmental agreement reached during the mediation procedure on its own or at his own expense eliminated the harm caused, compensated for the damage caused at least twofold and carried out environmentally useful activities mentioned in the environmental agreement or measure of a criminal law nature in the form of environmental compensation has been imposed to him (her).

Ключевые слова: пенализация, экологическая компенсация, меры уголовно-правового характера, судебный штраф.

Keywords: *penalization, environmental compensation, measures of a criminal nature, judicial penalty.*

Рассмотрение вопроса об иных мерах уголовно-правового характера необходимо начать с выявления их соотношения с таким методом уголовной политики, как пенализация, которое по праву выступает ее центральным звеном.

В юридической литературе под пенализацией понимают процесс установления ха-

рактера наказуемости криминализированных деяний и назначения наказания в судебной практике [5, с. 137], а также один из методов уголовно-правовой политики [9, с. 24]. Уточняя параметры пенализации, Э.В. Густова приходит к выводу о том, что она совпадает с криминализацией и образует ее составную часть [3, с. 224-228]. С представленной

точкой зрения согласиться трудно. На наш взгляд, пенализация не является составной частью криминализации, а осуществляется параллельно с ней. Ее следует рассматривать более широко и включать процесс внесения в систему наказаний и в санкции действующего уголовного законодательства изменений в направлении их ужесточения (усиления). Можно сказать, что пенализацию необходимо рассматривать как процесс и как результат. В процессе устанавливается характер наказуемости, а результат воплощается в конкретных санкциях. Существуют законодательная и правоприменительная пенализация. Согласимся с учеными, которые полагают, что процесс пенализации общественно опасных деяний является более интенсивным, чем процесс криминализации, который заканчивается на стадии создания и принятия новой уголовно-правовой нормы [1, с. 9].

Нельзя не обратить внимание на мнение В.А. Уткина, который указывает, что пенализация может рассматриваться в двух взаимосвязанных аспектах: общем и частном. Частные аспекты пенализации находят юридическое выражение в статьях Особенной части УК РФ в виде санкций соответствующих норм, предусматривающих ответственность за конкретные преступления. Общие аспекты пенализации отражаются в Общей части УК РФ. Это цели, виды, система, меры (количественная и качественная характеристики) наказаний, порядок их взаимоотношения, их назначения, особенности применительно к отдельным категориям виновных и т.п. [13, с. 118]. Данный подход имеет существенное теоретическое значение и может быть интерпретирован в отношении экологических преступлений. Так, частные аспекты пенализации находят отражение в санкциях главы 26 УК РФ, а также ст. 358 УК РФ «Экоцид». В свою очередь, общие аспекты пенализации отражаются в целях, которые допустимо именовать «функциями», видах и размерах наказаний за совершение экологических преступлений.

Особый интерес представляет мнение Н.А. Лопашенко, которая рассматривает пенализацию более широко, включая в нее

и применение разнообразных мер уголовно-правового характера [7, с. 142].

На первый взгляд с такой точкой зрения сложно согласиться, поскольку применение иных мер уголовно-правового характера традиционно относится к самостоятельному институту уголовного права [11, с. 12]. Однако при внимательном изучении и глубоком анализе данного вопроса становится очевидным, что Н.А. Лопашенко, действительно, права, и процесс установления и назначения иных мер уголовно-правового характера (далее – ИМУПХ) следует относить к методу пенализации.

Приведем собственные аргументы для обоснования указанной позиции. В уголовном законодательстве не раскрывается содержание понятия «иные меры уголовно-правового характера», и, как верно заметил профессор С.В. Максимов, «законодатель не указывает, какие это меры и каким образом они соотносятся с уголовным наказанием» [8, с. 24]. Следовательно, отсутствует четкое понятие, что следует понимать под ИМУПХ. В этой связи возникает дискуссия, в которой одни ученые считают, что ИМУПХ необходимо рассматривать в качестве дополняющих систему наказаний альтернативных мер [2, с. 8]. Другие правоведы полагают, что ИМУПХ и наказание не могут иметь тождественного содержания [4, с. 84]. Думается, что наказание, как и ИМУПХ, относится к мерам государственного принуждения, хотя, как справедливо указывает Т.В. Непомнящая, ИМУПХ содержат не столь существенные ограничения [10, с. 114-121]. Вместе с тем рассматриваемые меры, например судебный штраф, в некоторых случаях рассматриваются как стимул к правомерным поступкам, вынуждающий лицо к позитивному посткриминальному поведению. Полагаем, что ИМУПХ и наказание не должны противопоставляться друг другу. Во-первых, они являются двумя взаимодополняющими средствами воздействия на человеческое поведение, поскольку и принуждение, и поощрение имеют важное уголовно-правовое значение. Во-вторых, они выступают в качестве компонентов емкой по своей юридической сущности категории

– уголовно-правового воздействия. В-третьих, они рассматриваются в качестве уголовно-правового последствия совершенного общественно опасного деяния. В-четвертых, они имеют схожие цели и предмет регулирования.

Таким образом, представляется, что установление и реализацию ИМУПХ следует отнести к методу пенализации. Использование иных мер уголовно-правового характера взаимосвязано с процессами дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, поскольку необходимость их применения обусловлена выявлением индивидуальных особенностей и возможностей конкретных лиц.

В настоящее время в отечественном уголовном законодательстве предусмотрены три разновидности ИМУПХ: принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф.

Как известно, в 2016 г. глава 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» была дополнена ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа», а раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» пополнился главой 15.2 УК РФ «Судебный штраф», то есть речь идет не только о мере уголовно-правового характера, а еще и о ее закреплении в качестве вида освобождения от уголовной ответственности и ИМУПХ.

Анализ особенностей экологических преступлений, соответствующих наказаний, а также оснований освобождения от уголовной ответственности за их совершение привел нас к выводу о необходимости установления новой меры уголовно-правового характера, а также оснований освобождения от ответственности в отношении лиц, совершивших экологические преступления. Эту меру уголовно-правового характера за совершение экологических преступлений предлагается именовать «Экологическая компенсация» и рассматривать в качестве альтернативного способа разрешения уголовно-экологического конфликта [подр.: 6, с. 94-100].

Соответственно, в уголовном законодательстве необходимо предусмотреть главу

15.3 «Экологическая компенсация», включающую ст. 104.6 УК РФ с одноименным названием, следующего содержания:

«1. Экологическая компенсация есть денежное взыскание и исполнение обязательств лица выполнить экологически полезные работы при достижении экологического соглашения при его освобождении от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76.3 настоящего Кодекса.

2. В случае неисполнения экологической компенсации в установленный соглашением срок оно отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса».

Кроме того, предлагаем дополнить УК РФ ст. 76.3 следующего содержания: «Освобождение от уголовной ответственности ввиду выполнения экологического соглашения или с назначением экологической компенсации

Лицо, впервые совершившее экологическое преступление небольшой или средней тяжести, должно быть освобождено от уголовной ответственности, если оно выполнило достигнутое при процедуре медиации экологическое соглашение своими силами либо за свой счет устранило причиненный вред, возместило причиненный ущерб не менее чем в двукратном размере и осуществило экологически полезные мероприятия, указанные в экологическом соглашении, или ему назначена мера уголовно-правового характера в виде экологической компенсации».

Как видно, в этой норме заложены самостоятельные этапы реализации освобождения лица от уголовной ответственности в связи с прохождением медиативной процедуры на любой стадии рассмотрения материалов дела. В предлагаемой норме закреплены два способа освобождения лица от уголовной ответственности. Первый способ представляет собой освобождение лица от уголовной ответственности до возбуждения уголовного дела, его расследования и направления материалов в суд, если лицо незамедлительно выполнило достигнутое экологическое соглашение.

Второй способ являет собой освобождение от уголовной ответственности в случае,

если уголовное дело было возбуждено и направлено в суд, но лицу была назначена предлагаемая нами мера уголовно-правового характера – экологическая компенсация.

Допустимо выделять следующие признаки экологической компенсации:

– экологическая компенсация носит исключительно индивидуальный характер, поскольку является следствием исполнения экологического соглашения, заключенного во время медиативной процедуры;

– совершение лицом экологического преступления впервые;

– совершенное экологическое преступление относится к категории небольшой или средней тяжести;

– лицо своими силами либо за свой счет устранило причиненный экологический вред;

– лицо должно возместить причиненный ущерб не менее чем в двукратном размере;

– лицо осуществило экологически полезные мероприятия, указанные в экологическом соглашении.

Наши оппоненты могут задаться резонными вопросами: если существует судебный штраф, то зачем нужна экологическая компенсация и чем экологическая компенсация отличается от судебного штрафа?

Отвечая на первый вопрос, подчеркнем, что, во-первых, анализ прекращения уголовных дел позволил нам сделать вывод о неэффективности судебного штрафа. Дело в том, что согласно судебной статистике чаще всего судебный штраф назначается лицам, совершившим преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных биологических ресурсов»¹. В 2023 г. их было 1254, или 58,5% от общего числа лиц, которым назначался судебный штраф. За это преступление взыскана большая часть общей суммы, поступивших средств от судебных штрафов, а именно 17654894 руб., или 39,6% от общей суммы взимаемых средств. На втором месте по частоте назначаемого судебного штрафа располагается преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных биологических

ресурсов». За его совершение в государственный бюджет взыскано 11308500 руб., или 25,34% от общей суммы взысканных средств судебного штрафа за экологические преступления. На третьем месте – ч. 1 ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений». Были зафиксированы 203 лиц (9,5%) и перечислено 2001000 руб. (4,5%).

В 62% случаев судами назначаются весьма небольшие суммы судебных штрафов в размере от 5 до 25 тысяч рублей, а в 17,5% случаев размер судебного штрафа ниже 5 тысяч рублей. Особенно наглядно это видно при анализе сумм судебных штрафов, назначаемых по ч. 1 ст. 256 УК РФ и ч. 1 ст. 260 УК РФ «Незаконная охота». Относительно серьезный размер судебного штрафа назначался по ст. 258 УК РФ. Так, по ч. 2 ст. 258 УК РФ с 79 лиц было взыскано 7095000 руб. (15,9% от общей суммы удержанных судебных штрафов), а по ч. 1 ст. 258 УК РФ с 73 человек было удержано 2360000 руб. (5,3%). В 2020-2023 гг. относительно крупный размер судебного штрафа – свыше 100 тысяч рублей – назначался всего в 1% случаев.

Судебный штраф выступает паллиативом в противодействии экологическим преступлениям, поскольку суммы взысканных судебных штрафов являются невысокими, серьезные природовосстановительные мероприятия в масштабах страны на эти суммы провести просто невозможно. В 2020 г. взыскано 49508000 руб., в 2021 г. – 43219494 руб., в 2022 г. – 42041910 руб., в 2023 г. – 44610894 руб.

Во-вторых, судебный штраф обладает слабым превентивным потенциалом. Так, проведенное нами анкетирование правоведов показало, что 72% респондентов отметили низкий предупредительный эффект этой меры уголовно-правового характера.

В-третьих, назначение судебного штрафа из года в год сокращается. Так, уголовные дела прекращались в связи с применением судебного штрафа в 2020 г. в 75% случаев, а в 2021 г. – в 65,7%, в 2022 г. – в 58,3%, в

¹ Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687> (дата обращения: 22.07.2024).

2023 г. – в 56,8%. В это же время на фоне снижения числа прекращения дел в связи с применением судебного штрафа возрос процент дел, прекращенных в связи с деятельным раскаянием: с 21% в 2020 г. до 29% в 2021 г., 36% в 2022 г., 37% в 2023 г. Несколько возрос процент прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим: с 3,2% в 2020 г. до 4,3% в 2023 г. Таким образом, на практике возрастает внимание к конкретным действиям и поступкам, связанным с заглаживанием причиненного вреда.

Судебный штраф и экологическая компенсация имеют некоторые сходства. Данные меры относятся как к основаниям освобождения от уголовной ответственности, так и к иным мерам уголовно-правового характера. Они реализуют компенсационную функцию уголовного права. Однако предлагаемая нами мера отличается от судебного штрафа тем, что лицо, совершившее экологическое преступление, переводит денежные средства в не менее чем двухкратном размере от причиненного экологического ущерба на счет отдельного Фонда помощи окружающей среде и добровольно совершает экологически полезные работы. Предлагаемая норма действует как отдельно от процедуры медиации, так и вместе с ней посредством заключения экологического соглашения. В соответствии со ст. 104.5 УК РФ размер штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. В нашем случае речи о привязке к размеру штрафа не идет. Виновный должен выполнить условия достигнутого в ходе процедуры медиации экологического соглашения, невзирая на сумму установленного в соответствующей статье штрафа. Кроме того, лицо выполняет именно экологически полезные работы. Если состояние здоровья лица не позволяет выполнять такие работы, связанные с физическим трудом, то ему предлагается выполнить работу, предусматривающую легкую физическую нагрузку (например, сортировка мусора, помощь эко-волонтерам с документацией и др.) Заключение экологического соглашения возможно

на любой стадии рассмотрения материалов дела: доследственной, следственной, судебной. Предпочтительной видится именно доследственная стадия, поскольку заключение экологического соглашения и его реализация до момента возбуждения уголовного дела максимально сокращают расходы государства на его расследование.

Следующим отличием назовем то, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является правом суда, а при выполнении экологической компенсации суд обязан освободить лицо от уголовного преследования.

Полагаем, что судебный штраф не может обеспечить всех функций уголовного права, и видим применение экологической компенсации более предпочтительным, поскольку добровольное восстановление природной среды, выполнение иных природовосстановительных мероприятий и не менее чем двухкратное возмещение причиненного экологического вреда обеспечивает компенсационную и превентивную функции уголовного права.

Кроме того, применение судебного штрафа имеет ряд ограничений. Как указывает Н.Ю. Скрипченко, судебный штраф не должен применяться, если виновный объективно не может восстановить нарушенные в результате преступления права потерпевшего, законные интересы личности, общества и государства, так как отсутствует строго формальное условие – возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом [12, с. 112]. В свою очередь, экологическая компенсация призвана обеспечить проведение экологически полезных мероприятий в любом случае, независимо от того, был причинен конкретный ущерб или нет (например, в случае, если лицо застигнуто в акватории реки в момент подъема рыболовецкой сети, но биоресурсов выловлено не было).

Гипотетически экологическая компенсация должна назначаться за совершение экологического преступления, в то время как судебный штраф может быть назначен по иным видам преступлений.

Здесь же нужно провести разграничение между экологической компенсацией и примирением с потерпевшим как основанием освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным ст. 76 УК РФ. Эти основания имеют общие и отличительные черты. Общим является то, что и в экологической компенсации, и в примирении с потерпевшим происходит заглаживание причиненного вреда. Отличием является то, что экологическая компенсация является следствием достигнутого в ходе процедуры медиации экологического соглашения, и лицо своими силами либо за свой счет устранило причиненный вред в не менее чем в двухкратном размере и произвело полезные для окружающей среды мероприятия. Во многом такие же отличия можно назвать относительно разграничения экологической компенсации и деятельного раскаяния, предусмотренного ст. 75 УК РФ.

Можно сказать, что экологическая компенсация представляет собой некий симбиоз из перечисленных оснований освобождения от уголовной ответственности, но имеет свои ярко выраженные черты. Она назначается при совершении именно экологического преступления и является следствием достигнутого в ходе процедуры медиации экологического соглашения. Приоритет отдается самостоятельному выполнению виновным экологически полезных мероприятий.

Можно резюмировать, что экологическая компенсация выгодна как для природы (государства), так и для потерпевшего, а также лица, совершившего экологическое преступление, поскольку: 1) окружающая среда получает компенсацию в виде экологически полезных работ; 2) лицо, совершившее деяние, стимулируется к позитивному постпре-

ступному поведению экологической направленности; 3) данное лицо освобождается от судимости; 4) государство экономит уголовную репрессию, получает работы и денежные средства на восстановление окружающей среды; 5) происходит предупреждение совершения новых экологических преступлений; 6) в перспективе экологическая компенсация может быть установлена и для юридических лиц в случае их признания субъектом уголовно-правовых отношений.

Таким образом, установление и реализацию иных мер уголовно-правового характера следует отнести к такому методу уголовной политики, как пенализация. Использование указанных мер тесно взаимосвязано с методами дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, поскольку необходимость их применения обусловлена выявлением индивидуальных особенностей и возможностей конкретных лиц.

Среди признаков экологической компенсации необходимо назвать, во-первых, то, что она является следствием исполнения экологического соглашения, достигнутого во время медиативной процедуры. Во-вторых, она назначается лицу, совершившему экологическое преступление впервые. В-третьих, для применения экологической компенсации совершенное преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести. В-четвертых, лицо своими силами либо за свой счет устраняет причиненный экологический вред. В-пятых, лицо возместило причиненный ущерб не менее чем в двухкратном размере. В-шестых, лицо осуществило экологически полезные мероприятия, указанные в экологическом соглашении, добровольно.

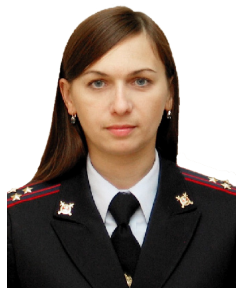

Библиографический список

1. Антонов, И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.М. Антонов. – Владивосток, 2004. – 30 с.
2. Гареев, М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства из достижения по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Ф. Гареев. – Казань, 2005. – 23 с.
3. Густова, Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики / Э.В. Густова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – N 1. – С. 224-228.
4. Корнеев, С.А. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия : монография / С.А. Корнеев ; под ред. В.Ф. Лапшина. – М.: Юрилитинформ, 2022. – 160 с.
5. Коробеев, А.И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.
6. Кузнецова, Н.И. Медиация как альтернативный способ разрешения уголовно-экологических конфликтов и возмещения ущерба, причиненного окружающей среде / Н.И. Кузнецова // Байкальский экологический форум : сборник статей всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 30 мая 2024 года. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – 168 с.
7. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
8. Максимов, С.В. Цели принудительных мер медицинского характера / С.В. Максимов // Российский следователь. – 2002. – N 12. – С. 32-33.
9. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. – 72 с.
10. Непомнящая, Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система / Т.В. Непомнящая // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, N 1. – С. 114-121.
11. Павлова, А.А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Павлова. – М., 2012. – 219 с.
12. Скрипченко, Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл / Н.Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2017. – N 7. – С. 106-114.
13. Уткин, В.А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика / В.А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2015. – N 4. – С. 117-121.

УДК 343.1

Олеся Владимировна КАРПОВА,

доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

mir-lesya83@mail.ru

СРОК ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PERIOD OF DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются вопросы, связанные с исчислением срока задержания в порядке статей 91, 92 УПК РФ, анализируются нормы российского уголовно-процессуального закона, а также законодательство отдельных зарубежных стран. В ходе проведенного исследования автор приходит к обоснованному выводу о том, что задержание как мера принуждения в уголовном судопроизводстве предусматривает существенное ограничение прав и свобод лица, в связи с чем в целях совершенствования действующего нормативного регулирования необходимо на законодательном уровне более детально регламентировать момент фактического задержания, а также предусмотреть возможность продления срока задержания.

The article deals with issues related to the calculation of the period of detention in accordance with Articles 91, 92 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The norms of the Russian criminal procedure law, as well as the legislation of some foreign countries, are analyzed. In the course of the analysis, the author comes to a reasonable conclusion that detention as a measure of coercion in criminal proceedings provides for a significant restriction of the rights and freedoms of a person. That's why, in order to improve the current normative regulation at the legislative level, it is necessary to regulate the moment of actual detention in more detail, as well as provide for a possibility of extending the period of detention.

Ключевые слова: задержание, меры принуждения, момент фактического задержания, срок задержания.

Keywords: *detention, coercive measures, moment of actual detention, period of detention.*

Вопросы исчисления срока задержания на протяжении многих лет были и остаются предметом особого внимания ученых-процессуалистов [7, с. 70-72; 1, с. 8-11; 10, с. 69-74]. Обращаясь к положениям советского уголовно-процессуального законодательства, можно констатировать, что ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. «Задержание подозреваемого в совершении преступления» определяла конституционный срок указанного ограничения в течение 48 часов, какой

момент считать началом применения данной меры принуждения – законодатель не указывал.

Оценивая действующее нормативное регулирование мер уголовно-процессуального принуждения, можно констатировать, что данный институт более детально регламентирован нормами уголовно-процессуального закона. Законодатель посвятил мерам процессуального принуждения отдельный раздел IV, выделил задержание в отдельную

главу 12, определив в ней основания и порядок задержания подозреваемого, личный обыск подозреваемого, основания его освобождения, порядок содержания под стражей подозреваемых, а также вопросы уведомления о задержании подозреваемого. Большое внимание законодателем уделено и срокам задержания, но до конца не разрешены вопросы исчисления срока задержания, какой момент считать началом его исчисления.

В юридической литературе обозначены основные подходы относительно исчисления сроков задержания. Самый либеральный из них определен моментом фактического задержания. Другие два подхода, чаще применяемые в следственной практике, связаны с моментом доставления лица в органы внутренних дел и с моментом составления протокола [2, с. 56-57; 4, с. 37-38; 3, с. 139-140; 9, с. 10-12].

Указанные подходы существенно отличаются друг от друга относительно начала исчисления срока задержания.

Задержание существенно ограничивает конституционное право лица на свободу передвижения, в связи с чем порядок исчисления срока задержания должен учитывать права и законные интересы подозреваемого и обеспечивать ему необходимые процессуальные гарантии.

Итак, какие сроки установил законодатель, «детально» регламентируя институт процессуального задержания?

Статья 92 УПК РФ, устанавливающая порядок задержания подозреваемого, определяет, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен соответствующий протокол. В части 1.1 статьи 92 УПК РФ законодатель устанавливает обязательное участие защитника при составлении протокола задержания при условии его участия с момента фактического задержания. При этом в статье 92 УПК РФ указано на связь момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю и срока составления протокола.

Обратимся к статье 5 УПК РФ, определяющей основные понятия, используемые в кодексе. Так, согласно пункту 11 указанной нормы задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Моментом фактического задержания законодатель в пункте 15 статьи 5 УПК РФ определяет (цитируем дословно) «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

Возникает закономерный вопрос – что понимать под «порядком, установленным настоящим Кодексом»? Статью 92 УПК РФ, определяющую порядок задержания подозреваемого? Исходя из данной нормы, начало исчисления следует связывать с моментом доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Такая позиция представляется логичной, но, полагаем, что она не в полной мере обеспечивает права и законные интересы задержанного лица.

Представляется необходимым разграничить следующие понятия: «процессуальное задержание», «полицейской задержание», «фактическое задержание», «доставление» и «захват». Можно ли говорить об их тождественности в уголовном судопроизводстве? Для анализа указанных категорий обратимся к нормам уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран.

Так, в УПК Республики Казахстан законодатель разделяет доставление как меру процессуального принуждения, определяет ее цель и сроки¹. Более того, согласно части 2 статьи 129 УПК Республики Казахстан при подтверждении причастности лица к уголовному правонарушению доставление может «перерасти» в «процессуальное задержание», при этом срок доставления включается в общий срок задержания. Обратим внимание, что законодатель Республики Казахстан опе-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 N 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.05.2023).

рирует в законе терминами «процессуальное задержание» и «непроцессуальное задержание». Указанное разделение определено исходя из субъектов, осуществляющих задержание. Так, «непроцессуальное задержание» включает в себя задержание лица, ограничение его свободы передвижения для передачи либо доставления в орган уголовного преследования или иной орган государственной власти, которое вправе произвести потерпевший, а также любой иной гражданин. При этом на законодательном уровне не закреплено – входит ли срок «непроцессуального задержания» в общий срок задержания.

Согласно части 5 статьи 128 УПК Республики Казахстан срок задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, исчисляется с момента фактического задержания и не может превышать 72 часа. Но, определяя вопросы нормативной регламентации доставления и называя его мерой процессуального принуждения, законодатель ничего не говорит о фактическом задержании.

Другой подход прослеживается в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики.

Пункт 22 статьи 5 УПК Кыргызской Республики определяет фактическое задержание как момент фактического лишения или ограничения свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и так далее), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с указанием точного времени, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур¹.

Согласно части 1 статьи 96 УПК Кыргызской Республики задержание подозреваемого в совершении преступления – это

кратковременное фактическое лишение свободы передвижения лица. Усиливая данное положение, в части 1 статьи 97 законодатель определяет обязанность органов следствия объявить подозреваемому в момент фактического задержания, в чем он подозревается, а также другие права.

В постановлении о задержании в соответствии с требованиями части 2 статьи 97 УПК Кыргызской Республики указываются дата и место его составления, должность, фамилия, имя лица, составившего постановление, сведения о личности подозреваемого, его физическом состоянии на момент задержания, основания и мотивы, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут). Постановление о задержании согласно части 3 статьи 97 УПК Кыргызской Республики объявляется подозреваемому и подписывается следователем и задержанным с указанием точного времени фактического задержания подозреваемого.

Таким образом, законодатель Кыргызской Республики все сроки задержания связывает именно с моментом фактического задержания, включая в данную категорию захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте. Важнейшей характеристикой фактического задержания являются реальные ограничения, применяемые к задержанному, независимо от придания ему какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур.

Создается впечатление, что российское законодательство следует по аналогичному пути развития.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении от 27 июня 2000 г. N 11-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 УПК РСФСР, вынесенном по результатам рассмотрения жалобы гражданина В.И. Маслова, «Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи защитника с формальным признани-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 N 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2023).

ем лица подозреваемым или обвиняемым ... Право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность».

Данная правовая позиция была высказана Конституционным Судом Российской Федерации во время действия УПК РСФСР 1960 г., возникает вопрос: реализована ли она в нормах действующего уголовно-процессуального закона?

О фактическом положении лица говорится в отдельных положениях закона. Так, в части 3 статьи 49 УПК РФ законодатель указывает не только на участие защитника в интересах подозреваемого и обвиняемого, но и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ. Аналогичное положение закреплено в части 1.1 статьи 144 УПК РФ, согласно которой «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы...».

Уравнивая положение стороны защиты и стороны обвинения, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указал, что «правовой статус лица

как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им».

Таким образом, представляется логичным не связывать исчисление сроков задержания с приданием задержанному какого-либо процессуального статуса. Срок задержания должен исчисляться с момента фактического ограничения лица свободы передвижения с наличием реальных ограничений, как это определено в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики. В данной позиции видится надлежащий механизм предоставления задержанному лицу процессуальных гарантий, связанных с его фактическим положением.

В этой части представляется целесообразным обратиться к правовой природе задержания. В российском законодательстве можно говорить не только о процессуальном, но и о «полицейском» задержании [6, с. 53-55]. Так, согласно статье 14 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право подвергнуть лицо задержанию на срок до 48 часов. Указанный срок исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. При этом законодатель не конкретизирует – что понимать под фактическим ограничением свободы.

Кодекс об административных правонарушениях РФ разделяет срок доставления и срок административного задержания [8, с. 84-88]. Согласно части 2 статьи 27.2 КоАП РФ доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок [5, с. 38-40].

Срок административного задержания в соответствии с частью 1 статьи 27.5 КоАП РФ не должен превышать три часа, а в случаях, предусмотренных частями 2 и 3 указанной статьи, лицо может быть подвергнуто названному ограничению на срок не более 48 часов. Срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления (ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ).

Период времени, затраченный на доставление лица, не входит в срок административного задержания в случае его применения. Данная позиция вызывает сомнения,

поскольку доставляемое лицо с момента его фактического задержания в целях доставки ограничено в свободе передвижения. В связи с этим представляется правильным исчислять срок административного задержания с момента фактического лишения свободы, а срок, затраченный на доставку, должен входить в срок административного задержания в случае его применения.

Если говорить о сроке задержания – в положениях российского уголовно-процессуального законодательства установлен конституционный срок: «до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» (часть 1 статьи 10 УПК РФ, часть 2 статьи 22 Конституции РФ). Возможность продления срока задержания в отечественном уголовном судопроизводстве допускается только в одном случае. Такая ситуация может возникнуть при обращении органов расследования в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Одним из решений суда по поступившему ходатайству является постановление о продлении срока задержания. Вынесение данного решения допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания. Отметим, что данную процедуру нельзя назвать классическим продлением срока задержания [12, с. 63-64; 11, с. 228-230].

В УПК Республики Узбекистан нормативно закреплена процедура продления срока задержания. Так, согласно части 1 статьи 226 УПК Республики Узбекистан срок задержания составляет не более сорока восьми часов с момента фактического задержания лица (момент фактического ограничения

его прав на свободное передвижение). Как и в уголовно-процессуальном законе Кыргызской Республики мы видим особое внимание законодателя Республики Узбекистан к фактическому ограничению свободы, когда эти ограничения стали реальными. Далее в названной норме УПК Республики Узбекистан законодатель определяет возможность продления срока задержания дополнительно на 48 часов по решению суда при представлении необходимых и достаточных обоснований со стороны дознавателя, следователя или прокурора¹.

Такая позиция представляется вполне обоснованной, в связи с чем считаем целесообразным в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве при наличии достаточных на то оснований рассмотреть возможность продления срока задержания на основании судебного решения дополнительно на 48 часов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Статья 6 УПК РФ наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением отечественного уголовного судопроизводства провозглашает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Полагаем, что действующее нормативное регулирование исчисления срока задержания в уголовном судопроизводстве не обеспечивает надлежащую реализацию прав лица, в отношении которого применяется задержание в порядке, предусмотренном статьями 91, 92 УПК РФ.

2. Представляется возможным внести изменения в нормы УПК РФ, изложив пункт 15 статьи 5 в следующей редакции: «Момент фактического задержания – момент фактического лишения или ограничения свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы внутренних дел (захват, закрытие в помещении, принуждение прой-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 N 2013-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2023).

ти куда-либо или остаться на месте), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с указанием точного времени, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса».

3. Считаем целесообразным рассмотреть на законодательном уровне при наличии достаточных оснований возможность продления срока задержания на основании судебного решения дополнительно на 48 часов.

Библиографический список

1. Азаренок, Н.В. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? / Н.В. Азаренок, А.А. Давлетов // *Российский следователь*. – 2018. – № 5. – С. 8-11.
2. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003.
3. Валюлин, Р.Р. Исчисление срока задержания подозреваемого / В.В. Валютин // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. – 2020. – № 2. – С. 139-140.
4. Гриценко, Т.В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого / Т.В. Гриценко // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. – 2020. – № 2. – С. 37-38.
5. Давыдов, М.В. Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая полицией: проблемы исчисления сроков / М.В. Давыдов // *Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2017. – № 4. – С. 38-40.
6. Десятова, О.А. К вопросу о полицейском задержании / О.А. Десятова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2021. – № 4. – С. 53-55.
7. Морозова, Н.В. Генезис института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России / Н.В. Морозова // *Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2012. – № 2. – С. 70-72.
8. Поликарпов, Д.И. К вопросу об исчислении сроков административного задержания / Д.И. Поликарпов, А.А. Шубакин // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2020. – № 3. – С. 84-88.
9. Политыко, О.Е. Проблемы теоретико-практической интерпретации срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / О.Е. Политыко // *Современная наука*. – 2021. – № 2. – С. 10-12.
10. Семенов, Е.А. Фактическое и уголовно-процессуальное задержание: проблемы разграничения и неточности законодательной техники / Е.А. Семенов // *Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2020. – № 3. – С. 69-74.
11. Сумин, А.А. К вопросу о продлении срока задержания подозреваемому / А.А. Сумин // *Вестник экономической безопасности*. – 2022. – № 3. – С. 228-230.
12. Торков, А.А. К вопросу о предельном (максимальном) сроке задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / А.А. Торков // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. – 2019. – № 2. – С. 63-64.

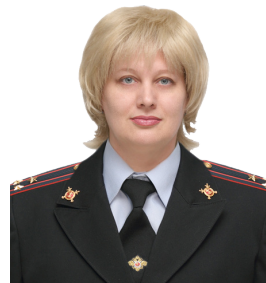

УДК 343.98

Евгений Анатольевич ДУБЫНИН,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
dubynin.eugenii@mail.ru

Елена Евгеньевна КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ,

доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
kontra2505@mail.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ
В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ**

**CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF A CRIME
AS A FACTOR INFLUENCING DECISION-MAKING
IN THE INVESTIGATION PROCESS**

Статья посвящена рассмотрению вопросов о закономерностях познавательной деятельности субъекта расследования в ходе изучения, учета и анализа криминалистически значимых признаков определенного вида преступлений, в том числе при выдвижении версий по уголовным делам при отсутствии сведений о преступнике; о месте криминалистической характеристики преступлений в структуре методик расследования и ее функциональном назначении, а также о видах тактических решений, наиболее эффективных при расследовании и раскрытии преступлений.

The article is devoted to the consideration of issues about the patterns of cognitive activity of the subject of investigation in the course of studying, recording and analyzing forensically significant features of a certain type of crime, including when putting forward versions in criminal cases in the absence of information about the offender; about the place of forensic characteristics of crimes in the structure of investigative techniques and its functional purpose, as well as about the types of tactical decisions that are most effective in investigating and solving crimes.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, тактическое решение, выдвижение версий, планирование расследования.

Keywords: forensic characteristics of crime, tactical decision, putting forward versions, planning of investigation.

Отечественным исследованиям подходов к методике расследования различных видов преступлений практически без малого сто лет. Среди российских ученых-криминалистов пионерами в этих исследованиях можно назвать следующих авторов: В.И. Громов, И.Н. Якимов, С.А. Голунский, В.И. Лебедев, А.И. Люблинский, И.М. Снегирёв, А.Я. Вышинский, М.С. Строгович. Развитие данного раздела криминалистики началось с изучения вопросов планирования расследования. В частности, В.И. Громовым заложены основы учения о криминалистической версии и планировании расследования, которые нашли отражение в руководстве для правоохранительных органов «Методика расследования преступлений», где он ввел термины «методика расследования преступлений» и «частная методика» [4].

Данный труд интересен тем, что в нем впервые предпринята попытка изложить типичные методы расследования преступлений отдельных видов.

Дальнейшее развитие криминалистическая методика расследования получила в послевоенное время прошлого столетия. В частности, теоретические основы методики были впервые изложены в докторской диссертации А.Н. Колесниченко в 1967 г.

С тех пор общим и частным проблемам методики расследования преступлений было посвящено и посвящается в настоящее время большое количество научных исследований. Если говорить о так называемых «частных криминалистических методиках расследования отдельных видов преступлений», то их объединяют особенности планирования расследования на первоначальном этапе и особенности производства следственных действий.

Необходимо отметить, что одним из структурных элементов любой методики расследования является криминалистическая характеристика преступления. Данный элемент был введен в 1960-х гг. профессором А.Н. Колесниченко и в последующем получил развитие в трудах И.Ф. Пантелеева и других ученых и был закреплен в учебниках по криминалистике.

Криминалистической энциклопедией криминалистическая характеристика определяется как «абстрактное научное понятие, результат научного анализа определенного вида преступной деятельности (вида или рода преступления), обобщения его типичных признаков и особенностей. Структура криминалистической характеристики включает в себя типичную исходную информацию, систему данных о способах совершения и сокрытия данного вида (рода) преступления и типичных последствиях их применения; характеристику особенностей обстоятельств, подлежащих выяснению и исследованию по данной категории дел и типичных версий; указания на личность вероятного преступника и его характеристику, вероятные мотивы и цели преступления, личность вероятного потерпевшего и его характеристику; описание типичных для данного вида преступлений обстоятельств, способствующих его совершению» [2, с. 105]. Как видно из приведенного определения, в данную категорию входят сведения и о типичных версиях.

Известно, что основой любого успешного расследования преступления является его качественное планирование, основой которого и являются криминалистические версии.

Залогом успеха в расследовании является правильная оценка текущей информации и на ее основе выдвижение версий, а также оперативное принятие соответствующих решений по их проверке.

На процесс расследования преступлений влияют множество факторов как субъективного, так и объективного характера. В частности, к субъективным факторам следует отнести особенности личности преступника – его психические и физические особенности, а также профессиональные и иные приобретенные навыки и знания; особенности личности потерпевшего в том же ключе, что и преступника, его поведение во время совершения преступления и непосредственно после него; особенности личности свидетелей как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, в том числе и заинтересованных в исходе уголовного дела. Кроме этого на процесс расследования влияет и личность

лица, ведущего расследование, его психотип, профессиональная квалификация и ориентированность на раскрытие и расследование преступления. Также на процесс расследования может влиять и деятельность руководителя следственного органа (дознания), осуществляющего ведомственный контроль, и даже позиция надзирающего прокурора.

К объективным факторам, влияющим на процесс расследования, мы полагаем, следует отнести обеспеченность органов расследования современными материально-техническими средствами, своевременное информирование правоохранительных органов о совершенном преступлении (временной промежуток между событием преступления и сообщением в правоохранительные органы), обстоятельства непреодолимой силы.

При выдвижении версий рекомендуют опираться не только на имеющуюся в распоряжении органов расследования информацию, но и на криминалистическую характеристику конкретного вида (рода) преступлений.

Надо отметить, что у криминалистической характеристики достаточно много как сторонников, так и противников. Мы же полагаем, что криминалистическая характеристика заслуживает внимания при изучении дисциплины «Криминалистика», но она не всегда пригодна для использования на практике и не по всем видам преступлений, поскольку в ней изложены усредненные сведения о том же преступнике, о жертве и др. и, как правило, полученные из разных регионов страны, что подтверждается обобщением, проведенным С.И. Коноваловым. Так, согласно результатам его исследования, «основанием построения криминалистической характеристики является частота упоминания ее элементов: способ совершения преступления (15), субъект преступления (особенности личности) (15), обстановка совершения преступления (9), объект (предмет) преступного посягательства (8), следы преступления (механизм слепообразования) (9); связи между структурными элементами (8); личность жертвы (виктимологический аспект) (6), мотив, цель, установка (4), условия совершения преступления (4), преступные связи (комму-

никационный аспект) (2), типичные ситуации совершения преступления (2), особенности сокрытия преступления (2), механизм преступления (2), типичные следственные ситуации (характер исходных данных и особенности их обнаружения) (1), состояние борьбы с определенным видом преступления (1) связь с другими видами преступлений (1); орудия и средства преступной деятельности (1), результат преступной деятельности» [5, с. 82-85].

Однако надо учитывать, что в разных регионах страны неоднородные условия проживания, разное экономическое развитие, национальный и этнический состав населения, отсюда – разные сформировавшиеся устои в обществе и прочие особенности бытия, которые напрямую влияют на совершение преступлений и, как следствие, на процесс расследования конкретного преступления. Кроме этого частные методики должны постоянно совершенствоваться с учетом текущего законодательства, экономического и политического положения, как в стране, так и в мире, технического прогресса в целом. Поэтому на отдельные элементы криминалистической характеристики в практической деятельности бывает сложно опереться с точки зрения ожидаемого результата.

В последнее время при разработке частных методик предпринята попытка учитывать особенности совершения преступлений в крупных городах, в населенных пунктах в сельской местности [1; 6; 9]. Но надо отметить, что и этого тоже недостаточно. Даже в пределах одного региона отдельные элементы криминалистической характеристики могут не отражать общую (универсальную) картину в отдельном районе (населенном пункте).

Например, по результатам исследования, проведенного Л.Ю. Аксеновой и А.Ю. Танковым, «кражи из жилища совершали следующие категории лиц:

мужчины – 88%, женщины – 12%;
по возрасту: 14-17 лет – около 3%; 18-25 лет – 34%; 26-30 лет – 32%; 30-39 лет – 22%; 40-49 лет – 7%; старше 50 лет – 2%;
имеющие образование: основное общее – 23%, среднее общее образование – 38%,

среднее профессиональное – 34%, высшее – 4 %;

ранее судимые за имущественные преступления – 68%, в том числе аналогичные (31%);

67% – лицами, не имеющими постоянного источника доходов;

83% – местными жителями в пределах населенного пункта, в том числе проживающими в пределах района совершения преступления – 34%;

27% – в состоянии алкогольного опьянения;

24% – употребляющие наркотические средства и психотропные вещества;

11% краж совершены в группе;

6% учащимися и студентами» [1].

По данным другого источника, «типичная характеристика лица, совершающего кражи с незаконным проникновением в жилище, такова: молодой человек в возрасте 26 лет, со средним образованием, имеющий преступный опыт, проживающий в пределах района совершения деяния, употребляющий алкоголь, наркотические средства и психотропные вещества» [6].

Возникает закономерный вопрос: как эти усредненные сведения могут помочь раскрыть конкретное преступление? Ответ – никак. Потому что, как справедливо отмечено Д.С. Ондар, «они не учитывают систему этнических, социальных, географических и природно-климатических факторов в конкретной местности» [9].

В качестве примера хочется привести личный правоприменительный опыт одного из авторов.

Так, «в начале декабря в дневное время к потерпевшей Г. в квартиру постучали и попросили открыть дверь. Потерпевшая Г., будучи незрячей, подумала, что пришла соседка, открыла входную дверь, но, услышав, что пришли ей незнакомые женщина и мужчина, непустила их в квартиру и заперла за собой дверь. Однако чуть позже потерпевшая обнаружила, что дверь в квартиру не запер-

та. Проверив наличие полученной на днях пенсии, обнаружила, что из комода пропали 24 000 рублей. Было установлено, что кражу совершила Б. со своим племянником Б.С. цыганка, возраст 37 лет, не замужем, неграмотная, имеет троих детей, двое из них малолетние, работает дворником, ранее судима за совершение краж, отбывала наказание в виде лишения свободы реально. На момент совершения кражи у Г. имеет 2 судимости с назначением наказания в виде лишения свободы условно. Племянник Б.С. цыган, возраст 17 лет, не судимый, учится в школе-интернате 8 типа, обнаруживает признаки умственной отсталости. Пока племянник отвлекал потерпевшую Г., Б. проникла в квартиру и из комода похитила деньги. Ей пришлось открыть запертую потерпевшей входную дверь, и она покинула место происшествия»¹. Впоследствии в отношении Б. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Племянник – Б.С. – в рамках данного уголовного дела прошел как свидетель. «Спустя два месяца Б.С. совершил кражу чужого имущества из жилища Л., в связи с чем он был осужден к условной мере наказания»². Затем он совершил еще две кражи из жилища, способом, которому был обучен его тетей, – отвлекая внимание пожилых потерпевших.

Кроме этого надо также отметить, что для Уярского района Красноярского края совершение хищений чужого имущества в виде краж характерно еще и для лиц, имеющих психические отклонения.

Эти данные демонстрируют неуниверсальность элементов криминалистической характеристики преступлений, необходимость ее динамического и систематического обновления с учетом множества критериев и компонентов, как то: географический, временной, этнический, психологический, поведенческий и др.

Каковы же последствия такой неуниверсальности при принятии решений субъектом расследования в ходе аналитико-мыслительной (познавательной) деятельности?

1 Дело N 1-22/2020 УИД 24RS 0055-01-2020-000162-42 // Архив Уярского районного суда Красноярского края.

2 Дело N 1-43/2020 24RS0055-01-2020-000344-78 // Архив Уярского районного суда Красноярского края.

Общеизвестно, что «тактическое решение касается следственных действий как процессуального способа собирания, исследования и использования доказательств и основывается на оценке следственной ситуации как информационной составляющей методики расследования. В теории выделяются три части тактического решения: информационная, организационная и операционная. Информационная часть решения заключается в анализе и оценке следственной ситуации и ее компонентов, подлежащих выполнению процессуальных задач, замыслов противодействующих сил, возможностей следствия, прогностической информации. Организационная часть содержит вывод о распределении функций, формах и направлениях взаимодействия, последовательности использования наличных сил и средств, резервных возможностях, проведении необходимых организационно-технических мероприятий. Операционная часть – это установление цели тактического воздействия, условий и способов ее достижения и прогнозируемых результатов реализации тактического решения» [3].

Очевидно, что основанием классификации решений следователя являются виды мыслительных задач, возникающих и решаемых им в процессе расследования. Так, авторы выделяют:

- 1) задачи, связанные с мысленными построениями общих и частных версий;
- 2) задачи по определению источников информации;
- 3) задачи по изменению следственной ситуации;
- 4) задачи по организации следственных действий и оперативно-розыскных мер;
- 5) задачи, связанные с избранием системы следственных действий и оперативно-розыскных мер;
- 6) задачи, связанные со структурой организации самого следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, как в плане его подготовки (планирования), так и осуществления;
- 7) задачи по координации деятельности;

8) задачи по экономии процессуальных средств и определению сроков деятельности;

9) задачи по организации профилактических мероприятий» [7].

Ранее мы указывали, что брать за основу принятия решения, в частности, при выдвижении версии и планировании на этой основе процесса расследования усредненной криминалистической характеристики преступлений определенного вида не только нецелесообразно, но и рискованно, поскольку прогностические выводы могут оказаться абсолютно оторванными от реальности, что в конечном итоге приведет к негативным последствиям в виде либо неустановления лица, совершившего преступление, либо недоказанности причастности к совершенному преступлению ошибочно проверяемого подозреваемого.

Как показывает практика, для такой ситуации, как правило, характерны либо так называемые «инертные» решения, либо «рискованные» [8], что одинаково неэффективно.

Исходя из этих методологических посылок и анализа судебно-следственной практики, полагаем возможным обозначить следующие направления развития криминалистических методик:

- необходимость учета особенностей субъективного и объективного характера (географического, социально-экономического, временного, психологического и т.п.) при выявлении криминалистически значимых признаков преступлений определенного вида;
- использование данных из криминалистической характеристики расследуемого преступления при выдвижении версий и планировании расследования с учетом их динамического характера;
- проверка достоверности (надежности) корреляционных зависимостей в структуре криминалистической характеристики преступлений с помощью математического аппарата прогноза;
- формирование способов принятия так называемых «уравновешенных» либо «осторожных» решений в процессе профессиональной деятельности субъекта расследования.

Библиографический список

1. Аксенова, Л.Ю. Личность преступника по делам о кражах из квартир / Л.Ю. Аксенова, А.Ю. Танков // Закон и право. – 2018. – N 6. – С. 140-142.
2. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: Издательство БЕК, 1997.
3. Булулуков, О.Ю. Классификация тактических решений в криминалистике / О.Ю. Булулуков // Киберленинка, 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-takticheskikh-resheniy-v-kriminalistike-1/viewer> (дата обращения: 19.03.2024).
4. Громов, В.И. Методика расследования преступлений. Руководство для органов полиции и уголовного розыска / В.И. Громов. – М., 1929.
5. Коновалов, С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики : монография / С.И. Коновалов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2001.
6. Кузьменко, Е.С. Некоторые аспекты криминалистической характеристики хищений, совершаемых путем незаконного проникновения в жилище в условиях густонаселенных агломераций / Е.С. Кузьменко, С.И. Худиева // Академическая мысль. – 2019. – N 3(8). – С. 16-21.
7. Можаяева, И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / И.П. Можаяева. – М., 2015.
8. Морозова, И.А. Основные виды управленческих решений и особенности процесса их принятия / И.А. Морозова, М.В. Глазова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – N 6 (96). – Часть 4, июнь. – С. 88-92.
9. Ондар, Д.С. Криминалистическая характеристика краж из жилища, совершенных в сельской местности в специфических условиях жизнесуществования населения / Д.С. Ондар // Уголовная юстиция. – 2017. – N 9. – С. 92-103.

УДК 343.1

Яна Михайловна ПЛОШКИНА,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
ploshkina_yana@mail.ru

**ВЫДЕЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА,
ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**SEPARATION OF A CRIMINAL CASE INTO SEPARATE PROCEEDINGS IN RELATION
TO A PERSON WHO HAS CONCLUDED A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT**

В статье исследуется комплекс проблем, связанных с выделением уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Несмотря на неоднозначное толкование в науке положений ст. 317.4 и 154 УПК РФ и позицию правоприменителей (Верховный Суд РФ и Генпрокуратура РФ) в части обязательного выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в ходе исследования автор приходит к выводу, что, исходя из системного толкования данных норм УПК РФ, конструкции ст. 154 УПК РФ и процессуальной самостоятельности следователя, выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является правом, а не обязанностью следователя. На наш взгляд, выделение дела в отдельное производство возможно только в исключительных случаях с соответствующим аргументированным обоснованием, учитывая, что в результате «дробления» уголовного дела появляются сложности и трудности с доказыванием и достоверностью сведений сотрудничающего лица.

The article examines a set of problems related to separating a criminal case into separate proceedings against a person who concluded a pre-trial cooperation agreement. Despite the ambiguous scientific interpretation of provisions of Art. 317.4 and 154 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the position of law enforcers (the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's General Office of the Russian Federation) regarding the mandatory separation of a criminal case into separate proceedings in relation to a person who concluded a pre-trial cooperation agreement, in the course of study the author comes to the conclusion that, based on the systemic interpretation of these norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the construction of Art. 154 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the procedural independence of the investigator, separating a criminal case into separate proceedings in relation to a person who concluded a pre-trial cooperation agreement is a right, but not the obligation of the investigator. In our opinion, separating a case into separate proceedings is possible only in exceptional cases with appropriate reasoned substantiation, taking into account that as a result of the «fragmentation» of a criminal case, difficulties arise with proof and the reliability of the information of the cooperating person.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, выделение дела в отдельное производство, достоверность сведений сотрудничающего лица, содействие следствию.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, separating the case into separate proceedings, reliability of the information of the cooperating person, assistance in the investigation.

С принятием Федерального закона от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в российском уголовно-процессуальном законодательстве появился институт досудебного соглашения о сотрудничестве, существование которого до сих пор вызывает дискуссии в российской науке [1, с. 15; 4, с. 17; 9, с. 10; 11, с. 152]. Данным законом раздел X УПК РФ («Особый порядок судебного разбирательства») был дополнен главой 40.1, регламентирующей особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Из содержания главы 40.1 УПК РФ следует, что данный институт касается не только судебного, но и досудебного производства.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве являлся предметом исследования многих кандидатских (К.Ф. Багаутдинов, М.М. Головинский, М.В. Головизнин, Н.А. Дудина, А.А. Иванов, С.С. Ключников, Р.Р. Ковалев, В.В. Колесник, Н.С. Костенко, М.Е. Кубрикова, Я.В. Лошкобанова, К.П. Семенова, О.А. Тертышная, Т.В. Топчиева и др.) и некоторых докторских диссертаций (Г.В. Абшилава «Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве», Москва, 2012, О.В. Качалова «Ускоренное производство в российском уголовном процессе», Москва, 2016, А.В. Пилюк «Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект, Томск, 2016, О.Н. Тисен «Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве», Оренбург, 2017), а также научных работ иных ученых.

Интерес к рассматриваемому институту обусловлен тем, что он является одним из новшеств современного российского судопроизводства, не характерных для континентального типа уголовного процесса, к которому относится и российское уголовное судопроизводство. Исторически в россий-

ском дореволюционном, советском и российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве не были узаконены соглашения между сторонами обвинения и защиты. Однако добровольное содействие со стороны подозреваемого и обвиняемого правоохранительным органам в расследовании преступлений учитывалось при привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания. Российское уголовное и уголовно-процессуальное право всегда содержало механизмы, позволяющие поощрять позитивное постпреступное поведение. В отличие от континентального уголовного процесса для англосаксонского традиционно характерны различные соглашения, «сделки о признании», одной из разновидностью которых выступает «соглашение о сотрудничестве» [7, с. 1074]. Введенный в российское уголовное и уголовно-процессуальное право институт досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой попытку внедрить в континентальный уголовный процесс, к которому относится российский, институт, традиционно присущий англосаксонскому типу уголовного процесса.

Сформированная более чем за 10 лет судебная практика свидетельствует об использовании института досудебного соглашения о сотрудничестве на практике. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в порядке главы 40.1 УПК РФ в 2023 г. были рассмотрены 2806 уголовных дел, в 2022 г. – 2821, в 2021 г. – 2831, в 2020 г. – 2823, в 2019 г. – 3156, в 2018 г. – 3735, в 2017 г. – 4157, в 2016 г. – 4190, в 2015 г. – 4251, в 2014 г. – 4157, в 2013 г. – 3344, в 2012 г. – 2640, в 2011 г. – 2672 уголовных дела¹.

В современном российском уголовном судопроизводстве при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве возникают различные проблемы, связанные в том числе с кардинальным сокращением судебного доказывания, возможным пороком в части сбора доказательств на досудебной стадии в связи с заключением в начале расследования соглашения о сотрудничестве, с законодательной

1 URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 27.04.2024).

неопределенностью категорий преступлений, по которым возможно заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, а также того, с кем заключается данное соглашение.

Особо острой проблемой является выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Вследствие неопределенности правового регулирования в УПК РФ возникает вопрос: является ли выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, правом или обязанностью следователя.

Исходя из ст. 317.4 УПК РФ о порядке проведения предварительного следствия в отношении обвиняемого/подозреваемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, следует, что предварительное следствие проводится по уголовному делу, выделенному в отдельное производство. В ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ упоминается о выделении в отдельное производство в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ уголовного дела в отношении подозреваемого/обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве. Однако конструкция ч. 1 ст. 154 УПК РФ сформулирована законодателем так, что выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, рассматривается как право следователя, а не его обязанность.

Однако правоприменители (с учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ и Генпрокуратуры РФ) исходят из того, что выделение дела в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является обязательным. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ N 16) «по смыслу ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ в целях применения судом предусмотренного

ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случаях, когда такое уголовное дело не было выделено в отдельное производство и поступило в суд в отношении всех обвиняемых, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ». В п. 1.11 приказа Генпрокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. N 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» установлено достаточным основанием для выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении обвиняемого/подозреваемого считать факт заключения с ним соглашения о сотрудничестве.

В науке представлены различные подходы. Согласно одной позиции из формулировки названия ст. 317.4 УПК РФ и содержания ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ вытекает, что следователь во всех без исключения случаях обязан выделить дело в отдельное производство [3, с. 534]. Выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение, исходя из смысла положений ст. 154, 317.4, 317.9 УПК РФ, необходимо прежде всего из-за соблюдения требований обеспечения мер безопасности, обвиняемый заинтересован в соблюдении конфиденциальности [6, с. 364]. Согласно другой точке зрения, представленной в науке, выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, – это право, а не обязанность следователя, который решает данный вопрос исходя из обстоятельств дела, учитывая многие сопутствующие факторы и обстоятельства [14, с. 298].

С учетом системного толкования норм УПК РФ считаем, что выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении

лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, – право следователя, а не его обязанность, поскольку в ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ упоминается о выделении в отдельное производство в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ уголовного дела в отношении подозреваемого/обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Часть 1 ст. 154 УПК РФ сконструирована как право следователя выделить из уголовного дела в отдельное производство другое дело в отношении лица, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Принимая во внимание процессуальную самостоятельность следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), полагаем, что выделение дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, – право, а не обязанность следователя. Следователь, решая данный вопрос, должен соблюдать требования ч. 2 ст. 154 УПК РФ о том, что выделение дела возможно при условии, что это не отразится на всесторонности и объективности следствия и разрешения дела. Кроме того, следователь при решении вопроса о выделении дела в отдельное производство обязан учитывать требования обеспечения безопасности лица, в отношении которого дело выделяется в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Если угроза его безопасности возникает, требуется изъять из расследуемого уголовного дела все материалы, идентифицирующие его личность, и приобщить их к выделенному уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ).

Таким образом, несмотря на правоприменительную практику, считаем, что выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, – это не обязанность, а право следователя. При этом далеко не во всех случаях требуется выделять уголовное дело в отдельное производство. Согласны с позицией некоторых ученых (Н.П. Кирилловой, И.И. Лодыженской, Г.П. Панфилова), что выделение уголовно-

го дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не должно носить массовый характер, а его необходимо рассматривать как исключение из правила с целью минимизации судебных ошибок при рассмотрении уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Поддерживаем утверждение А.В. Пиюка, что предварительное следствие и судебное разбирательство при едином расследовании и одномоментном рассмотрении дела позволяют установить и доказать роль каждого из соучастников преступления точнее, полнее и аргументированнее, чем при выделении дела [12, с. 283]. Вопрос о выделении дела в отдельное производство должен находиться в дискреции следователя, обязанного обосновать необходимость выделения дела в отдельное производство [8, с. 159-169]; однако необходимо закрепить механизм использования доказательств, полученных по выделенному уголовному делу, при расследовании и рассмотрении основного уголовного дела [5, с. 203-208].

Интересными являются результаты опроса практических работников, проведенного судьей А.В. Пиюком при подготовке монографии и докторской диссертации. Так, абсолютное большинство опрошенных практиков (87,7% судей, 93,69% прокуроров и 84,18% защитников) не видят необходимости в выделении дела в отдельное производство в отношении лица, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве. Более 95% опрошенных практиков не слышали и им не знакомы случаи угроз, насилия и пр. в отношении лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве. Наиболее частой реакцией на заключение соглашения о сотрудничестве являются не угрозы и не действия по нейтрализации сотрудничающего, а подача аналогичного ходатайства «изобличаемого лица» с просьбой заключить досудебное соглашение о сотрудничестве также и с ним [10, с. 281].

Существующий на сегодняшний день на практике императивный характер выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное

соглашение о сотрудничестве, порождает различные проблемы. В большинстве случаев выделенные уголовные дела подлежат рассмотрению в судах значительно раньше основного уголовного дела в отношении других соучастников. В результате существует ситуация, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве и не получившее наказание, на которое оно рассчитывало, впоследствии отказывается от своих показаний или меняет их в основном уголовном деле.

Для устранения подобного считаем логичным и целесообразным рассматривать выделенное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в судебном заседании после постановления итогового судебного решения по основному уголовному делу, чтобы была реальная возможность для оценки исполнения условий досудебного соглашения. С этой целью прокурор вправе заявить ходатайство об отложении судебного заседания, где планируется рассматривать уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, с аргументацией, что только после дачи сотрудничающего лица изобличающих показаний против соучастников в другом судебном процессе можно принять решение об исполнении сотрудничающим лицом всех условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим поддерживаем предложение О.Н. Тисен о дополнении УПК РФ (ч. 1 ст. 208 и ст. 238 УПК РФ) специальным основанием приостановления производства по делу (как на предварительном следствии, так и в суде) в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение, до вступления в законную силу приговора по основному уголовному делу [13, с. 43].

Вместе с тем механизм отложения или приостановления рассмотрения уголовного дела в отношении лица, заключившего до-

судебное соглашение о сотрудничестве, до вступления приговора в законную силу по основному уголовному делу возможно использовать лишь при соблюдении двух моментов: лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, не находится под стражей, так как иначе неоднократное отложение его судебного процесса может привести к нарушению разумных сроков, и уголовные дела в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, и его соучастников расследуются и рассматриваются судом в небольшом временном промежутке [2, с. 13-19]. В иных случаях подобный механизм затруднительно реализовать. Кроме того, постановление обвинительного приговора лицу, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, до того как судом будет вынесено итоговое решение по основному уголовному делу, нивелирует основополагающий принцип свободы оценки доказательств¹.

Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, влечет проблему обеспечения процессуальных прав и гарантий подсудимых по основному уголовному делу, поскольку лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, фактически является ключевым свидетелем со стороны обвинения и может безнаказанно оговорить предполагаемых соучастников, не признающих своей вины; по сути, подсудимые по основному уголовному делу не имеют какой-либо защиты от возможного лжесвидетельства со стороны лица, заключившего соглашение о сотрудничестве. Так, в отношении бывшего вице-мэра г. Сочи был вынесен обвинительный приговор, который в основном основывался на показаниях лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, которое не имеет риска быть привлеченным к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в силу ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ. По мнению адвокатов, отсутствие надлежащих процессуаль-

1 Арстанова А. Адвокаты обратились в Совфед, указав на проблемы в практике применения института досудебного соглашения // Адвокатская газета. 2023. 1 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-obratilis-v-sovfed-ukazav-na-problemy-v-praktike-primeneniya-instituta-dosudebnogo-soglashe>.

ных механизмов, направленных на предупреждение лжесвидетельства со стороны лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, создает опасность злоупотреблений при заключении досудебного соглашения, что ограничивает право подсудимого на защиту¹.

Другой проблемой выделения дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, выступает отсутствие гарантий достоверности сведений, которые сообщает сотрудничающее со следствием лицо. Законодатель не закрепляет каких-либо изъятий из требований, предъявляемых к приговору, вынесенному судом в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Он, так же как и приговор, вынесенный в общем порядке, должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ), основанным на знании об истинных обстоятельствах совершенного преступления. В соответствии с ч. 6 ст. 317.7 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, постановленного в порядке гл. 40.1 УПК РФ, должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, а также выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. Пункты 22 и 22.1 Постановления Пленума ВС РФ N 16 поясняют, что с учетом положений ч. 6 ст. 317.7 УПК РФ о том, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, суд постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, только если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, является обоснованным и подтверждается доказательствами, собранными по делу. Обвинительный приговор должен содержать выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. В приговоре, в частности,

указывается, что обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, а подсудимый понимает существо предъявленного ему обвинения и соглашается с ним в полном объеме; досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено им добровольно и при участии защитника; какое содействие следствию им оказано, в чем именно оно выразилось; приводятся результаты проведенного в судебном заседании исследования обстоятельств, указанных в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ.

Однако не ясно, как судья может постановить обоснованный, справедливый приговор в порядке гл. 40.1 УПК РФ, основанный на знании об истинных обстоятельствах совершенного преступления. Ведь на сегодняшний день при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело в отношении сотрудничающего со следствием лица выделяется в отдельное производство и рассматривается в особом порядке в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ при минимальном исследовании доказательств. Согласно п. 16 Постановления Пленума ВС РФ N 16 в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), а исследует только вопросы, указанные в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ в судебном заседании в обязательном порядке исследуются:

1) характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

2) значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления;

1 Арстанова А. Указ. соч.

3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица;

5) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Согласно ч. 3.1 ст. 317.7 УПК РФ судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, и предлагает подсудимому дать показания по существу предъявленного обвинения, после чего участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы. Подсудимый также сообщает суду, какое содействие следствию им оказано и в чем именно оно выразилось, и отвечает на вопросы участников судебного заседания.

В итоге дробления единого производства на «основное» и «выделенное» полноценное правосудие в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ подвергается сомнению. В двух разных производствах в отсутствие возможности допросить сообвиняемых, сопоставить и исследовать сообщаемые ими сведения, проверить и оценить все доказательства по единому уголовному делу представляется проблематичным установить степень достоверности сообщаемых различными участниками процесса сведений. Поэтому согласны с позицией ученых, а также некоторых судей, что без выделения в отдельное производство дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, единое рас-

следование и рассмотрение дела в суде содержат существенно больше возможностей в сфере доказывания с целью установления роли каждого из соучастников [12, с. 312]. При рассмотрении основного и выделенных дел суду достаточно сложно объективно разрешать вопрос о виновности (и степени вины) каждого участника в совершенном преступлении при наличии нескольких соучастников, заключивших соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, несмотря на неоднозначное толкование в науке положений ст. 317.4 и 154 УПК РФ и позицию правоприменителей (Верховный Суд РФ и Генпрокуратура РФ) в части обязательного выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, считаем, что, исходя из системного толкования данных норм УПК РФ, конструкции ст. 154 УПК РФ и процессуальной самостоятельности следователя, выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является правом, а не его обязанностью. Именно в дискреции следователя находится решение вопроса о выделении уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве. При этом выделение дела в отдельное производство, на наш взгляд, допускается только в исключительных случаях с соответствующим аргументированным обоснованием, учитывая, что в результате «дробления» уголовного дела появляются сложности и трудности с доказыванием и достоверностью сведений сотрудничающего лица.

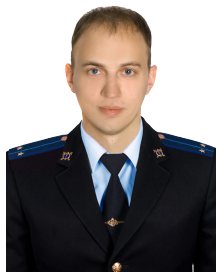

Библиографический список

1. Багаутдинов, К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / К.Ф. Багаутдинов. – Нижний Новгород, 2020.
2. Багаутдинов, Ф.Н. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешенные вопросы / Ф.Н. Багаутдинов, А.М. Заика // Законность. – 2022. – N 11.
3. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / Б.Т. Безлепкин. – 16-е изд. – М.: Проспект, 2023.
4. Качалова, О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. / О.В. Качалова. – М., 2016.
5. Кириллова, Н.П. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и в случае его нарушения / Н.П. Кириллова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – N 6 (287).
6. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам / отв. ред. В.М. Лебедев. – 3-е изд. – М, 2014.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М., 2021.
8. Лодыженская, И.И. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления / И.И. Лодыженская, Г.П. Панфилов // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – N 1 (43).
9. Пиюк, А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. / А.В. Пиюк. – Томск, 2017.
10. Пиюк, А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : дис. ... докт. юрид. наук. / А.В. Пиюк. – Томск, 2017.
11. Погорельский, А.А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве / А.А. Погорельский // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – N 1.
12. Свиридов, М.К. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ / М.К. Свиридов, А.В. Пиюк. – Томск, 2019.
13. Тисен, О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / О.Н. Тисен. – Оренбург, 2017.
14. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Главы 33-56. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. – Вып. V-VI.

УДК 343.98

**Владимир Александрович
КЛОЧКОВ,**

старший следователь отдела след-
ственной части ГСУ ГУ МВД России
по Красноярскому краю
vklochkov1@mail.ru

**Ольга Викторовна
ТРУБКИНА,**

профессор кафедры криминалисти-
ки Восточно-Сибирского института
МВД России (г. Иркутск),
кандидат юридических наук, доцент
1234q@mail.ru

**Ани Варужановна
МАИЛЯН,**

доцент кафедры криминалистики и
оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического институ-
та МВД России (г. Ростов-на-Дону),
кандидат юридических наук
david.072014@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД,
СЛЕДСТВЕННЫМИ ГРУППАМИ**

**PROBLEMS OF INVESTIGATING CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES
OF FINANCIAL PYRAMIDS BY INVESTIGATIVE TEAMS**

В статье исследуются основные проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, предлагаются варианты их решения. Особое внимание уделяется проблеме эффективности и полноты расследования преступлений указанной категории. Акцентируется внимание на организации расследования данных преступлений, использования возможностей членов следственных групп.

The main problems arising in the investigation of crimes related to the activities of financial pyramids are considered in the article as well as possible solutions are suggested by the authors. Special attention is paid to the problem of the effectiveness and completeness of the investigation of crimes of this category. Attention is focused on organizing the investigation of these crimes and using the capabilities of investigative team members

Ключевые слова: финансовая пирамида, расследование преступлений, следственная группа, криминалистическая методика, тактические решения, тактическая операция.

Keywords: financial pyramid, crime investigation, investigative team, forensic techniques, tactical decisions, tactical operation.

Одной из приоритетных задач при расследовании преступлений, вне зависимости от их категории, является установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, выполнение комплекса необ-

ходимых следственных действий. Данные условия позволяют принять законное и обоснованное решения в рамках предварительного расследования конкретного уголовного дела. Для решения задач, определенных уго-

ловно-процессуальным законом, соблюдения процессуальных сроков применяется регламентированный законом инструментарий.

При расследовании преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, ввиду сложности расследования уголовных дел анализируемой категории видится необходимым создание следственной группы. Несмотря на это, эффективность в расследовании данных преступлений следственными группами достигается не всегда, что обусловлено рядом причин.

Так, результаты проведенного анкетирования следователей органов внутренних дел Российской Федерации позволили установить обстоятельства, влияющие на эффективность расследования рассматриваемых преступлений. Из 112 опрошенных следователей, расследующих дела в сфере экономики, только 62,5% расследовали преступления, связанные с деятельностью финансовых пирамид, при этом 26,7% следователей имели стаж работы менее 5 лет.

Рассмотрим на примере ситуацию с органами предварительного расследования МВД России в Красноярском крае. Так, штатная численность следователей органов внутренних дел в Красноярском крае составляет примерно 1100 единиц. Согласно сведениями Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 году на территории Красноярска зарегистрированы 45 561 преступлений, из них 1 936 – экономической направленности¹, что составляет 4,25% от общего числа преступлений. Примерно такое же процентное соотношение будет по количеству следователей, которые расследуют преступления в сфере экономики, то есть примерно 4-4,5% следователей. Данные показатели не являются абсолютно точными, так как необходимо учитывать подследственность, некомплект среди сотрудников, территориальность совершенных преступлений, но даже с учетом этих факторов процентное соотношение следователей, расследующих дела в сфере экономики, на весь штат будет примерно таким же. Данные сведения уже более полно отражают суть проблемы.

Из этого следует, что доля следователей, имеющих опыт в расследовании преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, которыми будет максимально эффективно проведено расследование, составляет порядка 2,5-3% в общем числа следователей.

Таким образом, практический опыт, необходимый для эффективного расследования преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, имеют лишь незначительное количество следователей. Отметим также, что зачастую следственная группа формируется из числа следователей, работающих в одном подразделении и имеющих в производстве иные уголовные дела. В случае необходимости привлекаются следователи из иных подразделений, которые, как правило, не имеют опыта расследования преступлений экономической направленности. Указанные факторы негативно влияют на ход расследования, могут приводить к нарушению процессуальных сроков.

Проблемы взаимодействия членов следственной группы исследовались различными учеными. Так, М.М. Хамгоков отмечал, что следователь и другие члены следственной группы не всегда могут объективно оценить свою работу, ее результаты, выявить и устранить допущенные ошибки, разобраться в их причинах и последствиях, вовремя их исправить [7, с. 64].

В.С. Латыпов и А.Ю. Терехов утверждают, что допустимы разногласия, возникающие между членами группы следователей, которые спровоцированы личным профессиональным опытом в расследовании уголовных дел, общей эрудированностью, личным отношением к тактике и методике проведения расследования или производства отдельных следственных действий [5, с. 112].

А.Ю. Гордеев и С.Н. Хорьяков, раскрывая требования принятия процессуальных решений следственной группой, дали понятие объективности, заключающееся в том, что при принятии решения следователь, руководитель следственной группы и иные

1 Показатели преступности России // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL:<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 24.03.2024).

лица должны руководствоваться теми обстоятельствами, которые являются отражением объективной реальности, и, наоборот, исключать то субъективное, что не является отражением истины, то есть учитывать все обстоятельства, трактуемые как «за», так и «против» объекта решения [3, с. 22].

Раскрывая суть последнего утверждения, следует отметить, что принятие процессуальных решений должно быть основано на сложившейся следственной ситуации, имеющихся по уголовному делу доказательствах, а не только субъективной оценке следователя, состоящего в следственной группе, решение которого может противоречить позиции всех членов группы.

Безусловно, использование следователем современных криминалистических методик расследования преступлений на практике предупреждает негативные последствия. Представляется, что все следователи, состоящие в следственной группе должны знать криминалистические методики расследования анализируемых преступлений и применять их положения в ходе предварительного следствия.

Также следует акцентировать внимание на организационных вопросах и наличии практических навыков и умений у следователя – члена следственной группы. Например, опытный следователь, даже не расследовавший преступления в сфере экономики, может отличить конфликтную ситуацию от бесконфликтной, преодолеть противодействие, оказываемое, например, допрашиваемым лицом.

Выявление признаков противодействия раскрытию и расследованию преступлений, представляясь первым этапом в комплексе действий лиц, его устраняющих, не только является толчком к выполнению действий, направленных на его нейтрализацию, но и предопределяет их целесообразную совокупность, последовательность и тактические задачи [подр.: 6, с. 112].

С целью достижения максимальной эффективности в расследовании руководителем следственной группы, как правило, назначают наиболее опытного сотрудника, уже расследовавшего преступления, связанные с

деятельностью финансовых пирамид. Руководитель следственной группы берет на себя ответственность по расследованию уголовного дела и отвечает за качество проведения следственных действий. С остальными членами группы может быть иначе, при этом вопрос стоит не об отношении к выполняемым им обязанностям, а к вопросу об их осведомленности, касающейся имеющихся доказательств по уголовному делу, обстоятельств, которые следует выяснить. Так как масштабы преступной деятельности, связанной с финансовыми пирамидами, могут достигать регионального, федерального и международного уровней, существует вероятность установления следователями обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, слишком поздно, например, когда установлен факт участия одного лица в организованном преступном сообществе (далее – ОПС), которое занималось преступной деятельностью в конкретном городе, не являющемся основным для организатора, но контролирующего работу офисов организации, действующей по принципу финансовой пирамиды. Потерпевшие, как правило, контактировали с номинальным руководителем офисов, и следователь, работающий в данном населенном пункте, владеет лишь информацией о нем, а не о фактическом руководителе. Таким образом следователь добросовестно осуществляет допрос потерпевшего, но не устанавливает данные о значимом лице – участнике ОПС, тем самым теряется возможность получить дополнительные необходимые доказательства.

Казалось бы, эта проблема решается при организации правильного взаимодействия между следователями разных подразделений, состоящих в одной следственной группе, но, полагаем, взаимодействие следователей следственной группы должно найти отражение в криминалистических методиках.

Проанализируем понятия методики, данные ведущими криминалистами. По мнению Р.С. Белкина, методика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений [1,

с. 685]. Схожее понятие представлено другим ведущим криминалистом – Н.П. Яблочковым: методика расследования отдельных видов преступлений представляет собой целостную часть криминалистики, изучающую опыт совершения и практику расследования преступлений и разрабатывающую на основе познания их закономерностей систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений [8, с. 428]. Исходя из совокупности понятий методики организация расследования и эффективность являются ее фундаментальными признаками. В связи с этим не следует пренебрегать организационной составляющей при формировании методики расследования преступлений указанной категории.

На стадии возбуждения уголовного дела расследование планируется в зависимости от сложившейся следственной ситуации, которая может быть не типичной, поэтому, безусловно, применяется индивидуальный подход к распределению обязанностей между участниками следственной группы. Перед принятием решения о возбуждении уголовного дела в ходе проверки в рамках ст. 144-145 УПК РФ осуществляется сбор первичной информации, позволяющей принять то или иное процессуальное решение, и распределение обязанностей между следователями не будет эффективным, так как действия ограничиваются рамками уголовно-процессуального законодательства. Однако перед принятием решения о возбуждении уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, следует сразу расставить приоритетные задачи перед следователями, которые будут в составе следственной группы. Это связано со многими факторами, в том числе со сложившейся следственной ситуацией к моменту возбуждения уголовного дела, целями и задачами уголовного судопроизводства, пресечением противодействия со стороны защиты. Речь идет о тактической операции, эффективность которой будет зависеть от подготовки к проведению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, то есть организационной составляющей.

Одной из типичных ситуаций по уголовным делам анализируемого вида является наличие зарегистрированного сообщения о причиненном материальном ущербе организацией, которая прекратила свою деятельность, руководители организации установлены, но они скрылись от правоохранительных органов [2, с. 120]. Исходя из наличия следователей распределяются следующие первостепенные задачи, возникающие непосредственно после возбуждения уголовного дела:

- проведение следственных действий с потерпевшими с целью установления фактического причиненного ущерба, работы организации, лиц, совершивших преступление. Это также обусловлено общественным резонансом, который обычно является закономерным последствием совершенного преступления;
- проведение обысков в офисах организации, действующей по принципу финансовой пирамиды, в жилище организаторов и иных лиц, при наличии таких оснований;
- наложение ареста на имущество подозреваемых, которое ни в коем случае не следует откладывать в связи с возможным противодействием со стороны защиты;
- проведение следственных и процессуальных действий с подозреваемыми, если они установлены.

Данные мероприятия являются первоочередными, которые позволят в первую очередь прекратить незаконную деятельность, остановить поток денежных средств, поступающих в финансовую пирамиду от потерпевших. Дальнейшее расследование должно быть организовано в зависимости от имеющихся по уголовному делу доказательств, например наличия документов, свидетельствующих о незаконной деятельности.

Далее должна быть определена роль каждого следователя в зависимости от эффективности выполнения тех или иных задач, а именно дальнейшей работы с потерпевшими, с подозреваемыми (обвиняемыми), с изъятой документацией и т.д.

Обязательным условием эффективности является взаимодействие между следователями. Руководитель следственной группы

должен постоянно получать информацию об имеющихся доказательствах, анализировать ее, обрабатывать и принимать определенные тактические решения. Обмен новой полученной информацией должен быть оперативным, руководителем должны ставиться задачи моментально, а процесс контроля должен быть постоянным. Для достижения указанных целей могут использоваться современные технологии, обеспечивающие обмен информацией между участниками следственной группы, имеющимися сведениями о совершенном преступлении.

В заключение отметим, что появление новых признаков указанной преступной деятельности обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования методик расследования преступлений, связанных с

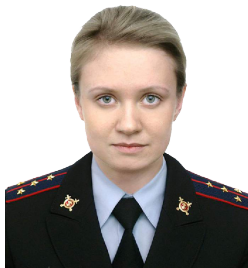
деятельностью финансовых пирамид. Кроме того, следственные органы нуждаются в разработке современных методик расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалют [подр.: 4, с. 130]. Как видится, методика расследования преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, должна включать не только тактику проведения следственных действий следователем или группой следователей, но и организацию взаимодействия между ними. Представляется, групповой метод расследования анализируемых преступлений непосредственно влияет на эффективность проведения следственных действий, тактических комбинаций и операций, а также на исход предварительного расследования в целом.

Библиографический список

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М., 2001.
2. Белицкий, В.Ю. Типичные следственные ситуации предварительной проверки по делам о мошенничествах, совершенных по принципу «финансовых пирамид», и пути их разрешения / В.Ю. Белицкий // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С.А. Елисеева, Л.М. Прокументова, В.А. Уткина [и др.]. – Томск, 2012. – С. 119-121.
3. Гордеев, А.Ю. Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой / А.Ю. Гордеев, С.Н. Хорьяков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 19-27.
4. Клочков, В.А. Признаки современных финансовых пирамид / В.А. Клочков, Н.В. Поляков, К.П. Малянова // Философия права. – 2023. – № 4 (107). – С. 127-131.
5. Латыпов, В.С. К вопросу об отсутствии нормативного определения понятий «следственная группа» и «следственно-оперативная группа» / В.С. Латыпов, А.Ю. Терехов // Актуальные вопросы науки и образования: отечественный и зарубежный опыт : сборник материалов международной конференции, посвященной 50-летию Уфимского юридического института МВД России / под общ. ред. А.С. Ханахмедова. – Уфа, 2021. – С. 110-116.
6. Трубкина, О.В. К вопросу о комплексности применения средств устранения противодействия расследованию / О.В. Трубкина, Н.В. Поляков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 4(28). – С. 207-218.
7. Хамгоков, М.М. Руководство деятельностью членов следственной группы со стороны руководителя следственного органа и руководителя следственной группы / М.М. Хамгоков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 3. – С. 63-65.
8. Яблоков, Н.П. Криминалистика / Н.П. Яблоков. – М. 1995.

УДК 347.61: 343.431

Ксения Юрьевна ФИЛИПСОН,
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)
geyzer007@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ УДЕРЖАНИЯ ИМУЩЕСТВА И САМОУПРАВСТВА

FEATURES OF THE LEGAL QUALIFICATION OF PROPERTY RETENTION AND ARBITRARINESS

В статье рассматриваются особенности дифференцирования уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 330 УК РФ, и правомерного удержания имущества (ст. 395 ГК РФ). На основе научного анализа правовой регламентации и практики защиты гражданских прав путем удержания вещи автор приходит к выводу, что незаконное удержание имущества можно квалифицировать как самоуправство (ст. 330 УК РФ). В статье приводятся критерии разграничения уголовно наказуемого деяния, направленного на незаконное изъятие чужого имущества в свою пользу либо в пользу третьих лиц, и удержание имущества в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

The article examines the peculiarities of differentiation of a criminal offense provided for in Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation and lawful retention of property (Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation). Based on a scientific analysis of the legal regulation and practice of protecting civil rights by retaining things, the author concludes that illegal retention of property can be qualified as arbitrariness (Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article provides criteria for distinguishing a criminally punishable act aimed at the illegal seizure of someone else's property in their favor or in favor of third parties, and the retention of property in accordance with Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: самоуправство, удержание имущества, правовая квалификация, защита гражданских прав.

Keywords: *arbitrariness, retention of property, legal qualification, protection of civil rights.*

Конституция РФ гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина всеми способами, не запрещенными законом (ст.45).

Одним из таких способов защиты гражданских прав выступает удержание имущества должника (ст. 359 ГК РФ). Удержание вещи обладает двойственной правовой природой. Удержание следует понимать и как

способ обеспечения исполнения обязательства (меры обеспечения), и как способ самозащиты (меры защиты) субъективных прав. Выступая способом обеспечения исполнения обязательства, удержание призвано побудить должника к надлежащему исполнению обязательства. Однако в случае, если должник уклоняется от своих обязанностей, удержание преобразуется в способ защиты субъек-

тивных прав, осуществляемый посредством реализации удерживаемого имущества с целью возмещения убытков и восстановления прав кредитора.

В соответствии со ст. 359 ГК РФ кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитором связанных с нею издержек и других убытков, удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. Удержанием вещи могут обеспечиваться также требования хотя и не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которого действуют как предприниматели.

Приведем пример правомерного удержания чужого имущества из судебной практики по гражданскому делу¹.

Индивидуальный предприниматель Крекова Н.Д. обратилась в Арбитражный суд Алтайского края с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Кузбасс-3» о взыскании убытков, причиненных вследствие незаконного удержания имущества.

Как следует из материалов дела, ООО «Кузбасс-3» (арендодатель) и ИП Крекова Н.Д. (арендатор) заключили договор аренды, предусматривающий передачу во временное владение и пользование нежилое помещение за определенную плату.

Условиями договора аренды было установлено, что в случае нарушения арендатором обязанности по внесению арендных платежей арендодатель вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательств по договору, а также имеет право на удержание имущества должника. Договор считается расторгнутым по истечении десяти дней со дня направления арендодателем уведомления об одностороннем отказе от исполнения договора.

Как следует из материалов дела, у ИП Крековой Н.Д. (арендатора) образовалась

задолженность по арендной плате в размере 652 787 руб. 18 коп.

В связи с ненадлежащим исполнением обязанности по уплате арендных платежей арендодатель вручил арендатору уведомление об одностороннем отказе от исполнения договора в связи с его нарушением. Также ООО «Кузбасс-3» (арендодатель) вручило ИП Крековой Н.Д. (арендатору) уведомление о необходимости погашения задолженности по арендной плате, а также об удержании имущества арендатора в арендуемом помещении до полного расчета.

В ответ на уведомление арендодателя ИП Крекова Н.Д. предоставила в ООО «Кузбасс-3» требование не чинить препятствий в пользовании арендованным помещением и прекратить противоправные действия по удержанию принадлежащего ей имущества.

Суд, исследовав обстоятельства дела, пришел к выводу, что у ответчика имелись все необходимые основания для правомерного применения ст. 359 ГК РФ. В процессе судебного разбирательства было установлено, что удержание имущества стало возможным в результате того, что оно было добровольно оставлено арендатором в арендованных помещениях после расторжения договора аренды в одностороннем порядке по причине ненадлежащего исполнения обязанности по уплате арендных платежей.

Аналогичную позицию заняли и сотрудники отдела полиции «Рудничный» УМВД РФ по г. Кемерово, к которым Крекова Н.Д. обратилась с заявлением о привлечении ООО «Кузбасс-3» к уголовной ответственности за самоуправство и причинение ей существенного имущественного вреда. По результатам проведенной проверки сотрудники полиции вынесли постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Полагаем, что суд и органы предварительного расследования приняли верное решение о законности удержания чужого имущества вследствие ненадлежащего испол-

¹ Решение арбитражного суда Алтайского края от 30.03.2016 по делу N A03-20578/2015 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7zFf3ABA01xl/?ysclid=lvw09vi99x691059540> (дата обращения: 25.03.2024).

нения обязанностей по договору аренды. Как следует из материалов дела, арендодатель не нарушил положения ст. 359 ГК РФ, устанавливающей порядок удержания имущества, и действовал в соответствии с условиями договора, закрепляющими возможность удержания имущества арендатора в случае ненадлежащего исполнения обязательства по внесению арендных платежей.

Рассмотрим противоположный случай из судебной практики¹.

Приговором мирового судьи 2-го судебного участка Чулымского судебного района Новосибирской области В.С.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ, при обстоятельствах, указанных в приговоре, а именно в том, что 03.09.2022 умышленно, из корыстных побуждений, против воли собственника, неправомерно безвозмездно изъял и обратил в свою собственность сварочный аппарат марки «Foxweld Varteg 230/220В», принадлежащий потерпевшему, тем самым присвоил его, распорядившись похищенным по своему усмотрению.

В суде первой инстанции подсудимый, не оспаривая факт изъятия сварочного аппарата, указал, что совершил указанные действия по его изъятию, так как с ним не рассчитались в полном объеме за проделанные им работы.

В рамках судебного производства было установлено, что осужденный В.С.В. заключил договор подряда со свидетелем, предметом которого являлись действия, направленные на выполнение сварочных работ по отоплению в доме свидетеля. При заключении договора потерпевший предоставил сварочный аппарат осужденному В.С.В. для исполнения обязанностей по договору, заключенному со свидетелем. Осужденный знал, что указанный сварочный аппарат принадлежит потерпевшему, который не является стороной договора подряда.

По истечении срока договора подряда свидетель и потерпевший решили проверить результат выполненных работ, однако про-

верка показала, что отопление так и не было сварено, работа не выполнена, а сварочный аппарат отсутствовал. В.С.В. на звонки свидетеля и потерпевшего не отвечал, только писал сообщения, чтобы заказчица оплатила работу в размере 45 000 рублей. Однако из представленных доказательств следует, что сварочные работы подсудимый произвел не в полном объеме и забрал сварочный аппарат, который затем продал в р.п. Ордынское.

Полагаем, что по данному уголовному делу принято законное судебное решение о привлечении обвиняемого В.С.В. к уголовной ответственности. Суд на основании имеющихся достаточных, допустимых и достоверных доказательств установил корыстный мотив В.С.В. и опроверг наличие у него действительного или предполагаемого права на удерживаемое имущество потерпевшего. Доводы осужденного В.С.В. о том, что свидетель не исполнил свои обязанности по договору подряда, были признаны несостоятельными. Также в процессе уголовного расследования была подтверждена осведомленность В.С.В. о принадлежности данного аппарата потерпевшему.

Выводы суда о доказанности вины и правильности квалификации действий осужденного в приговоре приведены полно, надлежащим образом обоснованы и мотивированы. Действия осужденного не могли быть признаны законными в соответствии со ст. 359 ГК РФ, так как отсутствуют необходимые и обязательные основания для правомерного удержания чужого имущества по договору.

На основании вышеизложенного можно сделать предположение о достаточной эффективности рассматриваемого способа защиты субъективных прав, если строгого соблюдения положения ст. 359 ГК РФ. При реализации рассматриваемого способа защиты субъективных прав у управомоченного лица закономерно должны возникнуть следующие вопросы: а законны ли мои действия в отношении имущества должника либо иного лица? Действую ли я в соответствии с норма-

1 Апелляционное постановление Чулымского районного суда Новосибирской области от 05.07.2023 по делу N 10-5/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Geem7plhmbJp/?ysclid=ltmc2ewkd0718293257> (дата обращения: 12.04.2024).

ми гражданского права, либо мои действия содержат состав преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ или ст. 160 УК РФ?

Считаем, что для правильной правовой квалификации действий лица по удержанию чужого имущества необходимо разграничить правомерное удержание имущества в целях обеспечения исполнения обязательства и преступление, направленное на незаконное изъятие чужого имущества в свою пользу либо в пользу третьих лиц. Следует отметить, что вопросами правовой квалификации удержания имущества и самоуправства занимались многие ученые в сфере уголовного и гражданского права. При этом ни в теории, ни на практике не сформировано единого подхода по указанному вопросу [1-7].

Рассмотрим особенности правовой квалификации преступлений против собственности.

В теории уголовного права под преступлениями против собственности принято понимать предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные деяния, посягающие на чужие имущественные права и интересы. К одним из таких общественно опасных деяний согласно ст. 160 УК РФ следует относить присвоение и (или) растрату чужого имущества, вверенного виновному лицу.

В постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» раскрывается понятия присвоения и растраты. Так, присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника.

Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам.

Из приведенных определений можно выделить следующие признаки состава присвоения и растраты:

предмет присвоения и растраты – чужое вверенное имущество;

объективная сторона присвоения выражается в безвозмездном обращении чужого вверенного имущества с корыстной целью в свою пользу либо в пользу других лиц против воли собственника. Объективная сторона растраты включает в себя противоправное потребление, расходование либо отчуждение чужого вверенного имущества с корыстной целью против воли собственника;

субъект присвоения и растраты – лицо, которому чужое имущество было вверено на законном основании (например, по договору хранения, аренды, безвозмездного пользования);

субъективная сторона присвоения и растраты – корыстная цель, направленная на получение имущественной выгоды от потребления, расходования либо отчуждения чужого вверенного имущества. Также Пленум Верховного Суда РФ в вышеприведенном постановлении указывает на то, что, разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, необходимо установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц.

При этом п. 26 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ содержит следующее разъяснение: «В случае если лицо обращает в свою пользу или в пользу других лиц чужое вверенное имущество, действует в целях осуществления своего действительного либо предполагаемого права на это имущество (например, удержание либо реализация удерживаемого имущества в целях обеспечения долгового обязательства не исполненного собственником), то содеянное необходимо квалифицировать как самоуправство (ст. 330 УК РФ)».

Согласно ст. 330 УК РФ под самоуправством следует понимать самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом совершение

каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред.

Обозначим признаки самоуправства:

предмет самоуправства – чужое имущество;

объективная сторона самоуправства заключается в самовольном потреблении, расходовании либо отчуждении чужого имущества против воли собственника, вопреки законному порядку. Вследствие самоуправства причиняется существенный вред собственнику имущества;

субъект – лицо, которое изымает и обращает чужое имущество в свою пользу либо в пользу третьих лиц, основываясь на действительном или предполагаемом праве (например, по договору хранения, аренды, безвозмездного пользования);

субъективная сторона самоуправства – реализация действительного либо предполагаемого права на чужое имущество в нарушении порядка, установленного законом.

Таким образом, главным отличительным признаком самоуправства является наличие у виновного действительного или предполагаемого права на совершение оспариваемых действий, осуществляемых с нарушением предусмотренной законом процедуры их совершения.

Применительно к проблеме нашего исследования к самовольным незаконным действиям, которые образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, можно отнести несоблюдение законного порядка удержания чужого имущества в целях обеспечения исполнения договорного обязательства и причинение существенного вреда собственнику имущества.

Приведем случай из судебной практики по гражданскому делу¹. Общество (хранитель) и организация-поклажедатель заключили договор хранения, в соответствии с п. 1.1 которого хранитель принял на себя обязательства хранить экспонаты и оборудование, передан-

ные ему поклажедателем по наименованиям и в количестве, согласно приложениям к договору. Общество хранило указанное имущество в помещении на основании договора субаренды, заключенного с компанией-арендодателем. По истечении договора аренды Общество (хранитель) не погасило имеющуюся перед арендатором (ответчиком) задолженность по арендной плате, в связи с чем арендатор (ответчик) удержал оборудование, принадлежащее поклажедателю, оставшееся в помещении, в обеспечение обязательства Общества по внесению арендной платы.

Считая действия компании-арендодателя по удержанию имущества незаконными, организация-поклажедатель обратилась в полицию с заявлением о преступлении.

По итогам проверки сотрудником полиции было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Основанием отказа в возбуждении уголовного дела явилось то обстоятельство, что компания-арендодатель готова была передать имущество истцу при предоставлении правоустанавливающих документов, подтверждающих право собственности последнего.

Однако в последующем и после предъявления правоустанавливающих документов на удерживаемое имущество арендатор (ответчик) продолжил осуществлять деятельность по незаконному удержанию имущества против воли его собственника. В связи с этим собственник имущества (поклажедатель) обратился в суд за защитой своих прав, нарушенных незаконными действиями ответчика.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении исковых требований ссылаясь на законность действий арендатора по удержанию чужого имущества. Однако Верховный Суд РФ не согласился с выводами нижестоящих судов, совершенно верно указав на то, что по смыслу п. 1 ст. 359 ГК РФ не допускается удержание чужого, не принадлежащего должнику имущества при отсутствии у лица, удерживающего вещь, требований к ее собственнику.

1 Определение Верховного Суда РФ от 04.10.2022 N 305-ЭС22-4687 по делу N A40-52240/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/adfa25f5-abfb-4e38-afc5-8db137de4f6b/b632b4b7-e9d5-4718-b7ed-5857e9d0df3f/A40-52240-2021_20221010_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.05.2024).

Материалами дела было установлено, что контрагентами по договору субаренды являлись ответчик (арендодатель) и третье лицо (арендатор). Вещь находилась у третьего лица (арендатора) на основании договора хранения и ему не принадлежала.

Таким образом, ответчик выступал в качестве кредитора третьего лица, а не истца, и у него отсутствовали какие-либо требования к организации-поклажедателю, поэтому он не вправе был удерживать ее имущество в отсутствие оснований, установленных законом или договором.

На наш взгляд, в данной ситуации сотрудниками полиции необоснованно было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 330 УК РФ. Арендатор был осведомлен о том, что удерживаемое им имущество принадлежит на праве собственности лицу не связанному с ним обязательствами и не являющемуся должником по договору субаренды. Арендатор самовольно в противоречии с законом, а именно ст. 359 ГК РФ, осуществил удержание чужого имущества и причинил существенный вред его собственнику. Полагаем, что в действиях арендатора может усматриваться состав такого преступления, как самоуправство.

Рассмотрим еще один случай из судебной практики¹. Между АО «Алмазолотоавтоматика» (арендодатель) и ООО «Активити» (арендатор) был заключен договор аренды, по которому арендатору предоставлено во временное владение и пользование нежилое помещение. Условиями договора была предусмотрена взаимная обязанность арендодателя и арендатора письменно известить друг друга о предстоящем освобождении ими помещений, как в связи с окончанием срока договора, так и при его досрочном прекращении не позднее, чем за две недели. Стороны закрепили безусловное право арендодате-

ля на удержание имущества, находящегося в арендуемом помещении, при наличии задолженности по арендной плате у арендатора, вплоть до полного погашения арендных платежей.

Как следует из материалов дела, арендодатель своим распоряжением запретил истцу доступ в арендуемое помещение до особого распоряжения, изъял с вахты ключи от помещения. Арендатором в адрес арендодателя направлены заявления с просьбой разрешить вывоз личных вещей и имущества из помещения. Однако заявление арендатора было оставлено без ответа. Через два года арендодатель предоставил арендатору возможность вывезти имущество из помещения (за исключением кондиционеров, установка которых расценена арендодателем как неотделимые улучшения помещения).

Истец обратился в арбитражный суд для защиты своих нарушенных прав, полагая, что незаконное удержание арендодателем в течение двух лет принадлежащего ему имущества привело к возникновению убытков в виде неполученной выгоды по причине невозможности оказания образовательных услуг в связи с отсутствием необходимого имущества (инвентаря, документов и литературы (материальной базы)).

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требований и признали удержание законным. Арбитражный суд кассационной инстанции встал на сторону истца. Судья при вынесении решения совершенно верно руководствовался п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», где разъяснено, что право на удержание вещи должника возникает у кредитора лишь в том случае, когда спорная вещь оказалась в его владении на законном основании.

1 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.12.2019 N Ф02-7063/2019 по делу N А33-36164/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; решение арбитражного суда Красноярского края от 11.06.2020 по делу N А33-36164/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/J4S7EyHrpqCgO/?ysclid=m03o61s7jf922790607>; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29.07.2021 по делу N А33-36164/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/czgmZuRvp1K/?ysclid=m03o9e0jox203516451>; определение Верховного Суда РФ от 21.03.2022 N 302-ЭС21-29241 по делу N А33-36164/2018. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-21032022-n-302-es21-29241-po-delu-n-a33-361642018/?ysclid=m03of5bar7744721348> (дата обращения: 03.05.2024).

Возможность удержания не может быть следствием захвата вещи должника помимо его воли.

Таким образом, арендодатель вправе удерживать имущество, принадлежащие арендатору, лишь в том случае, когда спорные вещи оказались в его владении на законном основании. В то же время из материалов дела усматривается, что имущество истца оказалось во владении ответчика не по воле последнего, так как ответчик без предварительного уведомления о каком-либо нарушении обязательств истцом распорядился не выдавать ключи от арендуемого помещения, что свидетельствует о фактическом захвате ответчиком имущества истца. Кроме того, как следует из представленных доказательств на момент удержания имущества задолженность по арендным платежам у истца отсутствовала. При этом имелась задолженность по иным договорам аренды с ответчиком.

Считаем, что по данному делу арбитражный суд кассационной инстанции вынес верное решение. Также следует отметить, что в действиях ответчика может усматриваться состав самоуправства. Полагаем, что арендодатель действовал с целью восстановления своего нарушенного права и предполагал, что для достижения указанной цели может воспользоваться таким способом защиты как удержание. Однако в процессе защиты своих нарушенных прав грубо нарушил правила применения ст. 395 ГК РФ, чем причинил существенный материальный ущерб потерпевшей стороне.

Рассмотрим правомерный порядок удержания в соответствии с гражданским законодательством.

Удержание в качестве способа защиты субъективных прав нашло закрепление как в общих нормах гражданского права (ст. 359, 360 ГК РФ), так и в специальных, регулирующих отдельные виды правоотношений. Специальный порядок удержания отражен в следующих статьях: ст. 712 ГК РФ (договор подряда), в п. 4 ст. 790 ГК РФ (договор перевозки), в п. 3 ст. 972 ГК РФ (договор поручения) и в п. 2 ст. 996 ГК РФ (договор комиссии).

В соответствии с общими нормами (правовые установления) кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков (правовая цель) удерживать ее до тех пор (правовые действия), пока соответствующее обязательство не будет исполнено, если должник не исполнит свое обязательство, кредитор осуществляет принудительную либо добровольную (внесудебную) реализацию имущества путем продажи с торгов (правовые действия – принудительная или добровольная (внесудебная) передача права собственности от правопреемника (должника) к правопреемнику (кредитору)).

Добровольная (внесудебная) реализация осуществляется на основании соглашения об обращении взыскания на удерживаемое имущество. Данное соглашение должно содержать указание на один способ или несколько способов реализации имущества, предусмотренных ст. 350.1 ГК РФ.

Продажа имущества посредством проведения торгов либо заключения иной сделки управомоченным лицом влечет за собой переход права собственности от должника к новому собственнику в целях защиты субъективных прав кредитора. При этом правопреемник вынужден претерпевать негативные последствия такого правопреемства, выражающиеся в лишении права собственности, в связи со своим противоправным поведением.

На основании вышеизложенного обозначим признаки правомерного и неправомерного удержания.

Правомерное удержание имущества:

1) предмет удержания – чужая вверенная вещь, подлежащая передаче должнику либо третьему лицу по неисполненному обязательству по оплате этой вещи и или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков (договоры аренды, подряда, хранения) либо по иным требованиям, не связанным с оплатой вещи или возмещением

издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которого действуют как предприниматели;

2) объективная сторона удержания выражается:

– в правомерном удержании вещи до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено;

– в правомерном обращении взыскания на удерживаемое имущество в судебном либо внесудебном порядке;

3) субъект – субъекты гражданского права, у которых спорная вещь оказалась во владении на законном основании;

4) субъективная сторона – цель реализация существующего права на чужое имущество для защиты нарушенных субъективных прав в соответствии с установленным порядком.

Неправомерное удержание имущества:

1) предмет самоуправства – чужая вверенная вещь, подлежащая передаче должнику либо третьему лицу по неисполненному обязательству по оплате этой вещи и или возмещению кредитором связанных с нею издержек и других убытков (договоры аренды, подряда, хранения) либо по иным требованиям, не связанным с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которо-

го действуют как предприниматели. Кроме того, к предмету самоуправства следует отнести вещи, принадлежащие на праве собственности лицу, не являющемуся стороной обязательственного правоотношения, возникшего между причинителем вреда и потерпевшим;

2) объективная сторона самоуправства заключается в самовольном потреблении, расходовании либо отчуждении чужого вверенного имущества против воли собственника, вопреки порядку, установленному гражданским законодательством (ст. 359-360 ГК РФ);

3) субъект – лицо, которому имущество вверено в силу гражданско-правового обязательства (договор аренды, хранения, безвозмездного пользования, найма);

4) субъективная сторона – цель реализация действительного либо предполагаемого права на чужое имущество в нарушении порядка, установленного гражданским законодательством.

Полагаем, что для разрешения спорных вопросов, возникающих при квалификации преступлений против собственности, необходимо внести соответствующие дополнительные и подробные разъяснения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Библиографический список

1. Бакушевская, Д.А. Разграничение удержания, как способа самозащиты гражданских прав, от самоуправства / Д.А. Бакушевская // Тенденции частноправового и публично-правового взаимодействия : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2022 года. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. – С. 52-58.

2. Губко, В.А. Проблемы установления признаков объективной стороны самоуправства (ст. 330 УК РФ) / В.А. Губко // Уголовное право. – 2023. – N 12(160). – С. 10-22.

3. Демьяненко, В. А. Категория «предполагаемое право» в УК РФ и ее влияние на квалификацию преступлений против собственности / В.А. Демьяненко // Общество и право. – 2010. – N 1(28). – С. 162-165.

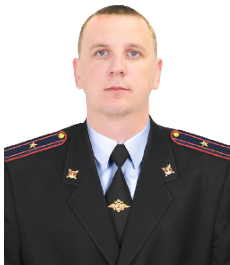
4. Ершов, О.Г. Удержание имущества заказчика при исполнении договора строительного подряда: обеспечительная мера или самоуправство? / О.Г. Ершов, К.В. Карпов // Уголовное право. – 2013. – N 4. – С. 4-9.

5. Петров, И.В. К вопросу о разграничении самозащиты гражданских прав, удержания имущества должника и самоуправства в арендных отношениях / И.В. Петров, И.И. Дементеева // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе : материалы II всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 12 февраля 2015 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 20-25.
6. Сидельников, А. Аренда – срочное расторжение при форс-мажоре / А. Сидельников, А. Яковлева // Жилищное право. – 2022. – N 4. – С. 37-42.
7. Южанин, Н.В. Удержание имущества должника и самоуправство / Н.В. Южанин // Юрист. – 2009. – N 6. – С. 49-52.

УДК 343.21

Евгений Сергеевич КВАСНИКОВ,

старший преподаватель кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

evgen1219@mail.ru

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА ОТ ОБЩЕСТВЕННО ВРЕДНОГО (ОПАСНОГО) ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

NECESSARY DEFENSE FROM SOCIALLY HARMFUL (DANGEROUS) ENCROACHMENT

В статье рассматривается проблема уголовно-правовой оценки фактора внезапности посягательства при квалификации необходимой обороны в совокупности с проблемой реализации права на необходимую оборону от деяний, которые в силу административной преюдиции являются общественно опасными. Анализируются вопросы, связанные с оценкой субъективного восприятия угрозы обороняющимся лицом от посягательств, фактически обладающих свойством общественной вредности, но при повторном их совершении характеризующихся свойством общественной опасности.

The article considers the problem of criminal law assessment factor of suddenness of encroachment when qualifying necessary defense in conjunction with the problem of exercising the right to necessary defense against acts that are socially dangerous due to administrative prejudice. The issues related to the assessment of the subjective perception of a threat by a defending person from encroachments that actually have the property of social harmfulness, but when they are repeated, characterized by the property of public danger, are analyzed.

Ключевые слова: квалификация, необходимая оборона, внезапность, преступление, правонарушение, административная преюдиция, субъективный фактор.

Keywords: qualification, necessary defense, suddenness, crime, offense, administrative prejudice, subjective factor

В уголовном праве необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) выступает в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Как известно, такое обстоятельство способствует реализации конституционного права (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) на защиту от общественно опасного посягательства посредством причинения вреда нападающему. Обусловленность закрепления норм о необходимой обороне не вызывает сомнения, поскольку последняя представляет собой

«non scripta, sed nata lex (Cicero pro Milone)» – закон не писанный, а закон природный. Как отмечал А.Ф. Кони, необходимая оборона существовала и существовать не перестанет, поскольку она основана на законе необходимости, который по своей сути вечен [4, с. 10-11]. Поэтому в уголовно-правовой доктрине необходимой обороне уделено повышенное внимание [9, с. 296], в том числе в связи с развитием общественных отношений, тенденцией цифровизации и автоматизации [5].

Закрепление данного обстоятельства в уголовном законе имеет большое значение, поскольку, по смыслу закона, оно гарантирует право каждого на защиту своей жизни, здоровья, свободы, имущества и других законных интересов от противоправных действий; стимулирует поведение граждан по самозащите и защите других лиц от преступных посягательств, тем самым способствует поддержанию общественного порядка и безопасности, исключает злоупотребление правом на защиту и предотвращает чрезмерное насилие ввиду регламентации пределов допустимого вреда, гарантирует юридическую защиту обороняющегося от необоснованного уголовного преследования.

Таким образом, основным предназначением института необходимой обороны является предоставление лицу возможности защищаться от противоправных посягательств без риска быть привлеченным к ответственности при условии, что действия по защите соответствуют установленным законом пределам необходимой обороны.

Вместе с тем следует отметить, что социальная обусловленность введения в действие отдельных норм права или нормативных правовых актов предполагает соответствие как законодательным ожиданиям, так и общественным интересам в совокупности, а совершенствование правоприменительной практики является одной из распространенных тенденций уголовно-правовой политики. Так, одним из актуальных вопросов применения современного уголовного законодательства является вопрос, касающийся реализации ст. 37 УК РФ. В обществе данный вопрос является злободневным, поскольку затрагивает не только интересы личности, реализующей поощрительную функцию уголовного права путем применения указанной уголовно-правовой нормы, но и аспекты справедливости в широком смысле этого слова. В практической деятельности популярность данной нормы при квалификации и рассмотрении уголовных дел по сравнению с другими уголовно-правовыми нормами, регламентирую-

щими обстоятельства, исключаящие преступность деяния, значительно выше [11, с. 454].

Более подробно остановимся на вопросе, связанном с субъективистским восприятием нападения обороняющимся, в том числе в связи с неожиданностью посягательства. В науке уголовного права вопрос о субъективном восприятии обороняющегося, действовавшего в состоянии необходимой обороны, обсуждался не единожды. Авторами были предложены различные варианты совершенствования правоприменения в исследуемой сфере. Например, такие варианты связаны с формулировкой понятия неожиданного посягательства [10], с рекомендациями исследования субъективного критерия, а не только объективного признака окончания права на необходимую оборону [1], с утверждением о презумпции прав обороняющегося [8].

Научные дискуссии о субъективном факторе обороняющегося связаны прежде всего с тем, что одно лишь закрепление данной нормы не констатирует факт надлежашего ее функционирования и реализации поощрительной функции уголовного права. Чрезвычайно важно, чтобы практика квалификации по ст. 37 УК РФ соответствовала и буквальному толкованию закона, и здравому смыслу, являющимся основой для законотворчества. Проблемы применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, инициатива ее совершенствования представителями законодателя¹ не свидетельствует о соответствии общественным интересам и законодательным ожиданиям. Но что препятствует правильному правоприменению? Субъективизм в восприятии обстоятельств нападения при квалификации со стороны правоприменителя или несовершенство законодательной конструкции?

В целях большей наглядности обозначения актуальности проблемы темы исследования затронем проблему субъективного фактора обороняющегося от общественно опасного посягательства. Так, помимо прочего, исходя из толкования ст. 37 УК РФ и п. 4 постановления Пленума Верховного

1 О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации : проект федерального закона N 122117-8 (в архиве).

Суда РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – Постановление Пленума), право на необходимую оборону возникает при внезапности нападения¹. Важно отметить, что ч. 2.1 ст. 37 УК РФ распространяет свое действие на регламентацию необходимой обороны в целом, независимо от конструкции ст. 37 УК РФ, то есть не важно, было ли насилие (или угроза такого насилия) сопряжено с опасностью для жизни (ч.1 ст. 37 УК РФ), либо нет (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Так, например, суд признал виновной по ч. 1 ст. 105 УК РФ гр. Ф., которая утверждала, что ее действия, при отражении посягательства со стороны гр. Х, выразившегося в ее избивании последним, носили оборонительный характер. Гр. Х злоупотреблял алкоголем, систематически ее избивал в состоянии опьянения. Во время очередного конфликта, перерастающего в причинение ей побоев, гр. Ф, решив напугать гр. Х., сделала маховое движение рукой, в которой находился нож, в сторону Х., в результате чего перерезала ему горло. Мотивируя вынесенный обвинительный приговор, суд указал, что гр. Ф. могла объективно оценить характер и степень опасности действий гр. Х., так как его действия не были для нее неожиданными – подсудимая достала нож из шкафа с дверцами, который открыла левой рукой, а нож взяла правой рукой². Гр. П. была также осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ в связи с тем, что между реальной угрозой причинения насилия, опасного для жизни, ей и ее ребенку со стороны гр. М. и ее действиями, выразившимися в нанесении ему удара ножом, был временной промежуток, во время которого ни внезапности нападения, ни угроз применения насилия со стороны потерпевшего не установлено, несмотря на то что

подсудимая утверждала об обратном. Так, изначально, находясь вне пределов дома, где находились гр. П и ее ребенок, гр. М. в состоянии алкогольного опьянения стучал в дверь и окно, пытался зайти в дом, словесно угрожая им топором. После этого гр. П. взяла кухонный нож, сама открыла дверь и ударила ножом М. в момент, когда последний находился рядом, но не высказывал угроз и не предпринимал попыток нападения³.

Таким образом, внезапность нападения является фактором, определяющим возможность причинителя вреда объективно оценить характер и степень опасности нападения. Вместе с тем вышеуказанное постановление расширительно раскрывает определение «неожиданных действий» для обороняющегося через оценочные признаки (время, место, обстановка, способ посягательства и др.), тем самым предоставляя правоприменителю право субъективистского толкования таких разъяснений. Следует отметить: термин «неожиданность», согласно толковому словарю, означает внезапность, непредсказуемость, непредвиденность, непредусмотренность⁴. Так, в темное время суток в ограниченном пространстве гр. Л. подвергся нападению со стороны С., вооруженного острым предметом. Во время отражения нападения гр. Л. нанес посягающему травмы, не совместимые с жизнью. Изначально Л. было предъявлено обвинение в совершении убийства, затем переквалифицировано на ч. 1 ст. 108 УК РФ, однако впоследствии Л. был вовсе оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления. Как было установлено в ходе рассмотрения уголовного дела, неожиданность посягательства на гр. Л. обуславливалась внезапным, неспровоцированным нападением, беспричинной агрессией вооруженного нападавшего, скоротечностью ситуации, ограниченностью пространства, поэтому он

1 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19. Пункт 4.

2 Приговор Октябрьского городского суда (Республика Башкортостан) от 28.11.2018 по делу N 1-300/2018. URL: [//sudact.ru/regular/doc/tUsAMHmphYNR/](https://sudact.ru/regular/doc/tUsAMHmphYNR/) (дата обращения: 17.04.2024).

3 Приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 17.10.2017 по делу N 1-360/2017. URL: [//sudact.ru/regular/doc/HtjOidVeXE1q/](https://sudact.ru/regular/doc/HtjOidVeXE1q/) (дата обращения: 17.04.2024).

4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: [//dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/124558](https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/124558) (дата обращения: 10.05.2024).

действовал в пределах необходимой обороны¹.

Если и при возбуждении уголовного дела, и при перекалфикации на менее тяжкую статью вышеуказанные обстоятельства были установлены, можно ли в таком случае говорить об ошибочном субъективистском понимании правоприменителем пункта 4 Постановления Пленума? Или имеет место следование правоприменителем по пути наименьшего сопротивления – простое желание сделать показатель по службе, направить дело в суд при наличии достаточной совокупности доказательств (признательных показаний обвиняемого, показаний свидетелей, и др.)? Не вдаваясь в причины первоначальной квалификации, факт ее неправильности остается фактом.

Если такие проблемы возникают при квалификации обороны от общественно опасных посягательств, но ввиду регламентации ст. 37 УК РФ и разъяснений Постановления Пленума эти проблемы все же разрешимы, то проблемы соответствующей квалификации при защите от посягательств, являющихся преступлениями ввиду административной преюдиции (в частности, речь идет о побоях), в настоящее время не решены. Реализация конституционного права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, посредством ст. 37 УК РФ существенно затрудняется при посягательствах, в юридическом смысле не обладающих свойством общественной опасности, но обладающих свойством общественной вредности – то есть при защите от административных правонарушений. И решение таких проблем значительно осложняется в связи с определением субъективистского восприятия нападения обороняющимся, в том числе в связи с неожиданностью посягательства.

Следует отметить судебную практику по наиболее распространенному преступлению против личности с административной преюдицией – ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побо-

ев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» за период с 2019 по 2023 г. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 г. число осужденных лиц по данной статье составило 1386, в 2020 г. – 1629, в 2021 г. – 1809, в 2022 г. – 1919, в 2023 г. – 5780. Представленные данные свидетельствуют не только о широкой распространенности рассматриваемого преступления, но и о геометрической прогрессии числа лиц, его совершивших, – за пять лет количество осужденных лиц выросло более чем в четыре раза.

В отличие от современного законодательства в советский период законодатель предусмотрел обстоятельство, исключающее административную ответственность за совершение соответствующих правонарушений, – необходимую оборону. Как и в действующем уголовном законе, в ст. 19 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР) были закреплены положения, относительно недопустимости превышения ее пределов².

В современном административном законодательстве нормы о необходимой обороне не закреплены, однако действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, не являются наказуемыми в соответствии со ст. 2.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Несмотря на это, в судебной практике в мотивировочной части решений (постановлений) допускаются упоминания о необходимой обороне. Так, при рассмотрении некоторых дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ «Побои», суды указывали: «Приведенные положения норм права свидетельствуют о том, что неосторожное причинение побоев или иных насильственных действий, а также совершение их в состоянии необходимой обороны или превышения необходимой обороны, состава административ-

1 Официальный сайт Иркутского областного суда. URL: <http://obsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=445> (дата обращения: 10.05.2024).

2 Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : утв. ВС РСФСР 20.06.1984 // СПС «Консультант-Плюс».

тивного правонарушения по ст.6.1.1 КоАП РФ не образует»¹.

Вместе с тем при рассмотрении жалобы по делу об административном правонарушении этой же категории (мотивированной тем, что, по мнению заявителя, он находился в состоянии необходимой обороны, а также тем, что для образования состава побоев необходимо нанесение нескольких ударов, а он нанес всего один удар в район кепки, к тому же потерпевший его сам спровоцировал) суд указал: «Понятие «необходимая оборона» применимо лишь к уголовно-правовым отношениям. КоАП РФ не содержит нормы, позволяющей освободить лицо от ответственности при причинении вреда в случае необходимой обороны ... Обстоятельства конфликта не дают оснований для вывода о том, что ФИО1 совершал насильственные действия в условиях крайней необходимости. Из материалов дела не усматривается, что для ФИО1 опасность от действий потерпевшего 1 не могла быть устранена иными средствами и действия, квалифицируемые как административное правонарушение, – единственное, что могло бы привести к устранению опасности»².

Таким образом, необходимая оборона от административного правонарушения в том смысле, в каком она применяется в уголовном праве, напрямую не предусмотрена.

Однако насколько оправдан пробел в регламентации права на защиту личности обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно вредного посягательства и в УК РФ, и в КоАП РФ? Ведь ключевым моментом ст. 2.7 КоАП РФ «Крайняя необходимость» в плане права на устранение опасности является совокупность того, что эта опасность не могла быть устранена иным образом и причиненный вред должен быть менее значи-

тельным, чем предотвращенный. К тому же каким образом суду необходимо определять, единственным ли способом устранения опасности было совершение административного правонарушения?

Сказанное наталкивает на мысль о том, что возникают ситуации, когда, мотивируя решения, суды основываются на предположениях, что, соответственно, допустимым не является.

Конечно же, очевидна разница положений о причинении вреда в пределах необходимой обороны (чч. 2, 2.1 ст. 37 УК РФ – соответствие характеру и степени опасности посягательства), то есть возможность при обороне причинить равный, а то и больший вред, и положений о крайней необходимости, то есть возможность причинения вреда только менее значительного, чем предотвращенный. Насколько возможно действовать правомерно, то есть в состоянии крайней необходимости, при защите себя от посягательства, обладающего свойством общественной вредности? В некоторых ситуациях, возникающих в жизни, ввиду сложной человеческой природы и поведения, разумеется, дать ответ на данный вопрос будет проблематично.

К тому же формулировка ст. 2.7 КоАП РФ «если эта опасность не могла быть устранена иными средствами» является расплывчатой и дает повод толковать те или иные действия исходя из собственного субъективистского восприятия обстоятельств происшествия, что чревато неверной квалификацией.

Нельзя игнорировать тенденцию административной преюдиции, где фактически совершенные правонарушения, обладающие свойством общественной вредности, в связи с их повторным совершением становятся уже общественно опасными деяниями (например, ст. 116.1, 158.1, 264.1, 285.5 УК РФ и др.). Не углубляясь в проблему положительных

1 Напр.: постановление Абдулинского районного суда Оренбургской области от 30.10.2017 по делу N 5/1/-228/2017. URL: <https://actofact.ru/case-56RS0005-5-1-228-2017-2017-10-30-1-0/?ysclid=lysi0hhij4301205021> (дата обращения: 17.04.2024); постановление Усть-Большерецкого районного суда Камчатского края от 15.03.2017 по делу N 5-2-4/2017. URL: <https://actofact.ru/case-41RS0008-5-2-4-2017-2017-03-06-1-0/?ysclid=lysi3c5zw8636745076> (дата обращения: 17.04.2024).

2 Решение Котельничского районного суда Кировской области от 23.08.2019 по делу N 12-127/2019 (5-388/2019). URL: <https://actofact.ru/case-43RS0018-12-127-2019-2019-08-09-1-1/?ysclid=lysi4ftttr993413212> (дата обращения: 17.04.2024).

и отрицательных сторон административной преюдиции в уголовном праве, ее поддержки со стороны научного сообщества [2; 3] или ее критики [6; 7], отметим, что явление административной преюдиции в отечественном уголовном праве остается фактом, а следовательно, право на необходимую оборону от посягательств, фактически являющихся общественно вредными, формально УК РФ предоставляет.

Однако получается, что при защите от посягательства, формально не являющегося общественно опасным, но в силу административной преюдиции юридически обладающего данным свойством, у обороняющегося, например, от нанесения побоев возможности оценить общественную опасность посягательства нет. Иными словами, как в момент нападения можно узнать, был ли ранее нападающий подвергнут административному наказанию за нанесение побоев или имеет ли он судимость за преступление, совершенное с применением насилия? Если обороняющийся хорошо не знает историю жизни нападавшего, ответ очевиден – никак.

В таком случае и на вопрос о том, насколько возможно в данном случае установить субъективное восприятие обороняющегося от посягательства, фактически обладающего свойством общественной вредности, но юридически – свойством общественной опасности, ответить также будет крайне проблематично.

Исходя из этого приходим к выводу о том, что обозначенный пробел в законодательстве – отсутствие правомерной возможности причинения вреда при защите от посягательства, обладающего свойством общественной вредности, препятствует реализации конституционного права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

На первый взгляд данная проблема имеет три варианта решения – либо концептуальная переработка положений ст. 37 УК РФ, а вместе с этим и отмена (либо переработка) Постановления Пленума, либо возврат нормы о необходимой обороне, предусмотренной КоАП РСФСР путем принятия соответству-

ющих изменений и дополнений в КоАП РФ, либо криминализация «безмотивных» побоев.

Однако идеи о концептуальной переработке соответствующих положений УК РФ, а также о целесообразности криминализации побоев, совершенных без побуждений и мотивов, требуют дополнительного обоснования. С одной стороны, в случае реализации таких идей право на необходимую оборону от такого рода посягательств получит юридическое закрепление, но с другой – введение уголовно-правового запрета должно быть социально обусловлено, должно соответствовать ожиданиям общества в целом. Криминализация новых деяний должна содержать и формальные, и материальные предпосылки, которые не допустят дисфункцию уголовно-правовой нормы. Поэтому эти идеи требуют дополнительного исследования и аргументации.

Таким образом, наше видение совершенствования правоприменения института необходимой обороны заключается, во-первых, в строгом учете субъективного восприятия внезапности нападения самим обороняющимся в совокупности с обстоятельствами, указанными в п. 4 Постановления Пленума (время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица) при защите от общественно опасного посягательства. Практика квалификации действий обороняющегося свидетельствует о том, что данное правило выполняется не всегда.

Во-вторых, устранение пробела в реализации конституционного права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, от посягательства, имеющего свойство общественной вредности (в частности, нанесения побоев) заключается в закреплении в КоАП РФ нормы о необходимой обороне, содержание которой будет идентично ранее действовавшей ст. 19 КоАП РСФСР: «Не подлежит административной ответственности лицо, хотя и совершившее действие, предусмотренное настоящим Кодексом или другими нормативными актами,

устанавливающими административную ответственность за административные правонарушения, но действовавшее в состоянии необходимой обороны, то есть при защите государственного или общественного порядка, социалистической собственности, прав

и свобод граждан, установленного порядка управления от противоправного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Библиографический список

1. Аршинов, А.С. Наличие посягательства как условие правомерности необходимой обороны / А.С. Аршинов // Актуальные проблемы современной науки. – 2016. – Т. 1. – № 5. – С. 158-160.
2. Безверхов, А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 2 (10). – С. 39.
3. Капинус, О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О.С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 78-86.
4. Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны / А.Ф. Кони. – М.: Остожье, 1996. – 112 с.
5. Ларионов, А.А. Использование автоматически срабатывающих и автономно действующих средств при необходимой обороне и проблема их использования / А.А. Ларионов, П.В. Тепляшин // Молодежь Сибири – науке России : материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 29 апреля 2013 года / Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии». – Красноярск, 2013. – С. 283-285.
6. Лопашенко, Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64-71.
7. Малков, В.П. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против / В.П. Малков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3. – С. 58.
8. Меркурьев, В.В. Особенности правовой оценки мнимой обороны / В.В. Меркурьев, И.А. Тараканов // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2 (27). – С. 15-19.
9. Пархоменко, С.В. К вопросу о необходимой обороне в автономном режиме / С.В. Пархоменко // Проблемы современного российского законодательства, Иркутск, 18 октября 2012 года / Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. – Иркутск, 2012. – С. 296-300.
10. Пикин, И.В. Необходимая оборона: особенности применения положений части 2.1 статьи 37 УК РФ / И.В. Пикин, И.А. Тараканов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 78-81.
11. Савельев, А.В. Социально-правовая характеристика института необходимой обороны / А.В. Савельев // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 453-458.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 342.9

Анастасия Борисовна БУДНИКОВА,

старший преподаватель кафедры
административного права и административной
деятельности органов внутренних дел
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

kr9082009866@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СУЩЕСТВУЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ ВРАЧА

ABOUT SOME PROBLEMS THAT EXIST IN POLICE ACTIVITIES WHEN IDENTIFYING FACTS OF CONSUMPTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES WITHOUT A DOCTOR'S PRESCRIPTION

В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности полиции на этапе возбуждения дела об административном правонарушении, состоящем в незаконном наркопотреблении, указывается на значимость результатов медицинского освидетельствования для решения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении, обращается внимание на ряд проблем, возникающих в деятельности полиции при установлении фактов потребления наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача.

The article deals with certain aspects of police activity at the stage of initiating a case of an administrative offense, consisting of illegal drug use. The article indicates the importance of results of a medical examination for deciding the issue of initiating a case of an administrative offense. The author pays attention to a number of problems arising in the activities of police when establishing facts of consumption of narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor's prescription.

Ключевые слова: потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, деятельность полиции, производство по делам об административных правонарушениях.

Keywords: *use of narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor's prescription, police activities, proceedings in cases of administrative offenses.*

Органами внутренних дел ежегодно выявляется значительное количество административных правонарушений, состоящих в потреблении наркотических средств и

психотропных веществ (далее – НСиПВ) без назначения врача. Так, в 2021 году органами внутренних дел были выявлены 114 234 административных правонарушения, предусмо-

тренных ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20 и ст. 20.22 КоАП РФ. В 2022 году этот показатель составил 111 649 административных правонарушений, в 2023 году – 114 087¹.

Чаще всего поводом к возбуждению дела об административном правонарушении, состоящем в незаконном наркопотреблении, выступает непосредственное обнаружение уполномоченным должностным лицом необходимых достаточных данных [5, с. 135]. Реже поводами к возбуждению указанной категории дел служат материалы, поступившие из других правоохранительных органов, например выделенные из материалов уголовных дел, связанных с оборотом наркотиков, или из материалов дел об административных правонарушениях, когда в ходе осуществления производства выявляется информация о потреблении лицом НСИПВ без назначения врача. Ключевым моментом для принятия решения о проведении проверки по данному факту является установление признаков или достаточных данных, указывающих на незаконное потребление гражданином НСИПВ, в целях последующего направления лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (далее – медосвидетельствование). В случае неподтверждения в ходе проверки информации о незаконном потреблении лицом наркотических средств и психотропных веществ в возбуждении дела должно быть отказано (ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ).

В настоящее время применительно к ст. 6.9, 20.20 и 20.22 КоАП РФ лицо может быть направлено на медосвидетельствование для установления факта потребления наркотиков на основании ст. 44 Федерального закона от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Закон о наркотиках) либо ст. 27.12.1 КоАП РФ. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением Р.Ю. Кохана, утверждающего, что п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» не устанавливает самостоятельного основания для ме-

досвидетельствования на состояние наркотического опьянения, а требует применения в комбинации с другими нормами [2, с. 63-64].

Медосвидетельствование, предусмотренное ст. 27.12 КоАП РФ, предназначено исключительно для установления опьянения водителей транспортных средств, однако его результаты, подтверждающие факт приема лицом наркотического средства или психотропного вещества, будут иметь доказательственное значение по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20, ст. 20.22 КоАП РФ. Связано это с тем, что для применения указанных норм об административной ответственности имеет значение не наличие наркотического опьянения, которое, с одной стороны, чаще всего бывает очень кратковременным, с другой – по-разному определяется для различных категорий освидетельствуемых, а подтверждение факта потребления лицом наркотического средства или психотропного вещества путем выявления их метаболитов в ходе медосвидетельствования.

Выбор сотрудником полиции порядка направления на медосвидетельствование зависит от исходной ситуации по делу об административном правонарушении.

Основаниями направления на медосвидетельствование в порядке ст. 27.12.1 КоАП РФ являются: 1) совершение лицом административного правонарушения и 2) наличие у лица признаков (критериев), указывающих на состояние опьянения. Перечень таких признаков (критериев) установлен п. 6 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)² (далее – Порядок медосвидетельствования). К ним относятся неустойчивость позы, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица. Следует согласиться с мнением суда, что в качестве единственного критерия (признака), указывающего на состояние наркотического опьянения, нельзя указывать

1 Показатели ведомственной статистической отчетности. Отчет 4 МВ-НОН за 2021, 2022, 2023 гг. URL: <http://10.5.0.16/csi.txt> (дата обращения: 23.04.2024).

2 Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) : утвержден приказом Минздрава России от 18.12.2015 N 933н.

запах алкоголя изо рта¹. О направлении на медосвидетельствование в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ сотрудником полиции составляется протокол.

Статьей 44 Закона о наркотиках предусмотрена возможность направления на медосвидетельствование лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии опьянения либо потребило НСиПВ без назначения врача. Как верно замечает Д.А. Газизов, закон не раскрывает понятия «достаточных оснований» [1, с. 148]. К таким основаниям будут относиться не только признаки наркотического опьянения, но и выявленные следы инъекций на теле человека, предметы и устройства, используемые для потребления наркотиков, обнаруженные у лица или в его личных вещах, показания свидетелей, присутствовавших в момент потребления наркотиков, изъятие у лица НСиПВ и т.д. Признание факта немедицинского потребления НСиПВ самим лицом, указанное С.В. Слободчуком в качестве повода к возбуждению дела об административном правонарушении [6, с. 169], по сути, может являться достаточным основанием для направления лица на медосвидетельствование, по результатам которого будет решаться вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении.

Направление лица на медосвидетельствование в порядке ст. 44 Закона о наркотиках может производиться не только лицами, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях, но и судьями, следователями, органами дознания и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. В качестве пробела в законодательном регулировании медосвидетельствования на состояние опьянения Э.В. Рожкова выделяет неурегулированность вопроса о форме принятия решения о направлении на медосвидетельствование органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и должностными лицами, осуществляющим производство по делам

об административных правонарушениях [5, с. 151].

Действительно, ст. 44 Закона о наркотиках не содержит указания на вид процессуального документа, оформляемого оперуполномоченным или участковым уполномоченным полиции при направлении лица на медосвидетельствование. Вместе с тем пп. 3.1 п. 5 Порядка медосвидетельствования устанавливает, что основанием для проведения медицинского освидетельствования являются постановление судьи, следователя, органа дознания или *направление* органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Таким образом, можно прийти к выводу, что процессуальной формой выступает направление как самостоятельный вид документа. Следует отметить, что направление как служебный документ встречается в деятельности органов внутренних дел. Так, при изъятии у лица наркотических средств или психотропных веществ они направляются на исследование в целях определения вида и массы изъятого вещества, но при этом достаточно часто выносятся направление на исследование [3, с. 210], а не назначается экспертиза. При решении вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ потерпевшему выдается направление на судебно-медицинское освидетельствование для установления следов побоев. Полагаем, что в целях унификации правоприменительной практики вопрос об установлении единой формы процессуального документа должен быть решен путем внесения соответствующих изменений в Закон о наркотиках.

В качестве «пробела» нормативного правового регулирования в данной сфере следует отметить и отсутствие специального порядка медосвидетельствования лиц, потребивших НСиПВ без назначения врача, разработка которого предусмотрена ч. 5 ст. 44 Закона о наркотиках. Поэтому в на-

¹ Постановление Большесосновского районного суда от 28.01.2019 N 5-16/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Bb0IERXx9y68/?regular-txt=1591183061631> (дата обращения: 21.04.2024).

стоящее время независимо от того, было ли лицо направлено на медосвидетельствование в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ или в соответствии со ст. 44 Закона о наркотиках, процедура будет проводиться в соответствии с Порядком медосвидетельствования.

Как верно отмечают Н.Н. Цуканов, Н.С. Железняк, правоприменительная практика видит положительный результат медосвидетельствования на состояние опьянения обязательным доказательством при применении статей КоАП РФ, связанных с нахождением лица в состоянии наркотического опьянения [7, с. 30]. Это мнение разделяется судебной практикой¹.

Следует обратить внимание, что действующая процедура медосвидетельствования более ориентирована на установление состояния алкогольного опьянения как самого распространенного вида опьянения. Так, у нарушителя, направленного на медосвидетельствование (если он не является водителем транспортного средства²), проба биологического объекта (мочи, крови) будет отобрана только при наличии не менее трех клинических признаков опьянения и отрицательном результате исследования на наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе (абз. 2 п. 12 Порядка медосвидетельствования). Вследствие этого при комбинированном опьянении (алкогольное и наркотическое) факт потребления лицом НСиПВ не будет выявлен, так как при наличии алкоголя в выдыхаемом воздухе пробы мочи (крови) у лица отбираться не будут. Аналогично будет складываться ситуация, если у лица, потребившего

НСиПВ, отсутствуют клинические признаки опьянения в связи с тем, что опьянение является кратковременным состоянием, и обычно его продолжительность не превышает 3-12 часов, при этом симптомы опьянения наиболее выражены в течение 1-2 часов с момента приема наркотиков³.

Исследования, проведенные специалистами-наркологами, доказали, что периоды выведения наркотических средств и психотропных веществ из организма человека различны. Так, среднее время выявления морфина в моче составляет от 45 до 80 часов с момента потребления, метамфетамин детектируется в моче вплоть до 23 часов после разовой дозы, при выкуривании одной сигареты марихуаны при потреблении менее двух раз в неделю пробы мочи дают положительный эффект до 6 дней [4, с. 23, 79, 142]. Если исходить из требований п. 17 Порядка медосвидетельствования, в отношении такого лица не может быть вынесено медицинское заключение «установлено состояние опьянения».

Вместе с тем колоссальное значение для унификации правоприменительной практики при решении вопроса о привлечении лица к ответственности за незаконное наркопотребление является закрепление в методике медосвидетельствования на состояние опьянения правила об использовании в качестве биологического объекта исследования мочи, а в строго определенных случаях – крови освидетельствуемого лица. Использование по усмотрению лица, проводящего процедуру медосвидетельствования, иных биологических объектов, например волос или ногтей⁴,

1 См., например, постановление Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2018 N 45-АД-18-11// СПС «КонсультантПлюс»; решение Ставропольского краевого суда от 18.09.2019 N 7А-462/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LwZcuE4vskHx/?regular-txt=1591360882316> (дата обращения: 15.04.2024); решение Забайкальского краевого суда от 02.09.2019 N 4А-282/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SQObmSYGIWJP/?regular-txt=1591361187012> (дата обращения: 15.04.2024).

2 У водителей транспортных средств отбор биологического объекта для проведения химико-токсикологического исследования осуществляется независимо от результатов исследования на наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе – абз. 1 п. 12 Порядка медосвидетельствования.

3 Типы наркотических средств и психотропных веществ / БУЗ УР «Республиканский наркологический диспансер Министерства здравоохранения Удмуртской республики». URL: https://rmdmzur.ru/press_center/relatives_friends/205/ (дата обращения: 05.04.2024).

4 Определение наркотических веществ в волосах и (или) ногтях / ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Республики Татарстан. URL: <https://sudmedrt.ru/services/25-platnye-uslugi/126-opredelenie-narkoticheskikh-veshchestv-v-volosakh-i-ili-nogtyakh> (дата обращения: 12.01.2024).

могло бы повлечь за собой ситуацию, когда потребление наркотиков выявлялось спустя несколько месяцев или лет.

Актуальным представляется вопрос об оценке сотрудниками полиции поступивших из медицинских организаций спецсообщений¹, а также копий медицинских документов (историй болезни), содержащих сведения об употреблении лицом конкретного наркотика, при отсутствии объективной возможности направить это лицо на медицинское освидетельствование. Такая ситуация может возникать, например, когда лицо доставлено в медицинскую организацию с травмами криминального характера или после ДТП, когда по результатам анализов, проведенных для уточнения диагноза и определения схемы лечения, выявлено наличие наркотика в организме, однако пострадавший в силу тяжелого состояния не может быть направлен на медицинское освидетельствование (находится в коме, в реанимации и т.д.).

На основе грамматического толкования правовых норм ст. 6.9 и чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ можно прийти к выводу, что законодатель устанавливает административную ответственность за незаконное наркопотребление либо за невыполнение требования о прохождении медосвидетельствования на состояние опьянения. Таким образом, отказ от медосвидетельствования выступает антиподом незаконного потребления лицом наркотиков, а, следовательно, направление лица на медосвидетельствование и прохождение медицинского освидетельствования являются неотъемлемой частью процедуры привлечения к административной ответственности за незаконное наркопотребление. Как верно отмечает Р.Ю. Кохан, привлечение к ответственности за отказ от медосвидетельствования тесно связано с тем составом пра-

вонарушения, признаки которого являлись основанием направления на освидетельствование [2, с. 81].

Медосвидетельствование как процедура, направленная на установление и фиксацию факта опьянения, предоставляет определенные процессуальные гарантии освидетельствуемому лицу, которые выражаются в строгой регламентации процедуры проведения и оформления освидетельствования, специальных требованиях к медицинской организации и ее техническому оснащению, квалификационных требованиях к медицинским работникам, осуществляющим эту процедуру. Следовательно, только выводы о наличии в организме человека наркотиков, полученные в результате проведения медосвидетельствования, могут расцениваться как необходимое в контексте сложившегося порядка доказательство факта незаконного наркопотребления.

Иная информация, хотя и содержащая в себе сведения о потреблении лицом конкретного наркотика (в том числе результаты тестирования обучающихся в образовательных организациях, профилактических медицинских осмотров²), должна расцениваться исключительно как повод к проведению проверочных мероприятий. При невозможности в силу объективных причин направить лицо на медосвидетельствование и провести эту процедуру лицо не подлежит привлечению к административной ответственности.

Таким образом, независимо от повода к возбуждению дела об административном правонарушении, состоящем в потреблении НСиПВ без назначения врача, только выводы о наличии в организме человека наркотиков, полученные в результате проведения медицинского освидетельствования, могут расцениваться как необходимое доказательство факта незаконного наркопотребления.

1 Перечень случаев, при которых осуществляется информирование полиции, определен п. 5 ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и приказом Минздрава России от 24.06.2021 N 664н «Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных пунктом 5 части 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»».

2 О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ, ст. 53.4.

Библиографический список

1. Газизов, Д.А. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения милицией правонарушений в сфере оборота наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.А. Газизов. – Омск, 1999. – 241 с.
2. Кохан, Р. Ю. Административно-правовые основы применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения / Р.Ю. Кохан, Н.Н. Цуканов. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2022. – 212 с.
3. Куцкель, М.В. Административная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и роль полиции в применении : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / М.В. Куцкель. – Красноярск, 2023. – 214 с.
4. Наркотики. Свойства, действие, фармакокинетика, метаболизм : пособие для работников наркологических больниц, наркодиспансеров, химико-токсикологических и судебно-химических лабораторий / Н.В. Веселовская [и др.]. – М.: Нарконет, 2002. – 232 с.
5. Рожкова, Э.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Э.В. Рожкова. – Саратов, 2009. – 217 с.
6. Слободчук, С.В. Административная ответственность за правонарушения, связанные с наркотиками : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.В. Слободчук. – Белгород, 2005. – 235 с.
7. Цуканов, Н.Н. Наркотическое опьянение: особенности административно-правового значения / Н.Н. Цуканов, Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 3 (32). – С. 29-32.

УДК 343.988

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор
paulushat@mail.ru

Игорь Александрович КИРИЛЛОВ,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)
кандидат юридических наук, доцент
igor.kirillov.62@mail.ru

МАРКЕРЫ НАРКОВИКТИМНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

MARKERS OF DRUG VICTIMITY OF MINORS (CRIMINOLOGICAL ASPECT)

В статье обоснована высокая актуальность такой области криминологических исследований, как виктимологический механизм вовлечения несовершеннолетних в немедицинское потребление наркотиков и в их незаконный оборот. Раскрыто понятие маркеров нарковиктимности несовершеннолетних, содержание двух групп данных маркеров. Первую группу образуют признаки нарковиктимности несовершеннолетних, которые преимущественно носят объективный характер, не зависят от личностных психологических и иных особенностей подростка. Вторая группа охватывает признаки, обладающие субъективным характером, которые во многом зависят от личностной склонности несовершеннолетнего становиться жертвой вовлеченности в незаконный оборот наркотиков. Делается вывод о наличии процесса трансформации несовершеннолетнего лица, вовлекаемого в сферу наркопотребления и незаконного оборота наркотиков, из пассивного объекта такого воздействия в активного криминального субъекта. Указывается на необходимость дальнейшего криминологического исследования процесса виктимизации несовершеннолетнего из жертвы в наркопреступника.

The article substantiates the high relevance of such area of criminological research as the victimological mechanism of involvement of minors in non-medical drug use and drug trafficking. The concept of markers of drug victimity of minors and the content of two groups of these markers are revealed. The first group is formed by signs of drug victimization of minors, which are mainly objective in nature and do not depend on personal psychological and other characteristics of the teenager. The second group covers signs of a subjective nature, which largely depend on the personal inclination of a minor to become a victim of involvement in drug trafficking. It is concluded that there is a process of transformation of a minor involved in drug use and drug trafficking from a passive object of such influence into an active criminal subject. The need for further criminological research into the process of victimisation of a minor from a victim to a drug offender is pointed out.

Ключевые слова: виртуальное общение, криминальная активность, наркотизация, ситуация предрасположенности, социально неодобряемое поведение, уязвимость детей, ювенальная нарковиктимность.

Keywords: *virtual communication, criminal activity, narcotization, predisposition situation, socially unapproved behavior, vulnerability of children, drug victimity of juvenile.*

Преодоление наркотизации общества остается одной из главных проблем в общем континууме правоохранительной, социальной и правовой деятельности. Действительно, для эффективного решения данной проблемы задействованы субъекты как федерального, так и местного уровней, ресурсы как государственных органов, так и общественных институтов, теоретические достижения значительного перечня отраслей знаний, включая в первую очередь криминологию, уголовное и уголовно-исполнительное право, социологию.

Особый научный интерес и практическую ценность представляют так называемые фронтальные криминологически значимые явления и процессы, затрагивающие относительно самостоятельные сочетания приемов и механизмов профилактики наркотизации населения. Одним из таких фронтальных криминологически значимых явлений выступает виктимологический механизм вовлечения несовершеннолетних в немедицинское потребление наркотиков и затем в их незаконный оборот. Как результат, несовершеннолетние попадают в орбиту уголовной ответственности за совершенные наркопреступления. Причем повышенную актуальность данной области научных исследований придает четко высвечивающаяся закономерность значительной криминальной предикативной формы поведения подростков, то есть повышение криминальной активности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Более того, необходимо констатировать непрекращающуюся наркоэкспансию на несовершеннолетних лиц и подростков, постоянную модернизацию видов наркотиков (многообразие синтетических наркотиков, спайсов и дизайнерских наркотиков, курительных смесей, иных психоактивных веществ), что создает объективные предпосылки для их втягивания в криминальную сферу (в частности, участие в качестве «закладчиков», «трафаретчиков» и т.п., а также совершение посягательств на собственность с целью получения средств на приобретение наркотиков).

Можно говорить о маркерах виктимности несовершеннолетних, склонных к вов-

лечению в незаконный оборот наркотиков (ювенальной нарковитимности), которые являются достаточно конкретными признаками (сигналами), позволяющими диагностировать ситуацию предрасположенности несовершеннолетнего к немедицинскому потреблению наркотиков и в дальнейшем совершению наркопреступления. Данные маркеры отражают совокупность отдельных приемов и даже стратегий криминально ориентированного психологического воздействия на молодых лиц. При этом необходимо пояснить, что изложение данных маркеров потребует их достаточно подробного описательного раскрытия. Дать лаконичное наименование каждому из них не является целесообразным, поскольку это может исказить их подлинное содержание и ограничить возможности исследователей в дальнейшем поиске терминологического обозначения и содержания признаков виктимного поведения несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков.

Данные маркеры допустимо разбить на две группы. Первая группа – это такие признаки нарковиктимности несовершеннолетних, которые преимущественно носят объективный характер и не зависят от личностных психологических и иных особенностей подростка. По сути, к этой группе следует отнести даже не столько признаки-маркеры, сколько факторы окружающей действительности, тесно связанные с известными особенностями подросткового возраста.

Фактор 1. В современном обществе медиакультурный эффект и так называемое интеллектуальное влияние, оказываемое различными средствами массовой информации и обладающее негативным контентом и псевдоценностями, деформирует систему должных морально-нравственных принципов и правил поведения несовершеннолетних лиц, формирует искаженное представление о действительном вреде немедицинского потребления наркотиков и гедонистической приемлемости бездельного образа жизни. По этому поводу А.Н. Щеголева верно пишет: «Потребность в удовольствии при незавершенности интеллектуального развития, недостаточности знаний, несформированности взглядов и отсутствии

социального опыта, жизненных ценностей, целей и способов их достижения смещаются в сторону психологического комфорта, сиюминутных наслаждений. Для достижения сильных и приятных ощущений чаще всего они выбирают социально неодобряемые формы поведения (сексуальная активность, употребление ПАВ...)» [8, с. 210]. В продолжение обозначенному фактору вызывает научный интерес результаты опроса населения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2022 году, приуроченного ко Дню защиты детей, согласно которому на угрозу гаджетов и компьютеров указали 57% опрошенных россиян, а на опасность употребления наркотиков – 43%¹.

В совокупности с когнитивными качествами несовершеннолетних, отражающими такие поведенческие особенности, как, в частности, инфантильность, максимализм, внушаемость, конформность, а также социально значимые качества – незрелость, особые потребности, склонность к значительному влиянию со стороны окружающей микросреды, выстраивается психологический каркас наркотической виктимности подростка. Ведь нельзя не поддержать позицию о том, что «видение мира, сомнения, колебания, неуверенность и вместе с тем завышенная самооценка, снижение чувства контроля и осознания своего поведения, повышенная обидчивость и равнодушное отношение к переживаниям других очень ярко характеризуют эмоционально-волевую сферу личности несовершеннолетнего» [8, с. 210].

Фактор 2. Широкое использование мобильных гаджетов подростками позволяет им включаться в самые разнообразные формы обсуждения вопросов, прямо или косвенно связанных с темой наркотиков. Такое обсуждение охватывает фактически все параметры оборота наркотиков – от спроса до предложения. Причем сложившаяся практика показывает, что несовершеннолетние, активно общаясь с незнакомцами с использованием различных сервисов и в разнообразных соци-

альных сетях, способны скрывать свои действия в сети Интернет от родителей или иных лиц, заинтересованных в их безопасности. В унисон данному фактору в специальных исследованиях верно отмечается «развертывание отдельных приемов и самостоятельных стратегий криминального психологического воздействия в условиях виртуальной коммуникации преступников с несовершеннолетними» [4, с. 67]. Кроме того, в документах стратегического планирования также отмечается эта данность современной действительности. В частности, в Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 года N 1105-р (далее – Концепция), постулируется: «Современные дети – первое поколение, чье взросление происходит на фоне стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий... Вместе с тем указанная аудитория является крайне уязвимой с точки зрения информационной безопасности. В связи с высокой степенью анонимности интернет-пространства и возможностью выстраивания общения с использованием нескольких профилей и псевдонимов риск проявления асоциальных форм поведения в цифровой среде увеличивается». В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года одной из угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту обозначается масштабное использование сети Интернет для пропаганды незаконного потребления наркотиков (пп. «ж» п. 9).

Вторая группа маркеров ювенальной нарковиктимности носит субъективный характер и во многом зависит от личностной склонности несовершеннолетнего становиться жертвой вовлеченности в незаконный оборот наркотиков.

Маркер 1. Наличие достаточно высокой степени внушаемости и низких способностей

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). От чего нужно защищать современных детей? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-chego-nuzhno-zashchishchat-sovremennykh-detei> (дата обращения: 21.05.2024).

для критического анализа происходящего в более значительной степени по сравнению с другими сверстниками формирует у данной категории несовершеннолетних состояние нарковиктимности. Не случайно в Концепции закрепляется следующая идея: «Несформированность критического мышления обуславливает особую уязвимость детей перед воздействием такой информации, оказывает на несовершеннолетних психотравмирующее воздействие, способствует их виктимизации, вовлечению в деструктивную деятельность, усвоению ими антисоциальных ценностей и норм, побуждает их к совершению общественно опасных действий».

Действительно, виртуальное общение осуществляется с лицами, которые, как правило, представляются в качестве «персонажей», способных заинтересовать потенциальную жертву, вызвать у него эмпатию или симпатию, интерес в целесообразности поддержания стабильного контакта. Самопрезентация «персонажа» (высокий доход от вовлеченности в незаконный оборот наркотиков, успех в общении с противоположным полом или «крутыми» людьми, умение преодолеть любые личные проблемы путем немедицинского потребления наркотиков, постоянная «вайб»-атмосфера в общении и времяпрепровождении и т.д.) не подвергается должному критическому анализу, способному раскрыть «истинное лицо» преступника. Причем технологии данной самопрезентации крайне разнообразны и включают самый различный интерактивный контент, а также основываются на ролевой компетентности лица, использующего отработанные приемы маскировки, умело легендирующего свою деятельность и тем самым обеспечивающего вовлеченность несовершеннолетнего в криминальный оборот наркотиков.

Маркер 2. В процессе виртуального общения с такими «персонажами» подростку внушается нормальность употребления наркотиков и(или) участия в их распространении, которое якобы способствует достаточно легкому и безопасному обогащению и, таким образом, приобретению материальной независимости от родителей или иных законных представителей. Именно более высокие протестные реак-

ции, потребительские установки и склонность к сепарации от взрослых в сравнении с подобными качествами у других сверстников обеспечивают втягивание несовершеннолетнего в криминальную сферу оборота наркотиков. Данные качества демонстрируют ситуацию, при которой формирование наркотической виктимности выступает закономерным итогом, а не случайным или ситуативно обусловленным результатом такого общения.

Маркер 3. Фоновым проявлением виктимного наркотического поведения подростка выступает значительный интерес подростка к информации, каким-либо образом связанной с субкультурой наркопотребления и(или) криминальной областью оборота наркотиков. Так, об этом может свидетельствовать, в частности, размещение на личной (персональной) веб-странице визуального контента с видеороликами, демонстрирующими потребление психоактивных веществ, либо аудиоконтента с музыкальными произведениями, содержащими двусмысленное наполнение (например, Баста & Смоки Мо «Лёд (ft. Скриптонит)»), либо текстового контента со статьями, оправдывающими потребление наркотиков, курительных смесей, алкоголя или отсутствие аддиктивности в поведении наркопотребителя. Так, сложно не согласиться со следующим мнением: «Употребление наркотиков может быть обусловлено и стремлением следовать модным развлечениям, подражать кумирам и известным личностям. Пропаганда наркотиков со стороны блогеров, известных и популярных у молодежи певцов и артистов является серьезным инструментом, подталкивающим к употреблению психоактивных веществ, формируя при этом образ наркотика как средства, не несущего вреда здоровью и употребляемого преуспевающими личностями» [5, с. 2].

Кроме того, фоновым проявлением виктимного наркотического поведения подростка выступает ярко выраженный интерес к аномальным социальным институтам, включая сообщества и практики с так называемым «рекреативным» наркопотреблением, на что могут указывать соответствующие фото- и видеозаписи, различные ссылки на сторонние ресурсы и т.п.

Маркер 4. Прежде чем начать совершать наркопреступления несовершеннолетний уже может являться наркопотребителем. В этой связи в свое время В.В. Смирнов в целом достаточно аргументированно (с учетом современной «виртуализации» наркоситуации) отмечал, что в процессе «потребления подростками наркотических веществ нарушается процесс социализации, ухудшаются еще не сформировавшиеся коммуникативные навыки... Данная категория молодежи заполняет свой досуг общением в дворовых компаниях, в группах наркоманов, на «кислотных» дискотеках, где танцы под светомузыку и в полумраке сопровождаются потреблением психоактивных веществ» [7, с. 31]. Наркотическая зависимость выступает существенным скриптом наркотической виктимности несовершеннолетнего, поскольку зачастую это толкает его в область криминального бесконтактного распространения наркотиков. При этом стоит заметить, что наркопотребитель будет востребованным для вовлечения в криминальный наркобизнес даже в условиях повышения требований к лицам, участвующим в сетевом распространении наркотиков («логистам», «трафаретчикам», «складменам», «закладчикам» и т.д.), предполагающих получение реальных навыков и умений в области, в частности, конспирации, анонимизации, теневого фулфилмента, эффективного использования ресурсов даркнет-маркетплейсов.

Маркер 5. Особую роль в формировании склонности несовершеннолетнего стать наркопотребителем, а затем уже и наркопреступником выполняет семья и близкое окружение. В настоящее время во многом это уже более эвентуальный маркер, который следует рассматривать без какой-либо предвзятости к тому факту, что так называемые неблагополучные семьи обладают однозначным отрицательным влиянием на воспитывающегося в ней подростка. Безусловно, недопустимо игнорировать наличие соответствующих индикаторов неблагополучия в семье, анализ которых выполняется в ряде научных работ [2; 6]. В частности, обращает на себя внимание исследование, согласно которому данными индикаторами выступают «шесть основных переменных, которые увеличивают вероятность того, что человек будет заниматься

преступностью до достижения 24 лет. Эти характеристики относятся к нетрадиционному составу семьи, характеру работы родителей, наличию и использованию огнестрельного оружия, мотивации легкой наживы, положительному мнению о легализации наркотиков, фактам употребления алкогольных напитков» [9, р. 492]. В то же время виктимологическая ситуация если и не является инклюзивной относительно специфики неблагополучных семейных отношений, то хотя бы частично является следствием конкретных (уже выполняющих эксклюзивный характер) дефектов, лакун либо проблем семейного быта, воспитания и других составляющих совместной жизни членов одной семьи.

Маркер 6. Наличие противоречий и конфликтов практически любого рода с родителями и педагогами, социально-бытовая депривация, ежедневные стрессовые факторы, обретая перманентный характер, вводят подростка в состояние постоянных переживаний и создают психологический вакуум между ним и реальной действительностью. Это, в свою очередь, приводит к праздности и лени, моральной деградации, обуславливает злоупотребление содержащими алкоголь напитками, курительными смесями («спайсами»), психотропными веществами и (или) наркотическими средствами. Ведь такой вид поведения, причем, как правило, в окружении «единомышленников», заражающих друг друга групповой динамикой и конформностью, не только создает для них эмоциональное благополучие, но и стирает моральные границы дозволенности поступков и нравственные основы жизни. Подавляя социальные нормы, сознание несовершеннолетнего уже не оказывает должного сопротивления соблазну получить «легкие деньги» либо проявить самовыражение, преступив уголовный закон и совершив наркопреступление.

На основе представленных маркеров ювенальной нарковиктимности представляется возможным утверждать наличие процесса трансформации несовершеннолетнего лица, вовлекаемого в сферу наркопотребления и незаконного оборота наркотиков, из пассивного объекта такого воздействия в активного криминального субъекта. Безусловно, что данный процесс отражает принципиальное

видение того, как вышеизложенные маркеры влияют на логику преобразования жертвы преступления в преступника. В свою очередь, количественно-качественные показатели преступности данных лиц прольют свет на детерминацию общественно опасных деяний, совершаемых в условиях нарковиктимности несовершеннолетних. В этой связи следует согласиться с тезисом Е.В. Демидовой-Петровой, согласно которому «исследовать особенности виктимности несовершеннолетних лиц следует при помощи проведения криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних. Именно проведение криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних в целом позволит выявить, проанализировать и изучить особенности современной виктимности несовершеннолетних» [1, с. 206]. Также нельзя не поддержать П.А. Кабанова, по мнению

которого «требуется дополнительные научные разработки по новым направлениям ювенальной виктимологии, позволяющие снижать криминальную виктимность в отдельных сферах жизнедеятельности» [3, с. 282].

Таким образом, видится, что дальнейшие криминологические исследования процесса виктимизации несовершеннолетнего из жертвы в наркопреступника позволят более рельефно его очертить с учетом пола, ролевых особенностей личности подростка, его криминальных функций, факторов урбанистики, а также по ряду иных критериев, вызывают целесообразность обратиться к поиску шкалы нарковиктимности несовершеннолетних. Результаты подобных исследований обеспечат построение действенной системы криминологической профилактики нарковиктимности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Демидова-Петрова, Е.В. Виктимность несовершеннолетних в современной России: особенности, основные причины / Е.В. Демидова-Петрова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – N 3 (152). – С. 201-206.
2. Гриненко, А.В. Влияние неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего преступника / А.В. Гриненко, В.Д. Потапов, Е.В. Цветкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. – N 1. – С. 266-279.
3. Кабанов, П.А. Криминальная виктимность несовершеннолетних в Российской Федерации: состояние, структура, тенденции (результаты статистического наблюдения) / П.А. Кабанов // Виктимология. – 2023. – Т. 10. – N 3. – С. 263-293.
4. Корнилова, И.Г. Выявление маркеров виктимности в переписке с несовершеннолетними лицами в социальных сетях / И.Г. Корнилова // Оригинальные исследования. – 2020. – Т. 10. – N 6. – С. 66-71.
5. Петренко, С.Г. Проблемы наркотизма в молодежной среде / С.Г. Петренко, А.Б. Маханек // Вестник молодежной науки. – 2024. – N 1 (43).
6. Смирнов, В.В. Гедонистическое мировоззрение в молодежной субкультуре как фактор, ведущий к потреблению наркотических веществ / В.В. Смирнов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – N 3-4 (23). – С. 30-31.
7. Черевко, М.А. Социальный портрет неблагополучной российской семьи: региональный аспект / М.А. Черевко // Педагогика современности. – 2023. – N 2. – С. 68-74.
8. Щеголева, А.Н. Особенности влияния криминальной субкультуры на формирование личности несовершеннолетнего / А.Н. Щеголева // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2019. – N 2. – С. 209-214.
9. Bauermann, B.F.C. Juvenile Criminality: Evidence From Prisoners in Two Brazilian States / B.F.C. Bauermann, P.F.A. Shikida, A.L. Schlemper // Criminal Justice Review. – 2021. – V. 46. – I. 4. – P. 484-494.

УДК 343.9

Оксана Аркадьевна ОВЧИНКО,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)
ooa08@yandex.ru

Юлия Вадимовна ЛЕОНТЬЕВА,
главный специалист организационно-научного
и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)
uliyavl@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОНАРКОТИЧЕСКОМУ КОНТЕНТУ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТРАДЫ

TO THE ISSUE OF COUNTERING THE PRO-DRUG CONTENT OF MODERN POP MUSIC

В статье рассматривается пронаркоотический контент современного рэпа, рассматриваются способы влияния музыкального творчества на формирование наркотической запрограммированности, особенно опасной для несовершеннолетних и подростков. Обосновывается положение о том, что формирование определенного психического отношения к употреблению наркотиков – это не одномоментный акт, это растянутый во времени процесс, в котором культура, субкультура, в том числе музыка определенной направленности, при определенных условиях делает логичным шагом пробу психоактивного вещества. Аргументируется вывод о недостаточности противодействия существованию пронаркоотического контента в искусстве методом запретов и наказаний, о необходимости консолидации усилий всех государственных структур и общества в целом в «демонтаже» сложившегося пронаркоотического культурного поля.

The article considers the pro-narcotic content of modern rap music, examines the ways in which musical creative work influences the formation of narcotic programming, which is especially dangerous for minors and adolescents. The article substantiates the position that the formation of a certain mental attitude to drug use is not a one-step act, but it is a time-stretched process in which culture, subculture, including music of a certain orientation, makes the first try of psychoactive substance under certain conditions as a logical step. The conclusion is argued about the insufficiency of countering the existence of pro-drug content in art by the method of prohibitions and punishments, about the need to consolidate the efforts of all government agencies and society in whole in «breakup» the existing pro-drug cultural area.

Ключевые слова: культура, субкультура, музыкальное творчество, рэп, пронаркоотический контент, противодействие пронаркоотическому культурному полю.

Keywords: culture, subculture, musical creative work, rap, pro-narcotic content, counteraction to the pro-narcotic cultural field.

Человек – существо социальное, как следствие, на его поведение, мотивацию влияет деятельность его социального окружения, особенно его значимого окружения. А если вести речь о несовершеннолетних, необходимо признать, что на них значительно большее влияние оказывает референтное окружение, им в гораздо большей степени свойственно стремление не выделяться, не быть «белой вороной» в глазах этого окружения, некое «стадное» поведение. Кроме того, они больше «настроены» на подражание кумирам, зачастую принимая слепо на веру все, что говорит и делает их идеал. С развитием Интернета и активным времяпрепровождением подростков в социальных сетях, бездумным просмотром роликов буквально часами вопрос о содержании информации, получаемой молодыми людьми «на просторах» сети, становится крайне острым.

Неконтролируемое распространение разнобразной негативной информации в сети Интернет является сегодня острой проблемой, наносит ущерб моральному и физическому здоровью несовершеннолетних, способствует вовлечению подростков в преступную деятельность, в деструктивные неформальные движения, отметил Генеральный прокурор РФ на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних в сентябре 2020 г.¹

Юристы и педагоги, да и просто здравомыслящие люди бьют тревогу по поводу активного вовлечения с помощью IT-технологий несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность, в совершение преступлений, в «группы смерти» и прочее. Зачастую Интернет является источником распространения информации, содержащей сведения об изготовлении, потреблении и распространении, а также сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Общественная опасность интер-

нет-контента, содержание которого связано с употреблением и незаконным оборотом наркотических средств, возрастает, когда потребителями такого рода контента выступают несовершеннолетние [8, с. 32]. Даже позитивная, на первый взгляд, информация об изъятии двух килограммов наркотиков на сумму в 150 миллионов рублей, подчеркивает М.А. Цирина, может быть воспринята некоторыми лицами как реклама легкого способа зарабатывания денег [12, с. 46].

Немедицинское потребление наркотических средств во всем мире приобретает масштабы пандемии, хотя об их опасности говорят и пишут много и активно, и это не только научные статьи, рассматривающие причины и последствия наркомании, это различные сайты, выступающие против наркотиков, содержащие информацию, призванную не допустить интерес и пробу психоактивных веществ, это медийные лица, спортсмены, актеры, не говоря уже о медиках и юристах. Однако в сети Интернет присутствует и иной контент.

Мы хотим заострить внимание на пронаркотическом контенте современной музыки.

В.М. Бехтерев говорил о практическом, воспитательном и лечебном влиянии музыки на индивида [9, с. 82]. Она способна поднять людей на бой (достаточно вспомнить, например, знаменитую Симфонию N 7 Дмитрия Шостаковича или песню «Священная война»), «омыть» душу или – вызвать депрессию. Современные исследователи подчеркивают возможность рэпа – музыки, основанной на жестких ритмах, оказывать наркотическое воздействие, парализовать волю, вводить в состояние транса [4, с. 330]. Поскольку музыка глубоко проникает в сознание, она может способствовать появлению новых сторонников мнений, отличающихся от установленных, и тем самым вносить существенные изменения в общественное мнение [2, с. 153].

И.А. Лазарев – врач психиатр-нарколог – считает, что наркозависимым человек становится не в тот момент, когда он употребил первую дозу, а задолго до этого. Отвечая на вопрос о влиянии современной музыки на

¹ В Генпрокуратуре озвучили статистику детской преступности. 2020 г. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/23/v-genprokurature-ozvuchili-statistiku-detskoy-prestupnosti.html>.

наркопотребление, он говорит о том, что сначала это культура, субкультура, в том числе музыка определенной направленности, человек слушает эту музыку, где положительно отзываются о полученных ощущениях, где наркотики ассоциируются с успехом, с хорошим настроением, потом группа воспитанных на одних текстах и образах молодых людей находят друг друга и, уже поддерживая друг друга, они готовы к каким-то экспериментам, а потом – на фоне уже сформировавшегося психического отношения – проба психоактивного вещества становится логичным шагом¹. Безусловно, не все, кто слушает определенный музыкальный контент, становятся наркоманами, но, если все обозначенные условия совпадут, вероятность стать наркозависимым у такого подростка гораздо выше.

Формирование определенного психического отношения к употреблению наркотиков – это не одномоментный акт, это растянутый во времени процесс, основывающийся на множестве эпизодов, неких «капелек», которые, слившись в «чашку воды», способны сформировать пронаркологическую запрограммированность сознания уже к 10-11 годам; такой подросток рано или поздно, придет к пробе наркотика, подчиняясь своей программе.

Сотни имен известных исполнителей связаны с наркотиками, множество музыкальных композиций посвящены психоактивным веществам. Среди ушедших от передозировок и просто активного употребления наркотических средств как популярные в мире исполнители, так и не очень известные массовому слушателю. Beatles, Rolling Stones, Джими Хендрикс, Грэм Парсонс, Элвис Пресли, Курт Кобэйн, Лэйн Стэли, Уитни Хьюстон, Eminem ...². Это иностранные исполнители.

А что в России?

Прежде чем привести конкретные примеры, отметим следующее. Как известно, существуют три основных способа восприятия информации: визуальный (когда человек лучше всего воспринимает информацию через

зрительные образы), аудиальный (когда лучше всего он ориентируется на звуки) и кинестетический (когда ему нужно непременно ощущать вкус, запах и трогать предметы). Рассмотрим с этих позиций агрессивнейшую, на наш взгляд, пропаганду наркотических средств, осуществляемую некоторыми исполнителями.

В творчестве аудиальный способ – самый простой в реализации, когда со сцены в песнях зрители слышат названия наркотических веществ, иногда даже прямые призывы к употреблению. Если подросток часто слышит один и тот же текст, то с высокой вероятностью будет его повторять, а повторение – мать учения. Вряд ли следует удивляться тому, что, наслушавшись твердящих о наркотиках кумиров, он может попробовать приобщиться к этой наркоманской субкультуре. Просто из интереса или чтобы походить на свой идеал.

К аудиальному способу подключается визуальный способ – достаточно посмотреть некоторые клипы на песни тех исполнителей, имена которых мы приведем чуть ниже.

Найк Борзов и его песня «Лошадка»: «Мне рады даже малые дети, мне машут даже деревьев ветви, Меня приветствуют все, все как один – я привезла им новый мир! Я привезла кокаин!»

В 2022 году автор в одном из интервью так раскрыл содержание своей песни: «Все же воспринимают кокаин как нечто божественное, такой наркотик, который всем поможет и всех развеселит. На самом деле же это самоубийство чистой воды. Медленная духовная и физическая смерть»³. Сколько людей прочитали это интервью – судить трудно, а вот песня живет более 20 лет, и мы больше чем уверены, что ее слушатели вряд ли воспринимают ее слова именно в том ключе, о котором говорил Борзов.

Мистер Малой: «Миллион, миллион мегадоз. Каннабис, каннабис анабиоз. Наркоматоз». К слову, тексты песен этого автора весьма странны, если не сказать больше. Эта-

1 Интервью с И.А. Лазаревым. URL: <https://dzen.ru/shorts/625d14b0c785566fe4328a17?rid=2905736861.170.1722839688696.58598&t=28>.

2 URL: <https://www.rap.ru/reading/1172?ysclid=Izgrgyj9sb847800570>.

3 URL: <https://dzen.ru/a/YmloGFFLnzCNc9ah?ysclid=m01xoahas540581455>.

кий набор слов, среди которых непосвященный слушатель выхватывает иногда знакомые сочетания букв, но воспринять их истинный смысл дано далеко не каждому. Тем не менее этот исполнитель в свое время был весьма популярен. В 2007 году главный редактор портала Rap.ru Андрей Никитин написал в российском издании журнала Billboard, что Мистер Малой был «одним из первых продюсерских проектов в русском рэпе» и «доказал, что дело Робертино Лоретти живет и процветает», а его песню «Буду погибать молодым» назвал «гимном поколения»¹.

Самый кощунственный способ пропаганды наркотических веществ – подмена понятий. Этот способ используется вообще для пропаганды всего деструктивного, яд будет странно употреблять, если его напрямую назовут ядом. Сленговые названия придумали как раз для того, чтобы утаить смысл от людей и заинтересовать потенциальных покупателей.

Известнейшая в современном музыкальном мире личность – Баста. Успешный предприниматель, блогер, владелец спортивного клуба, сети отелей... Песня «Долби мой лёд» – на наш взгляд, ярчайший пример «работы» все упомянутых способов восприятия. Аудиальный с подменой понятий: «Долби мой лёд, но не замерзай. Сколько не завязывай – не завязать. ...Юзай!»³. И далее: «Долби мой шёп, но передавай. Не жадничай – раздай его всем, как Wi-Fi». То есть не просто используй, но еще и делись с другими. И если это не прямой призыв к употреблению наркотиков, то тогда очень сложно представить себе, как должен выглядеть этот самый «прямой» призыв.

Также можно выделить весьма откровенные фразы: «Раздули 15 дорог на пару с близким» или «Крэк помог на старте».

Визуальный ряд: в самом начале клипа используются кадры, стилизованные под сюжет

криминального сериала или фильма о наркомафии. С самых первых секунд до зрителя доносят мысль о том, что речь идет о чем-то запрещенном, но очень ценном и востребованном. После короткой видеозаставки начинается сам клип, и мы видим дым и декоративный лёд, а уже потом исполнителя на фоне этих образов. Голос при этом напевает неразборчиво «да, да, да», а затем подкрепляется уверенным «ДА». После очередного припева исполнители начинают демонстрировать множество пакетиков с искусственным снегом, при помощи которых, очевидно, транслируется образ наркотик

Еще один проект российского рэпера Басты – группа «N1NT3ND0» («Нинтендо»). Песня «Подымим»: «На дворе трава, под травой дрова. Так курит братва... дымись марихуанна». Можно здесь же упомянуть еще проекты этого исполнителя – группы «Ногано» и «АК-47». Цитировать их «творчество» не представляется возможным, поскольку кроме пропаганды марихуаны в их песнях присутствует большое количество нецензурной лексики.

И при всем этом Баста – наставник нескольких сезонов шоу «Голос» и даже «Голос. Дети». А вы хотели бы своему ребенку такого наставника?

Группа RASA – еще один яркий пример использования аудиального восприятия с подменой понятий: «Танцы под фонарем, музыка так орет. Скорость⁴ спать не дает, мы убитые вдвоем. ...Мало пополам нам будет эта пудра⁵». Эти строчки составляют ровно половину текста, звучащего в треке. И видеоряд: берег моря, весна, веселье, танцы, восторг и яркие эмоции, испытываемые в страстных и интенсивных отношениях. Песня «Под фонарем» стала первой по популярности песней того года в социальных сетях, композиция набрала сотни тысяч прослушиваний,

1 Андрей Никитин. Йо!, Мистер Малой // Billboard. Российское издание. 2007. Апрель (N 1). С. 32.

2 «Лёд» – это одно из сленговых названий наркотика, похожего на кристаллы льда и вызывающего сильные побочные эффекты и быстрое привыкание.

3 Юзать – от англ. «use», что значит «использовать». В молодежном сленге «я юзаю» обычно употребляется в значении «я это использую, и мне это нравится, и я получаю от этого пользу».

4 Наркотик «скорость» (спид, speed – скорость) – это один из мощнейших психостимуляторов синтетического происхождения.

5 «Пудра» – сленговое название наркотика на основе амфетамина, одно из обозначений героина

а клип на YouTube-платформе посмотрели более 85 миллионов раз¹.

«Dior на твоём теле делим на постели. В этом отеле мы в кайфе леденели². «Ты пчела – я пчеловод, а мы любим мёд³. А мне повезет, с тобой мне повезет». С этой песней группа выступала на всероссийском выпускном «Алые паруса» в 2024 году, получив массу восторженных отзывов и в печатных СМИ, и в Интернете.

«Эй, бармен, наливавай фруктоз. Дай нам, дай нам порцию дозы. Сладкие слезы, вкус передоза. Вытри нос, тут воля эмоциям. В пачке сиг запретный тайник. Лови такси, я все оплачу». Слова «передоз», «доза» «тайник в пачке», «вытри нос», «дым», собранные в единый семантический ряд, – это все откровенная наркотематика, на продвижение которой (по сути, на популяризацию употребления наркотиков среди молодежи) и работает, на наш взгляд, группа RASA. Значительная часть молодежи в отличие от взрослых знает смысл указанных слов и потому воспринимает все эти тексты песен как прямую отсылку к получению наркотического кайфа. Группа выступает достаточно активно, причем не в сельских клубах российской глубинки, а, например, на сцене фестиваля «Белые ночи Санкт-Петербурга», на Дне первокурсника в VK Stadium, на всероссийском выпускном «Алые паруса».

Рэпер Slim «Безопасный джойнт»: Я понимаю, что все хотят угостить, но для меня нереально со всеми покурить. ...Пятая плюшка догорает на конце Парламента, но все хотят продолжения банкета, а я не знаю, как сказать «нет» ведь я Слим из Центра».

Этот список можно продолжать долго.

Музыка может быть мощнейшим средством воздействия на человека, его воспитания и развития или – деградации. Культура (и музы-

ка в том числе) умеет создавать и транслировать картину мира, формировать ценности и – их разрушать [3, с. 58]. Сознание общества может быть сформировано извне, за счет чуждой культуры как завуалированной формы внешнего управления. И если такое управление будет осуществляться с целью разрушения существующей в обществе культуры и навязывания ему разрушительной идеологии, возможно, как полагает А. Столяров, не только породить и развить кризис в обществе, это может привести к распаду самого государства⁴

Безусловно, мы ни в коей мере не говорим о бессмысленности запретов и кары за совершение запрещенных деяний. Наличие в стране наркотиков всегда будет составлять одну из причин приобщения к ним. Мы полностью согласны с Д. Лондоном: «Единственный способ прекратить войну – перестать воевать. Единственный способ прекратить пьянство – перестать продавать алкоголь. Китай прекратил всеобщее курение опиума, запретил выращивать его и ввозить в страну. Все философы, священники и врачи могли бы тысячу лет до хрипоты твердить о вреде опиума, но, пока яд был доступен, курение его продолжалось. Такова уж человеческая природа!»⁵.

Мы лишь еще раз подчеркиваем необходимость антинаркотического воспитания начиная с детского возраста, воспитания активного неприятия наркотических ценностей и наркотической формы существования, исключающего саму возможность допущения каких-либо проб или экспериментов с наркотиками. Трудно не согласиться с утверждением В.П. Иванова, высказанным 15 лет назад: государственная политика «требуется переходить от того, чтобы только ловить и лечить, к тому, чтобы менять общество и инфраструктуру социализации молодежи»⁶.

1 URL: <https://offmagazine.ru/news/spetsialnye-proekty/eksklyuzivnoe-intervyu-gruppa-rasa-moschnyy-start-i-yarkaya-karera.html>.

2 Наркотик «кристалл», или как его называют – просто «лёд», свое название получил потому, что очень похож на мелкие осколки стекла или крошки льда белого или голубоватого оттенка. Кристалл – это метамфетамин.

3 Метадон (сленговое название «мёд») – это наркотик, принадлежит к группе опиатов, имеет синтетическое происхождение.

4 Столяров А. Не знает заката // Нева. 2005. С. 6-88; N 11. С. 5-62.

5 Лондон Д. Джон Ячменное Зерно // Маленькая хозяйка большого дома. Роман. Повести. М.: АСТ, 2001. С. 312.

6 Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации: новые вызовы и угрозы // NARKOTIKI.RU : информационно-публицистический ресурс «Нет наркотикам». 2008. URL: http://www.narkotiki.ru/ocomments_6613.html.

В социологии наркотизма существует понятие институционализации наркопрактик, признаками которого являются признание в общественном мнении потребления наркотиков личным делом каждого, распространение в СМИ идентификационных моделей, основанных на позитивном отношении к наркопрактикам, социальное безразличие к производству и распространению наркотиков и ряд других [1, с. 68]. И вот уже самой яркой чертой современного британского Шерлока Холмса является то, что он употреблял кокаин, хотя о таковом упоминается лишь в одном из рассказов – «Знак четырех», а в рассказе «Пропавший регбист» доктор Ватсон сообщает, что Шерлок избавился от этой привычки, а Анна Каренина, оказывается, была морфинисткой, и ее самоубийство – в первую очередь следствие этой пагубной привычки.

Если государство не формирует общественное мнение – это делают другие, но таким образом, который институционализирует потребление и распространение наркотиков, что, в свою очередь, способно поставить под сомнение эффективность всех антинаркотических усилий государства [11, с. 429].

8 августа 2024 г. был принят Федеральный закон от N 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно внесенным поправкам «Запрещается пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений», под которой понимается «распространение информации и (или) материалов, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»):

...3) о допустимости, привлекательности либо необходимости незаконного потребления наркотических средств или психотропных веществ, потребления их аналогов».

Безусловно, стоит только приветствовать включение в закон в качестве пропаганды наркотиков не только пропаганду незакон-

ного оборота наркотиков, их потребления, культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, как это было в первых редакциях проекта изменений, но и информации о самих наркотиках. Безусловно, произведения искусства не должны внушать мысль о допустимости, привлекательности потребления веществ. Все операции с наркотиками и психотропными препаратами запрещено оправдывать или представлять нормой поведения, и, представляется, это положение должно стать «красной нитью» современного искусства.

Мы отдаем себе отчет в том, что ограничить распространение информации во Всемирной паутине – задача практически невыполнимая. Но сложившаяся на сегодняшний день ситуация, на наш взгляд, требует принятия ограничивающих мер.

Вызывает массу вопросов механизм вынесения решения о наступлении ответственности за пронаркотический контент в современном – применительно к теме нашего исследования – музыкальном творчестве. Невозможно отследить все появляющиеся музыкальные композиции, но, по крайней мере, ограничить исполнение произведений, открыто призывающих к получению наркотического «кайфа», на центральных площадках страны – вполне реально. Также как реально ограничить восторженные отзывы о творчестве ряда авторов в СМИ, реально организаторам концертов и выступлений ответственно подходить к тому репертуару, который предполагается к исполнению, не допускать исполнение «произведений», подобных процитированному выше. Реально оценивать не только ритмические и музыкальные качества, способность композиции «сплотить» публику в танцевальном порыве, но и смысловое содержание.

С 1922 года в Главное управление по делам литературы и издательств (ГлавЛит СССР) обязаны были приносить перед выходом в свет каждый номер газеты и журнала, текст радиопередачи, каждую книгу. К публикации, в частности, запрещались книги религиозные, мистические, антинаучные, «по-

литически враждебные» и т.п. Под запрет попали произведения Александра Солженицына, Михаила Булгакова, Марины Цветаевой, Владимира Набокова, Бориса Пастернака, Ильи Эренбурга, Анны Ахматовой и др.

Перестройка внесла существенные коррективы в деятельность ГлавЛита, а закон от 12 июня 1990 года «О печати и других средствах массовой информации» упразднил государственную цензуру. В декабре 1993 года цензуру запретила Конституция Российской Федерации¹.

Однако, на наш взгляд, совершенно понятно, что в современном культурном поле цензура необходима, потому как рассчитывать на сознание авторов и исполнителей в подобном направлении современного искусства – дело неблагодарное, хотя бы потому, что исполнитель, который выходит на сцену с песнями, подобными процитированным выше, явно не считает такой контент не заслуживающим внимания, тем более – заслуживающим осуждения. Приведем в качестве примера интервью Иваном Трофимовым (группа «Запрещенные барабанщики», песня «Куба рядом»: «Раз, два - Куба далеко, Три-четыре куба - и Куба рядом...»): «Глупо отрицать, что в этих строчках нет намека на наркотики. Это именно тот самый «куб» и есть. Мне захотелось написать песню о революционной деятельности, а слово «Куба» очень хорошо рифмуется со словом «куб» ... Для меня в творчестве никаких запретов не существует. Даже прославление педофилии или ядерной войны я воспринимаю совершенно спокойно»².

Еще один пример: российский рэп-исполнитель Моргенштерн (Алишер Валиев³). В 2022 г. был оштрафован на 100 тысяч рублей, суд усмотрел в его песнях и клипах «Розовое вино 2» и «Family» пропаганду наркотических средств. «Я курю допинг, план — крутая тема. Моя десна немеет, никто так не

умеет. Мы любим делать деньги, наркотики и деньги» («Розовое вино 2»), «Я люблю курить траву» («Family»). Более цитат мы не можем привести, потому что остальной текст этих песен, на наш взгляд, недопустим для публичного опубликования, он просто находится за гранью морали и нравственности. Моргенштерн поблагодарил суд за отличное настроение, СМИ – за освещение дела, а также отдельно поблагодарил тех, кто подал на него в суд, пообещал выложить номер карты, куда подписчики могут «скидывать на штраф». Он также высказал мнение о том, что родителям, которые обвиняют его и его творчество в негативном влиянии на детей, стоило бы обратиться к самим себе и своим способам воспитания, а не обвинять его: «Вы меня запрещаете, они (дети) еще больше будут смотреть»⁴. Отметим, это не первый штраф певца за пропаганду наркотиков.

Суд оштрафовал исполнителя, однако сами песни не запретил. По словам адвоката рэпера: «Он радуется, потому что как бы ни хотели те или иные общественники, весь негатив в его сторону играет ему в плюс, потому что увеличивается число просмотров, цитируемость, популярность»⁵.

Надеяться на то, что такие исполнители и авторы сами ограничат себя в содержании текстов, поставив определенные рамки дозволенного, явно не приходится. Более того, применение к таким лицам штрафных санкций вызывает волну обращений на тему ограничения творческой личности в самовыражении.

Главное – не переборщить, не перестараться, не запрещать все подряд, отработать четкие механизмы и проведения в спорных случаях лингвистической экспертизы, и привлечения специалистов – культурологов, литературоведов, музыкантов, юристов, наркологов. Иначе не исключены ситуации, когда под запрет будут попадать произведения, вовсе не

1 URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/07/2024/6683c23c9a7947127aa87e34>.

2 URL: https://guruken.ru/job/luchshih_rok?ysclid=lzgmadd4lc141242875.

3 Алишер Моргенштерн – один из самых высокооплачиваемых российских музыкантов, включенный Минюстом России в список иноагентов.

4 URL: <https://ru.sputnik.kz/20210603/sud-morgenshtern-shtraf-17244541.html>.

5 URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/sud-morgenshterna/?ysclid=m07iy3lbw1971515747>.

относящиеся к исследуемому контенту. Так, на одном из сайтов «песней про наркотики» была обозначена песня «Трава у дома» группы «Земляне». Помните: «И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева. А снится нам трава, трава у дома, зеленая, зеленая трава». Потому что без участия специалистов невозможно решить, относится ли к запрещенной или к той, на которую запрет не распространяется, информация, которая хотя и предусмотрена подпунктами 1 и 2 пункта 1 статьи 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», но составляет оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла.

В 2022 г. Роскомнадзор запустил систему автоматического поиска запрещенного контента «Окулус», основная цель которой – отслеживание нарушений российского законодательства в изображениях и видеороликах, которые несут в себе неприемлемый контент на различных сайтах и в социальных сетях (пропаганда ЛГБТ, экстремизма, призывы к совершению суицида, распространение пронаркотического контента и т.д.) [5, с. 61].

Но «искусственный интеллект далеко не всегда понимает оттенки смысла. Если в материале упоминается какой-то экстремизм, для ИИ непонятно, он оправдывается или осуждается. Нейросеть не может различать такие тонкости. Окончательное решение о составлении протокола об административном правонарушении и блокировке всегда принимает должностное лицо – человек»¹.

Пронаркотическое культурное поле – это логическая абстракция, составляющая пронаркотическую смысловую нагрузку произведений – применительно к теме нашей работы – в массовой культуре. Но это не есть «чистая» абстракция – оно реально существует, воспроизводится, имеет тенденцию к расширению. Каждое следующее поколение воспринимает алкогольные, курительные и другие наркотические обычаи именно благодаря ему. Никто не начинает употреблять психоактивные вещества, чтобы сделаться завсегдатаем наркологических стационаров и умереть, не дожив

до 30 лет. Именно пронаркотическое культурное поле делает привлекательными пронаркотические поступки, готовит человека к физиологическим актам потребления тех или иных психоактивных веществ [6].

По мнению Владимира Михайловича Ловчева – ученого-историка, общественного деятеля, одного из идеологов и организаторов трезвеннического движения в Советском Союзе и Российской Федерации, формирование пронаркотического культурного поля в литературе и искусстве имеет настолько давние традиции, насколько и само существование алкоголя, ему присущи устоявшиеся закономерности, механизмы развития и укрепления; наличие устоявшейся системы пронаркотических образов не есть следствие международного заговора или чьего-то злого умысла, здесь более – заинтересованность пронаркотического бизнеса (легального в случае с алкоголем, нелегального применительно к иным психоактивным веществам), а также эмоциональные «добавки» самих деятелей культуры, опосредованные выражением чаяний потребителей массовой культуры [4, с. 38]. Иными словами, как заметил в 1972 году тогдашний президент Американской ассоциации звукозаписывающей индустрии (RIAA) Стэнли Гортиков: «Музыка отражает общество в большей степени, чем формирует его и направляет»².

Однако позволим себе не согласиться с мнением ученого в том моменте, что в данном случае – применительно к нашей теме – скорее, следует говорить о замкнутом круге: музыка выражает чаяния ее слушателей, «взращенные» тем же самым пронаркотическим контентом той части общества, которая восприняла их ранее и считает их выражением свободы, развития и незашоренности. И этот замкнутый круг делает практически невозможным противодействие существованию пронаркотического контента в искусстве методом запретов и наказаний.

Современное пронаркотическое культурное поле, по мнению В.М. Ловчева, не только распространяет пронаркотические образы во

1 Всевидящий «Окулус»: как будет работать выявляющая незаконные публикации нейросеть». URL: <https://www.kommersant.ru/>.

2 URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Drug_use_in_music.

всех жанрах искусства, но и оперативно использует новые технологии [7, с. 49]. Все это делает необходимой работу по «демонтажу» сложившегося пронаркотического культурного поля, которая не будет ни быстрой, ни легкой, требует огромных усилий и государственных органов, и общественных организа-

ций, и всего общества в целом. Вытеснение пронаркотического контента только тогда будет успешным, когда абсолютное большинство общества будет твердо убеждено в неприемлемости психоактивных веществ ни в каком виде, кроме медицинских показаний.

Библиографический список

1. Агранат, Д.Л. Социальные наркопрактики. Институционализация социальных наркопрактик в современной России / Д.Л. Агранат, В.А. Луков, Ю.Е. Надточий. – М.: Социум, 2003. – 111 с.
2. Алавердян, А.А. Песенные формы как средство влияния на формирование общественного мнения / А.А. Алавердян // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – N 12 (114). – Ч. 5. – С. 153-157. – DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.185>.
3. Волчек, О.Д. Назначение музыки и отражение в ней социальных процессов / О.Д. Волчек // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2009. – N 2 (Психология). – С. 56-66.
4. Грязнова, Е.В. Влияние современной музыки на человека, приводящее к аутодеструктивному поведению / Е.В. Грязнова, Е.М. Губанова // АНИ: педагогика и психология. – 2019. – N 3 (28). – С. 329-331.
5. Ельцова, Е.П. Важность использования механизмов поиска запрещенного контента в сети Интернет / Е.П. Ельцова, А.А. Иванова // Управление документацией в цифровой среде : сборник трудов V национальной научно-практической конференции / отв. за выпуск А.Л. Клейтман, О.Г. Савка. – М.: ООО «Сфера», 2023. – С. 57-64.
6. Ловчев, В.М. Антинаркотическое воспитание молодежи призывного возраста и курсантов военных вузов средствами зарубежной и отечественной художественной литературы : монография / В.М. Ловчев, В.Е. Уткин. – Казань: Изд-во «Отечество», 2009. – 168 с.
7. Ловчев, В.М. Проалкогольные и антиалкогольные в европейской культуре: становление и современные социокультурные практики : автореф. дис. ... докт. ист. наук / В.М. Ловчев. – Казань, 2013. – 55 с.
8. Макашева, М.Н. О вопросе пропаганды потребления наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет / М.Н. Макашева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – Ч. 1. – С. 32-34.
9. Орлова, Е.М. К истории отечественных программ по музыкотерапии: В.М. Бехтерев – междисциплинарный подход в науке и образовании / Е.М. Орлова // Музыкальное искусство и образование. – 2019. – N 1. – С. 78-94.
10. Савина, Н.В. Развитие методического инструментария контрольно-надзорной деятельности в сфере электронных коммуникаций / Н.В. Савина, Е.А. Алипичев // Экономика и предпринимательство. – 2024. – N 5(166). – С. 1462-1464.
11. Сунами, А.Н. Антинаркотическая пропаганда: конфликтный анализ / А.Н. Сунами // Конфликтология для XXI века: наука - образование - практика: Т. 1. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. – С. 427-433.
12. Цирина М.А. Распространение пронаркотической информации в Интернете: меры противодействия / М.А. Цирина // Журнал российского права. – 2012. – N4 (184). – С. 44-50.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.85

Петр Николаевич КОБЕЦ,

главный научный сотрудник

Всероссийского научно-исследовательского института

МВД России (г. Москва),

доктор юридических наук, профессор

pkobets37@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРИМЕНЕНИЕ РОБОТОТЕХНИКИ, ИСПОЛЬЗУЮЩЕЙ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

DEVELOPMENT OF THE LEGISLATIVE FRAMEWORK REGULATING THE USING OF ROBOTICS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

В статье предложены меры, направленные на разработку и принятие нормативных основ в сфере ответственности за деятельность, связанную использованием робототехники, функционирующей на основе искусственного интеллекта. В исследовании автором обращается внимание, что в настоящее время робототехника с элементами искусственного интеллекта уже активно используется. Им также аргументированы выводы о том, что если отечественные законодатели и правоведы в ближайшей перспективе не позаботятся о подготовке правовых основ сфере робототехники, использующей данные технологии, то в будущем правоохранителям будет все сложнее гарантировать обеспечение безопасности в рассматриваемой сфере.

The article proposes measures aimed at developing and adopting a regulatory framework in the area of responsibility for activities related to the use of robotics based on artificial intelligence. In the process of research, the author draws attention to the fact that currently robotics with elements of artificial intelligence are already actively used. He also argued the conclusions that if domestic legislators and legal scholars in the near future do not take care of preparing the legal framework for the field of robotics using these technologies, then in the future it will be increasingly difficult for law enforcement officers to guarantee security in this area.

Ключевые слова: правовое регулирование робототехники, правосубъектность робототехники, технологии искусственного интеллекта, совершенствование законодательных основ, предупреждение правонарушений.

Keywords: legal regulation of robotics, legal personality of robotics, artificial intelligence technology, improvement of the legislative framework, crime prevention.

Прежде всего важно отметить, что в настоящее время современным цифровым обществом ощущается большая востребованность научного осмысления использования технологий искусственного интеллекта. В условиях начала нового тысячелетия данные технологии начинают преобразовать всю окружающую действительность. При этом они выступают ее неотъемлемой органической частью и одновременно в некоторых сферах активно заменяют отдельные элементы человеческой трудовой деятельности. Вместе с тем в условиях третьего тысячелетия робототехника, функционирующая на основе рассматриваемых технологий, все активнее стремится внедриться в большинство сфер человеческой жизнедеятельности, поэтому вполне вероятно, что в дальнейшем технологии, использующие в своей работе искусственный интеллект, будут находиться в самом центре технологического прогресса.

Немаловажно и то, что данные технологии являются ключевым компонентом следующей промышленной революции. Поэтому у них есть масса возможностей изменить то, как мы взаимодействуем с окружающим миром. По мере увеличения разного рода средств и способов коммерческого применения робототехники, использующей в своей деятельности обсуждаемые технологии, стремительно усиливается гонка за их глобальную дифференциацию. Сегодня уже многие страны мира «соревнуются» друг с другом за привлечение финансирования, удержание лучших специалистов, увеличение результатов исследований и внедрение современной робототехники в промышленность и производство. В этой глобальной конкуренции правительства зарубежных стран увеличивают финансирование для развития роботизированных систем с искусственным интеллектом. К основным отраслям, где внедряется робототехника на основе рассматриваемых технологий, относятся космическая промышленность, металлургия, топливный комплекс, химическая промышленность, машиностроение и металлообработка, деревообрабатывающая промышленность, легкая и пищевая промышленность, электроэнергетика [4, с. 741].

В настоящее время уже практически невозможно представить сферу деятельности, в которой нет цифровых устройств, упрощающих выполнение различных операций. К таким сферам относится медицинская деятельность, образовательная, просветительская, научная и др. Подобные разработки появляются ежедневно, и поэтому в скором времени использование рассматриваемых технологий существенно преобразит всю жизнедеятельность современного общества. В том числе на основе различных стартапов в сфере искусственного интеллекта происходит создание современных сервисов, которые могут проводить анализ рентгеновских снимков или информируют агронома в точном земледелии, какое именно поле требует использования большего количества гербицидов. При помощи техники, работающей на основе использования новых технологий, возможно будет загрузить миллионы медицинских документов и историй болезней в робототехнику, и она сможет поставить диагноз. Все больше интеллектуальных систем повсеместно используется и в бытовых условиях, облегчая жизнь человека. Сегодня уже никого не удивит таким термином, как умный дом, который объединяет множество различных научных подходов по автоматизации ежедневной домашней деятельности. При помощи данной технологии возможно оптимизировать энергопотребление, обогреть и вентиляцию, контролировать приборы, дисплеи, систему безопасности и др. Все это делает жизнь удобнее, а также помогает человечеству экономить время и ресурсы.

Кроме того, в настоящее время робототехника с элементами искусственного интеллекта в различных государствах мира уже активно используется в процессе автономного планирования расписания и управления, для медицинских диагностических программ, основанных на вероятностном анализе, для обеспечения составления графика перевозок и автоматизированного планирования поставок, при распознавании языков, для решения различных задач в страховой деятельности, частично в правоохранительных и иных сферах. На сегодняшний день и в нашей стране

робототехника с использованием искусственного интеллекта постепенно начинает получать развитие в различных сферах жизнедеятельности.

Современных исследователей проблематики, связанной с разработкой понятийного аппарата в сфере искусственного интеллекта, в первую очередь интересует правовое определение данного феномена, несмотря на то, что определение единого и общепризнанного понятия для рассматриваемой технологии представляет собой весьма сложную задачу. Сегодня в источниках юридической литературы можно встретить совершенно различные научно-исследовательские подходы отечественных и зарубежных исследователей по данному вопросу. По большей части подобное положение можно объяснить тем, что до настоящего времени не существует конвенционально признанного определения данной дефиниции. Кроме того, ни один официальный документ не имеет нормативного определения рассматриваемого понятия. Между тем оно весьма активно используется во всем мире, охватывает чрезвычайно обширный круг проблемных вопросов [6, с. 39].

Поскольку информтехнологии и робототехника получают динамичное развитие, разработка правовых средств для их регулирования должна идти уже сегодня полным ходом, даже несмотря на то, что в настоящее время эти технологии пока что не являются автономными. Совершенно очевидно, что именно по этой причине в нашей стране так важно и необходимо развивать деятельность в сфере правового регулирования обсуждаемых технологий. В распоряжении Правительства РФ от 19 августа 2020 г. N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.»¹ делается акцент именно на том, что среди самых значимых вопросов исполь-

зования систем по искусственному интеллекту является проблематика ответственности за вред, который причиняют эти системы.

Вместе с тем анализ нынешнего состояния дел в рассматриваемой сфере не предполагает существенного изменения регулирования института юридической ответственности, а лишь только постепенное совершенствование его некоторых элементов. Но чрезвычайно важно уже сегодня провести исследование и как можно быстрее усовершенствовать механизмы имеющихся видов юридической ответственности для случаев нанесения ущерба робототехникой, использующей для своей деятельности новые технологии. Причем в первую очередь это относится к робототехнике, обладающей высокой степенью автономности. Крайне значимо и исключительно важно определить круг лиц, ответственных за действия данной робототехники, а также всесторонне проработать возможности использования различных способов возмещения причиненного ею вреда, необходимо изучить и проработать как общие, так и частные направления перспективных законодательных изменений, которые должны осуществлять гарантии по эффективному и справедливому функционированию институтов юридической ответственности, и в том числе распределению мер ответственности, в случае возможного ущерба, причиняемого робототехникой, использующей новые технологии.

Отдельно хотелось упомянуть и о том, что «Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. Нормы гражданского права о робототехнике»² специально акцентирует внимание на том, что ввиду расширения конкретных функций, специфических возможностей и специальных задач робототехники она все более становится автономной, более способной к осуществлению когнитивных процессов. Именно по этой причине данная робототехника все больше схожа с людьми, взаимодействующими с технической средой

1 Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.: распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. N 2129-р. // СПС «КонсультантПлюс».

2 Нормы гражданского права о робототехнике. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051. URL: https://robopravo.ru/riezoliutsia_ies (дата обращения: 10.05.2024).

и при этом вносящими в нее существенные перемены. И, как утверждают различные исследователи, современная робототехника, использующая новые технологии, обладает колоссальными способностями к самообучению, действию без заранее установленных алгоритмов, а также большой автономностью в принятии решений. Соответственно, при таких условиях и обстоятельствах важнейшим из вопросов, требующих скорейшего разрешения, становится необходимость правовой ответственности в случаях разного рода вреда, причиненного действиями анализируемой робототехники.

Между тем действующих в настоящее время правил ответственности робототехники в подобных ситуациях слишком мало, особенно при тех условиях, когда робототехника нанесла вред ввиду самостоятельно принятых решений. В подобных ситуациях крайне трудно и по сути дела невыполнимо определение субъекта, обязанного компенсировать причиненный робототехникой ущерб. Поэтому неспроста среди отечественных и зарубежных ученых, исследующих проблематику применения искусственного интеллекта робототехникой, наиболее часто обсуждается вопрос, связанный с правосубъектностью данных технологий. Как отмечают отечественные эксперты, до настоящего времени российское законодательство не обладает специальными нормами, которые бы регламентировали как правовой статус робототехники, так и порядок правоотношений с ее участием [2, с. 11].

Важно отметить, что отечественными экспертами прямо указывается: «В настоящее время отсутствует четкое понимание вопроса относительно того, кому нести ответственность, когда инциденты с участием робототехники, использующей новые технологии, приводят к нанесению ущерба либо смерти человека, какая может быть ответственность соответствующих компаний, а также в отношении санкций, которые могут применяться к физическим лицам, юридическим лицам, а также, возможно, к самим роботизированным системам» [5, с. 61].

Сегодня многими авторитетными российскими правоведами поднимаются вопросы,

связанные с необходимостью совершенствования правосубъектности робототехники, использующей новые технологии. В частности, довольно многих отечественных правоведов интересует вопрос о том, кем именно, объектами либо субъектами права, выступает рассматриваемая робототехника. Так, например, уже сегодня часть отечественных исследователей с уверенностью утверждают, что робототехника может быть наделена правосубъектностью, если цифровые технологии выйдут на совершенно новые уровни развития, в рамках которых автономность робототехники начнет приобретать универсальный характер [1, с. 68].

Тем временем стремительное развитие научно-технического прогресса обусловило появление среди отдельных отечественных ученых альтернативной точки зрения, в основе которой обозначены перспективные возможности по приобретению рассматриваемой робототехникой субъективных прав и юридических обязанностей [3, с. 15]. Часть отечественных исследователей полагают, что рассматриваемая робототехника обладает всеми характеристиками автономности и «может иметь возможность приобретения прав юридических лиц и, соответственно, наделения правоспособностью, но с момента осуществления ее государственной регистрации, и внесении об этом записей в государственном реестре» [9, с. 225].

Некоторые российские правоведы рассматривают робототехнику именно как субъекта права [11, с. 43], тогда как отдельные эксперты отмечают, что к правовой позиции робототехники необходимо подходить с учетом ее возможностей и функционалом и, уже учтя данные позиции, вполне возможна ее двояко трактовать как объектом правоотношений, так и электронным лицом, которое наделено правосубъектностью [8, с. 281]. Также необходимо упомянуть, что ряд авторов отмечают, что правовой статус робототехники и юридических лиц является юридической фикцией и не отличается различием [10, с. 23].

Ряд экспертов уверены в том, что автоматизированные системы и робототехника, ра-

ботающие на основе новых технологий, будучи автономными, должны в обязательном порядке подчиняться всем законодательным нормам, применяемым в отношении людей. Данный подход должен применяться в отношении как частных корпораций, так и государственных систем. И кроме того, во что бы то ни стало необходимо универсализировать международные правовые нормы, для того чтобы люди не могли высказываться относительно того, что автоматизированные системы способны сделать то, чего им не суждено понять [12, с. 23].

Часть исследователей, обсуждая возможную перспективную правоспособность анализируемых технологий, в первую очередь акцентируют внимание на потенциальных проблемах, связанных с деликтоспособностью рассматриваемой робототехники, при этом отмечая, что развитие законодательных основ, обусловленных мерами ответственности технологий искусственного интеллекта, должно в своем развитии пройти как минимум три периода: первый – краткосрочный этап, рассчитанный на ближайшие десять лет; второй – среднесрочный этап, который должен начинаться в середине нынешнего столетия и в конце его же и заканчиваться; и наконец третий – долгосрочный этап, который, вероятнее всего, будет в следующем столетии [7, с. 101].

При этом во время первого – краткосрочного этапа робототехника на основе новых технологий может восприниматься как объект правоотношений, а меры ответственности в случае наступления нежелательных последствий вследствие ее применения следует возлагать на владельцев данного программного обеспечения вследствие правил, установленных нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в частности ст. 1079. Между тем из расчета того, что владельцы программного обеспечения не во всех случаях обладают техническими возможностями воздействия на робототехнику, также следовало бы проработать возможности рассмотрения привлечения к мерам ответственности и создателей программного обеспечения данных технологий, причем, воз-

можно, вместе с производителями внешних материальных оболочек, как это предусмотрено ст. 1095 ГК РФ. Как полагает автор данной работы, возложение субсидиарной ответственности на создателей и производителей рассматриваемых разработок является абсолютно правильным решением. Однако сразу же встает вопрос: кто должен будет решать, каким образом необходимо функционировать рассматриваемой робототехнике, а также нести за нее ответственность в случае смерти ее создателей и производителей? И пока что на этот вопрос ответов нет.

Во время второго – среднесрочного этапа вполне возможно наделить робототехнику, использующую новые технологии, правоспособностью, но только правоспособностью не имеющей универсальный характер. Тогда, возможно, робототехника, использующая рассматриваемые технологии, могла бы принимать участие в правоотношениях и неслучайно самостоятельно меры ответственности. В период третьего этапа вполне возможно формирование правосубъектности робототехники.

Пока что в соответствии с действующим правовым регулированием рассматриваемая робототехника может выступать в качестве объекта прав в соответствии ст. 129 ГК РФ. В этой связи совершенно обоснованы подходы тех правоведов, которые предлагают применять меры наказания в случае нанесения ущерба робототехникой к ее владельцам, поскольку рассматриваемая продукция на основании ст. 1079 ГК РФ выступает в качестве источника повышенной опасности. Также немаловажно, что технологии искусственного интеллекта не только мало изучены, но и обладают возможностями самообучения, поэтому это самый что ни на есть настоящий источник повышенной опасности, который нуждается в постоянном контроле со стороны людей. Автор полагает, что, скорее всего, правы специалисты, которые, рассматривая вопросы наказания за противоправную деятельность робототехники, ратуют за то, что к мерам ответственности в первую очередь необходимо привлекать создателей данной робототехники, потому как, разрабатывая

данный продукт, именно они вполне могли осознавать все возможные негативные потенциальные угрозы, исходящие от проектируемых технологий. Тогда как добросовестных пользователей данного продукта в тех случаях, когда в их действиях отсутствует какая-либо вина, наказывать, по сути, не за что.

Дальнейшее развитие проблематики, связанной с мерами ответственности самой робототехники, которой нанесен вред гражданским правоотношениям, в тех случаях, когда не удалось доказать вину ее создателей, автору видится в первую очередь в непреклонном перепрограммировании, блокировке, обязательном отчуждении данного продукта, использующего в своей основе технологии искусственного интеллекта. Между тем, чтобы реализовывать рассмотренные автором законодательные положения, в первую очередь необходимо как можно быстрее переходить к разработке законодательных основ, направленных на правовое регулирование новых технологий, при этом акцентируя внимание именно на правовых положениях, связанных с мерами ответственности в случае причинения вреда.

Также чрезвычайно важно для дальнейшего эффективного правового регулирования рассматриваемых технологий, чтобы понятие искусственного интеллекта было включено в нормы отечественного гражданского законодательства как объект гражданских правоотношений. В том числе существует объективная необходимость внесения изменений в ст. 1079 ГК РФ в части того, что робототехника, функционирующая на основе новых технологий, представляет источник повышенной опасности. И поэтому, касательно мер ответственности за нарушение правоотношений данными технологиями, их владельцы должны будут нести всю полноту ответственности независимо от степени их виновности.

Отечественным законодателям необходимо сосредоточиться на разработке и принятии нормативных актов не только в сфере гражданской, но и уголовной ответственности за деятельность, связанную с оборотом робототехники, функционирующей на основе рассматриваемых технологий. В первую

очередь они должны содержать меры ответственности в случае несоблюдения правил по использованию данной робототехники, повлекшие вред жизни и здоровью человека либо причинение серьезного материального ущерба. В то же время совершенно очевидно, что в обозначенных выше правовых нормах будут содержаться бланкетные диспозиции, поэтому после их принятия необходимо будет сосредоточиться на соответствующем отраслевом законодательстве, которое будет определять, каким образом должен осуществляться оборот робототехники, которая обладает потенциальными возможностями причинения значительного ущерба и вреда общественным отношениям. И чтобы такая техника вводилась в оборот на законных основаниях, ее производителям необходимо проработать вопросы аутентификации и ввода реестров, в которых бы были прописаны владельцы и пользователи рассматриваемых технических устройств.

Нельзя не отметить, что примером по законодательному закреплению взаимоотношений человека и искусственного интеллекта служит опыт Республики Кореи, правоведы и законодатели которой указали на важность регулирования работы создателей робототехники и ее пользователей. Первым в мировой практике правовым актом, закрепляющим эти положения, стало корейское право развития искусственного интеллекта роботов, основная идея которого состоит в недопущении применения робототехники, для причинения вреда человеку. Автор полагает, что зарубежная практика должна быть в достаточной мере изучена на предмет учета ее не только положительного, но и имеющегося негативного опыта, и неповторения его в отечественной законотворческой практике, при разработке и последующем принятии нормативных правовых актов для российской правовой системы.

Стремление использовать цифровые технологии и робототехнику, проводя прогрессивные преобразования для развития государства, совершенно понятны и оправданны, но при этом необходимость разумного внедрения робототехники должна доминировать

в процессе интеграции цифровых технологий в деятельность народнохозяйственных отраслей. Все дело в том, что в настоящее время законодательное регулирование данных технологий развивается не так динамично, как этого хотелось бы, что, в свою очередь, может вызвать при их внедрении неблагоприятные последствия. Соответственно, в ближайшее время необходимо как можно активнее продолжить научные исследования возможных рисков и угроз, исходящих от данных технологий, и при необходимости ограничить их использование в ряде областей жизнедеятельности российского общества. В частности, не следует торопиться их внедрять в сфере, связанной с массовым распространением информационных данных, а также обеспечении национальной безопасности государства.

В заключение важно отметить, что в ближайшей перспективе следует приступить к подготовке специализированных нормативных правовых актов, регламентирующих разработку и применение робототехники, использующей новые технологии. И в пер-

вую очередь следует подготовить законодательную основу, закрепляющую принципы по созданию, эксплуатации, механизмам контроля анализируемой робототехники, а также необходимый понятийный научный аппарат в рассматриваемой сфере. И если в ближайшей перспективе не позаботиться о подготовке данных правовых основ, то в будущем правоохранителям будет все сложнее гарантировать обеспечение безопасности в рассматриваемой сфере.

Наряду с этим не следует оспаривать необходимость того, что правовые основы, регулирующие деятельность данной робототехники, в обязательном порядке должны являться результатами всесторонних исследований ее использования в большинстве сфер жизнедеятельности с целью минимизации возможных негативных последствий. При этом также немаловажно, что основы правового регулирования робототехники, использующей новые технологии, должны быть заложены на основе общих принципов и норм международного права.

Библиографический список

1. Гришин, В.С. К вопросу о нормативно-правовом регулировании робототехники на примере Российской Федерации / В.С. Гришин // Наука молодых – будущее России : сборник научных статей II международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 5 т. Курск, 13-14 декабря 2017 года / отв. ред. А.А. Горохов. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – Том 3. – С. 64-74.
2. Данилов, И.Б. Основные подходы к правовому регулированию отношений с участием роботов / И.Б. Данилов // Юридические исследования. – 2019. – N 6. – С. 7-15. – DOI 10.25136/2409-7136.2019.6.29150.
3. Ибрагимов, Р. Право машин. Как привлечь робота к ответственности / Р. Ибрагимов, Е. Сурагина // Корпоративный юрист. - 2017. - N 11. - С. 11-17.
4. Ищенко, Е.П. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий / Е.П. Ищенко, Н. В. Кручинина // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – N 5. – С. 740-746. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(5).740-746.
5. Кибальник, А.Г. Как уголовное право будет реагировать на появление искусственного интеллекта? / А. Г. Кибальник // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI международной научно-практической конференции, Москва, 24-25 января 2019 года. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 59-63.

6. Кобец, П.Н. Актуальные проблемы развития законодательных основ правосубъектности технологий искусственного интеллекта / П.Н. Кобец // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – N 1(57). – С. 37-43. – DOI 10.37523/SUI.2024.57.1.006.
7. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – N 2. – С. 79-102. – DOI 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102.
8. Морхат, П.М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы / П.М. Морхат // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – N 3. – С. 280-283.
9. Наумов, В.Б. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / В.Б. Наумов, В.В. Архипов // Право и информация: вопросы теории и практики : сборник материалов VII международной научно-практической конференции / научн. ред. Н.А. Шевелёва. Выпуск 7. – СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2017. – С. 220-228.
10. Серова, О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы / О.А. Серова // Гражданское право. – 2018. – N 3. – С. 22-24. – DOI 10.18572/2070-2140-2018-3-22-24.
11. Черкасов, В.Н. Новый субъект права? / В.Н. Черкасов // Базис. – 2017. – N 1(1). – С. 41-44.
12. Шестак, В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – N 2. – С. 197-206. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.

УДК 342.92

Николай Николаевич ЦУКАНОВ,
заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России (по научной работе)
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор
nikolai_zukanov@mail.ru

Владимир Иванович ТРЕТЬЯКОВ,
профессор кафедры конституционного
и административного права юридического факультета
Кубанского государственного университета
(г. Краснодар),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
tret'yakov1717@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

ON THE POSSIBILITY AND EXPEDIENCY OF ADDITIONAL CLASSIFICATIONS OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES

В тексте работы отмечается актуальность и определенная условность базовой классификации мер административного принуждения, отражающей различия в их целевом предназначении. Учитывая многообразие мер административного принуждения, открытость их перечня, обосновывается тезис о возможности и целесообразности их дополнительных классификаций. В качестве одной из таких классификаций предлагается деление мер административного принуждения на основе способов их обеспечения.

The article notes the relevance and certain conditionality of the basic classification of administrative coercion measures, reflecting the differences in their target purpose. Taking into account the variety of administrative coercion measures and the openness of their list, the thesis on the possibility and expediency of their additional classifications is substantiated. As one of such classifications, it is proposed to divide administrative enforcement measures based on the ways of their assurance.

Ключевые слова: административное принуждение, меры административного принуждения, классификация мер административного принуждения, предъявление требований, обеспечение мер административного принуждения.

Keywords: *administrative coercion, administrative coercion measures, classification of administrative coercion measures, submission of demands, assurance of administrative coercion measures.*

Меры административного принуждения – широкое и достаточно популярное в научной литературе направление, важнейший элемент большинства учебников по административному праву. Однако их

многообразие отражается в немногочисленных классификациях. По-настоящему эффективной и востребованной (базовой) остается классификация, основанная на целевом предназначении мер, в соответствии с кото-

рой среди мер административного принуждения принято выделять:

административно-предупредительные меры;

меры административного пресечения;

меры административно-процессуального обеспечения;

меры административной ответственности [9, с. 27].

Классификация эффективна в том числе в ситуациях, когда различные по своему предназначению, основаниям, субъектам применения меры принуждения имеют созвучные и даже идентичные названия, а также в случаях, когда способ принудительного воздействия может выступать элементом применения другой более объемной меры принуждения. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) личный досмотр, досмотр вещей, документов, транспортного средства осуществляется в качестве элемента задержания [13, с. 11-12].

«Однако, – как справедливо отмечает А.И. Каплунов, – среди ученых-административистов нет единства мнений по следующим вопросам: во-первых, о необходимости выделения в составе административного принуждения мер административного предупреждения; во-вторых, о необходимости выделения административно-восстановительных мер; в-третьих, о целесообразности выделения в самостоятельную группу мер административно-процессуального обеспечения» [2, с. 178]. Перечень подобных вопросов можно продолжить. В частности, в юридической литературе высказывается предложение выделять административно-правовые средства принудительной помощи [10, с. 168-175]. В отличие от сферы уголовного судопроизводства, где принуждение принято ограничивать положениями 4 раздела УПК РФ [15, с. 167-200], в административно-правовой науке аналогичному термину придается гораздо более широкое значение. При этом для обозначения универсального метода управленческой деятельности, связанного с ограничением прав и свобод, термин «принуждение»

в общеупотребительном смысле этого слова, как представляется, не очень точно подходит. С одной стороны, принудить – означает вынудить, заставить кого-то выполнить определенные действия. Однако о применении данных мер принято говорить и в том случае, когда требуемое действие выполняет не физическое лицо, а представитель власти, например проникновение в жилище, в котором никто не находится. С другой стороны, мера присутствует и в том случае, если лицо добровольно выполняет предъявленное требование. При этом если принять за основу тезис о том, что убеждение и принуждение охватывают всю гамму методов государственного управления, то метод убеждения в привычном смысле этого слова (как разъяснение, воспитание и иные способы морально-нравственного воздействия) не носит правового характера. Поэтому в контексте административно-правовой тематики он не может служить полноценной альтернативой методу административного принуждения в качестве одного из двух универсальных методов [подр.: 16, с. 139-144]. Прав А.И. Каплунов, утверждая, что убеждение и государственное принуждение не противопоставляются в ходе осуществления государственного управления, а взаимодополняют друг друга, взаимодействуют между собой в ходе решения соответствующих управленческих задач [2, с. 165].

Базовая классификация мер административного принуждения отражает используемую современной наукой административного права парадигму, в основе которой лежит институциональный подход. Стоит отметить, что так было не всегда. Как отмечал российский правовед И.Т. Тарасов, «принуждение имеет место лишь там, где есть сопротивление» [14, с. 178-179]. В советской литературе дихотомия «убеждение-принуждение» также касалась, как представляется, не столько самих мер, сколько действий, связанных с их реализацией. Как указывал М.И. Еропкин, принудительные меры применяются лишь в том случае, если гражданин отказывается добровольно выполнить предъявляемое ему требование [8, с. 83]. Соответственно, если правонарушитель добровольно следовал в

правоохранительный орган, то считалось, что мера административного принуждения к нему не применялась. Вполне последовательно Д.Н. Бахрах отмечал, что «не все методы полностью урегулированы правом. Так, принуждение полно, детально и четко охвачено правовыми нормами. Поощрение во многом основано на юридических актах, но возможно его использование и помимо юридической формы, а метод убеждения правом урегулирован лишь в небольшой части» [6, с. 263].

На сегодняшний день важным критерием меры административного принуждения служит прямое нормативное указание меры административного принуждения, а в идеальном случае – выделенное нормативное регулирование. Как отмечает А.И. Каплунов, «административное принуждение состоит из мер принуждения, которые регламентируются нормами административного и административно-процессуального права. Нормативно-правовая регламентация меры административного принуждения включает следующие элементы: 1) основания ее применения; 2) способ (прием, средство) и цели принудительного воздействия; 3) субъект, уполномоченный на ее применение; 4) порядок (административную процедуру) применения меры административного принуждения» [2, с. 177]. Этим можно объяснить выделение таких мер принуждения, как, например, требование прекратить противоправные действия (п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции), покинуть место совершения преступления или административного правонарушения (п. 7 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции), оставаться на месте совершения преступления или административного правонарушения (п. 4 ч. 3 ст. 28 Закона о полиции), и невыделение предъявления требования к понятому удостоверить своей подписью факт совершения в его присутствии процессуального действия, его содержания и результатов, хотя невыполнение такого требования также влечет административную ответственность, предусмотренную ст. 17.7 КоАП РФ. Это важно, поскольку помимо требований, прямо перечисленных в законодательстве в качестве самостоятель-

ных мер административного принуждения, нельзя отрицать существование требований, детализирующих реализуемое должностным лицом полномочие, носящих принудительный характер и не охватываемых п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции. Например, требование убрать собаку, препятствующую проведению досмотра транспортного средства (ст. 27.9 КоАП РФ), обеспечить доступ в помещение в рамках его осмотра в соответствии ст. 27.8 КоАП РФ, дать свидетельские показания по делу об административном правонарушении (ч. 2 ст. 25.6 КоАП РФ).

Определенная условность базовой классификации мер административного принуждения может также проявляться в частичном совпадении их отдельных характеристик. Например, административные наказания применяются для предупреждения административных правонарушений (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ), срок административного задержания засчитывается в срок административного ареста (ч. 3 ст. 32.8 КоАП РФ), одной из целей мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях служит пресечение административных правонарушений (ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ), применение административно-предупредительных мер (например, медицинского освидетельствования (ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах») служит целям обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и т.д.

Нередко к числу мер административного принуждения относят (как представляется, безосновательно) мероприятия, служащие нормативно определенным условием реализации лицом своего субъективного права. Типичным примером может служить предполетный досмотр (досмотр ручной клади и багажа пассажиров гражданских воздушных судов), предусмотренный ч. 1 ст. 85 Воздушного кодекса Российской Федерации. Важно отметить, что его проведение является условием реализации договора воздушной перевозки и не связано с возникновением правовой аномалии. Аналогичные примеры можно найти

даже в решениях Конституционного Суда Российской Федерации¹.

С учетом действующего законодательства (отсутствия прямого указания наименования групп мер принуждения) и практики высших органов судебной власти вариативность наименований отдельных групп мер административного принуждения вполне допустима. Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 29 июня 2012 г. N 16-П «По делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина» административно-предупредительной мерой именуется нормативный запрет, установленный федеральным законом. Соответственно, в имеющихся условиях решающее значение имеют аргументы учебно-методической направленности, поскольку классификация должна в максимальной степени способствовать охвату разнообразных проявлений исследуемой категории, систематизации фактов, с которыми обучающийся (в последующем – правоприменитель) столкнется.

Так, довольно популярный в научной литературе подход Д.Н. Бахраха, в соответствии с которым «принуждение применяется только к конкретным субъектам права, которые нарушили юридические нормы» [6, с. 378], вполне последовательно исключает возможность выделения мер административного предупреждения. Однако объективно существуют: а) задержание лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, – до передачи их в лечебные учреждения либо по месту жительства (п. 11 ч. 2 ст. 14 Закона о полиции), 2) проникновение в жилые помещения для установления обстоятельств несчастного случая (п. 4 ч. 3 ст. 15 Закона о полиции), 3) беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежа-

щие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом (п. 11 ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 3-ФЗ «О противодействии терроризму»); принудительная госпитализация и лечение больных, страдающих психическим заболеванием и представляющих опасность для окружающих (ст. 29-36 Закона РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»), или больных наиболее опасными видами инфекционных заболеваний (ст. 33 Федерального закона от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и т.д. При указанном подходе перечисленные и многие аналогичные меры оказываются не охваченными учебным курсом, при объективном существовании перечисленных инструментов не предлагаются специальные обобщающие термины и классификации.

При характеристике третьей группы мер административного принуждения многими авторами используется термин «меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях», в том числе в контексте утверждения его синонимичности мерам административно-процессуального обеспечения [3, с. 206-235; 5, с. 7-9; 12, с. 4]. Однако, как представляется, содержание последних не ограничивается сферой производства по делам об административных правонарушениях. Целям обеспечения административных производств могут служить также меры принуждения, предусмотренные ст. 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», ст. 28.7 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и др.

Четвертая группа мер административного принуждения, как правило, связывается с административными наказаниями [3, с. 206-235; 5, с. 7-9; 11, с. 161-165; 12, с. 476], хотя в научной и учебной литературе обычно

1 По делу о проверке конституционности части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданина Р.Р. Идиятдинова : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 N 38-П.

не подвергается сомнению собирательный характер категории «ответственность по административному праву», дополнительно к административной охватывающей, как минимум, материальную и дисциплинарную ответственность отдельных субъектов [2, с. 472; 4, с. 269-300]. Возможно, более точным было бы использование термина «меры ответственности по административному праву».

Нет сомнений в том, что при имеющихся условиях, различиях в подходах к отдельным вопросам базовая классификация убедительно демонстрирует многообразие мер административного принуждения, наличие их системы с учетом критерия целевого предназначения и отсутствие повода говорить о закрытости их перечня. А в этих условиях вполне допустимы, уместны и целесообразны и иные, дополняющие, классификации, раскрывающие иные, пусть даже менее важные, аспекты системы мер административного принуждения.

Сегодня, как правило, в качестве дополняющих упоминаются те из них, которые отражают возможности реализации в судебном и внесудебном порядках, а также применения к физическим или юридическим лицам. В отношении первой из них интересно отметить, что А.И. Елистратов связывал административное принуждение с «возможностью для администрации прибегать к принудительным мерам по собственному почину, без предварительного судебного постановления, устанавливающего закономерность данного требования» [7, с. 561], то есть исключал саму возможность именовать такие меры мерами административного принуждения.

Наряду с простыми мерами административного принуждения, предполагающими однократное выполнение требования (отказ от совершения определенных действий), можно, как представляется, выделять комплексные, реализация которых может быть значительно растянута во времени и предполагает необходимость совершения целого ряда действий. Примером могут служить контроль за лицами, освобожденными из мест лишения свобод [1, с. 71], возложение на лицо обязанностей, предусмотренных ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ,

либо связанных с реализацией представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения (ст. 29.13 КоАП РФ), принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и др.

Наряду с абсолютным большинством мер, носящих адресный характер, существуют те, которые ориентированы на неограниченный круг лиц, например временное ограничение или запрещение движения транспорта и пешеходов.

Многие меры административного принуждения связаны с предъявлением соответствующих требований должностных лиц, однако есть и такие, которые реализуются без предъявления требований, например, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 19 Закона о полиции, при законном проникновении в жилище в отсутствие его владельца. При этом требования также могут быть предметом различных классификаций. Например, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 20 Закона о полиции сотрудник полиции вправе применять физическую силу «для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции». При этом такая возможность связана далеко не со всеми законными требованиями. Например, физическая сила может быть применена в случае отказа беспризорного малолетнего проследовать в отдел полиции (п. 1 ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики и правонарушений несовершеннолетних») и не может – в случае отказа лица пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения, в случае отказа свидетеля по делу об административном правонарушении назвать свои фамилию, имя, отчество. В таких случаях нарушитель будет привлечен к административной ответственности, и применяемые к нему меры административного принуждения будут продиктованы именно этим фактом. Иным образом обеспечивается требование должностных лиц полиции уничтожить дикорастущие наркосодержащие растения. Здесь правонарушитель дополнительно

но сталкивается с перспективой возложения обязанности оплатить стоимость проведенных на его участке мероприятий.

В этом контексте представляется интересным и перспективным подход, предложенный И.Т. Тарасовым, который связывал возможность применения мер административного принуждения с «переходными моментами от распоряжения к принуждению», в числе которых называл: «1) приказание, 2) приказание с угрозой исполнения приказываемого за счет обязанного, 3) приказание с угрозой наказания, 4) приказание с угрозой физического принуждения» [14, 178-179].

В современных условиях подобную классификацию можно было бы представить в следующем виде:

– требования, обеспечиваемые мерами ответственности. К числу таких мер можно было бы отнести меры, предусмотренные ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», ст. 27.12-27.12.1 КоАП РФ, ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, п.п. 2, 4 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции и т.д.;

– требования, обеспечиваемые непосредственным ограничением прав и свобод (на-

пример, при задержании, предусмотренном п. 11 ч. 2 ст. 14 Закона о полиции, при изъятии предметов, средств и вещей у малолетних при отсутствии данных о наличии законных оснований для их ношения и хранения);

– требования, обеспечиваемые комбинированным воздействием (например, требование прекратить административное правонарушение, совершаемое в форме действия, пройти в орган внутренних дел в случае применения задержания, уничтожить дикорастущие наркосодержащие растения и т.д.);

– действия, связанные с непосредственным ограничением прав и свобод (например, задержание транспортного средства (ст. 27.13 КоАП РФ), временное ограждение определенных мест и объектов (п. 6 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции)).

Можно предположить, что внимание к этому дополнительному аспекту может способствовать более глубокому изучению тематики мер административного принуждения как в научном, так и в учебно-методическом аспектах.

Библиографический список

1. Административная деятельность полиции : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Майорова, канд. юрид. наук, доц. Р.Ю. Аврутина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – 576 с.
2. Административное право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. – СПб., 2024. – 472 с.
3. Административное право России : учебник и практикум для вузов / под ред. А.И. Стахова, П.И. Кононова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 484 с.
4. Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации : учебник / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1996. – 680 с.
5. Аникеенко, Ю.Б. Административно-деликтное право : учебное пособие / Ю.Б. Аникеенко, Н.В. Новоселова ; под общ. ред. канд. юрид. наук, проф. С.Д.Хазанова. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 293 с.
6. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2006. – 528 с.
7. Елистратов, А.И. Основные начала административного права / А.И. Елистратов // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века : хрестоматия /

сост. и вступит. ст. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – 624 с.

8. Еропкин, М.И. Избранные труды / М.И. Еропкин ; под общ. ред. А.П. Шергина, В.Г. Таряна. – М.: Эксмо, 2010. – 688 с.

9. Каплунов, А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... докт юрид. наук/ А.И. Каплунов. – М., 2005. – 58 с.

10. Лубенков, А.В. Административно-правовые средства принуждения: научно-методологические основы реализации сотрудниками органов внутренних дел Республики Беларусь : монография / А.В. Лубенков, А.И. Каранкевич. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2018. – 330 с.

11. Макарейко, Н.В. Административное право : учебное пособие для вузов / Н.В. Макарейко. – 10-е изд., перер. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 259 с.

12. Общее административное право : учебник / под ред. Ю.Н.Старилова. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 848 с.

13. Применение сотрудниками органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ отдельных мер административного принуждения : учебное пособие / Н.Н. Цуканов, А.В. Жильцов, А.Ю. Иванов [и др.]. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. – 204 с.

14. Тарасов, И.Т. Очерк науки полицейского права / И.Т. Тарасов // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века : хрестоматия / сост. и вступит. ст. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – 624 с.

15. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 567 с.

16. Цуканов, Н.Н. К вопросу о приоритете метода убеждения / Н.Н. Цуканов, А.Н. Добров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – N 4(53). – С. 139-144.

УДК 343.8

Андрей Петрович СКИБА,

профессор кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осужденными
Академии ФСИН России (г. Рязань),
доктор юридических наук, профессор

apskiba@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ**

**PROSPECTS FOR IMPROVING THE INTER-SECTORAL REGULATION
OF PAROLE FROM SERVING A SENTENCE IN THE CONTEXT
OF FIGHTING CORRUPTION**

В статье с учетом анализа положений преимущественно Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выявляется ряд недостатков межотраслевого регулирования, которые создают основу для чрезвычайно широкого усмотрения субъектов, участвующих в принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания. Изучается позиция по этому вопросу и Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Аргументируется вывод о целесообразности для повышения эффективности борьбы с коррупцией при принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного корректировки уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства путем уточнения полномочий и сокращения усмотрения соответствующих субъектов (особенно сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, судей и прокуроров) на различных этапах стадии исполнения приговора, а также конкретизации критериев данного вида досрочного освобождения от отбывания наказания.

A number of shortcomings of inter-sectoral regulation, which create the basis for an extremely wide discretion of the parties involved in decision-making on granting a parole to a convicted person are identified in the article, taking into account the analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Penal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as well as the attitude of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue.

The author draws the conclusion on the necessity to adjust the criminal, criminal procedure and penal legislation by clarifying the powers and reducing the discretion of relevant parties (especially penal institutions officers, judges and prosecutors) at various stages of serving a sentence, as well as specifying criteria of this type of early release from serving a sentence to increase the effectiveness of fighting corruption when deciding on granting a parole to a convicted person.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, условно-досрочное освобождение осужденного от отбывания наказания, представитель учреждения или органа, исполняющего наказание, судья, прокурор, критерии освобождения, этапы стадии исполнения приговора.

Keywords: fight against corruption, early release of a convicted person from serving a sentence, penal institution representative, a judge, a prosecutor, criteria for release, stages of serving a sentence.

Условно-досрочное освобождение является наиболее применяемым видом досрочного освобождения от отбывания наказания ежегодно в отношении десятков тысяч осужденных, реализуемым судом в стадии исполнения приговора. Данный институт является межотраслевым, регулируемым прежде всего в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве [1, с. 54-59; 2, с. 35-39; 7, с. 14-17; 16, с. 37-44].

Вместе с тем в юридической литературе обращается внимание на многочисленные коллизии, «белые пятна» и иные недостатки законодательства в сфере условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, которые отчасти выступают предпосылками коррупции ввиду чрезвычайно широкого усмотрения, предоставляемого субъектам, участвующим в принятии этого решения (это проявляется и в правоприменительной деятельности – прим. авт.). Специалистами отмечается размытость критериев оценки поведения осужденного в контексте принятия решения об его условно-досрочном освобождении, неопределенность правового положения осужденного и полномочий соответствующих субъектов в стадии исполнения приговора и т.п. [3, с. 185-191; 5, с. 32-38; 8; 10, с. 292-297; 12, с. 49-53]

В этой связи для повышения эффективности борьбы с коррупцией при принятии решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания выделим ряд направлений совершенствования межотраслевого регулирования рассматриваемого института.

Во-первых, следует устранить различия в перечне критериев для условно-досрочного освобождения осужденных, указанных в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ и ч. ч. 1 и 2 ст. 175 УИК РФ. Так, имеются такие, которые указаны только в уголовном законе без аналогичного упоминания в уголовно-исполнительном (в частности, имеющиеся у осужденного поощрения и взыскания). При этом перечень таких критериев в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ носит исчерпывающий характер, в то время как в ч. 1 ст. 175 УИК РФ закреплено, что в ходатай-

стве осужденного «могут содержаться иные сведения, свидетельствующие об исправлении».

Кроме того, некоторые критерии, указанные как в УК РФ, так и УИК РФ, в целом при общем сходстве все же имеют определенные отличия в формулировках. К таким можно отнести, например, «раскаяние в совершенном деянии» и «отношение к совершенному деянию» либо «частично или полностью возмещение причиненного ущерба» и «возмещение причиненного преступлением вреда».

Это позволяет соответствующим субъектам (судьям, прокурорам, представителям администрации исправительного учреждения и пр.) на различных этапах стадии исполнения приговора (при возбуждении производства, подготовке дела к судебному заседанию и как таковом судебном заседании [4, с. 42-48; 6, с. 78-89; 11, с. 39-47; 13]) вырабатывать абсолютно разные решения, которые формально в той или иной степени соответствуют законодательству. Вне всякого сомнения, такая ситуация может выступать предпосылкой коррупции.

Во-вторых, между вышеобозначенными нормами уголовного и уголовно-исполнительного законов имеются отличия и по перечню документов, подготавливаемых в суд.

Так, в отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ говорится об учете судом «результатов судебно-психиатрической экспертизы», в то время как в ч. 2 ст. 175 УИК РФ – о «заключении лечащего врача» (что не одно и то же – прим. авт.).

В-третьих, в ч. 1 ст. 175 УИК РФ предусмотрено, что осужденный или его адвокат (законный представитель) вправе ходатайствовать об освобождении от дальнейшего отбывания наказания по ст. 79 УК РФ. Данное ходатайство подается через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание.

Данный подход оставляет ряд неурегулированных вопросов, позволяющих по собственному усмотрению принимать решение некоторым субъектам. Так, не понятно, если соответствующее ходатайство направляется в суд напрямую, а не через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание (т.е. фактически нарушено положение ч. 1 ст. 175 УИК РФ – прим. авт.), каким образом на это должны реагировать сотрудники уголовно-исполнительной системы? Аналогичная ситуация также возникает на втором и третьем этапах стадии исполнения приговора – вправе ли судья не принимать к рассмотрению такое ходатайство и вернуть его без рассмотрения в учреждение или орган, исполняющий наказание?

В-четвертых, вызывают недоумение коренные изменения правового статуса сотрудников учреждения или органа, исполняющего наказание, на разных этапах стадии исполнения приговора.

Так, при возбуждении производства администрацией вышеуказанного учреждения или органа дается заключение о целесообразности условно-досрочного освобождения, готовится характеристика на осужденного и т.п. (ч. 2 ст. 175 УИК РФ), что теоретически должно ориентировать суд на принятие того или иного решения по ст. 79 УК РФ. Однако на последующих этапах у представителя учреждения или органа, исполняющего наказание, нет никаких серьезных полномочий вплоть до отсутствия права на обжалование судебного решения. Более того, в судебном заседании по ч. 7 ст. 399 УПК РФ на него возложена только обязанность делать доклад без предусмотрения каких-либо прав, включая даже заявление ходатайства или представление дополнительных документов, прямо не предусмотренных в ч. 2 ст. 175 УИК РФ, несмотря на ход судебного заседания (подобные проблемы регулирования полномочий представителя учреждения или органа, исполняющего наказание, анализируются в юридической литературе [9, с. 103-107; 14, с. 230-234; подр.: 15, с. 9-13]).

Получается, что при неопределенности критериев условно-досрочного освобожде-

ния от отбывания наказания в той или иной степени возможный субъективизм о целесообразности такого решения сначала преимущественно распространяется на действия администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, а затем на иных участников стадии исполнения приговора.

В-пятых, алгоритм проведения судебного заседания крайне лаконично прописан в ч. 7 ст. 399 УПК РФ. Так, сначала делает доклад представитель соответствующего учреждения или органа, затем исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление.

В результате, очевидно, что и здесь многое остается на усмотрение судьи, в том числе выносящего итоговое постановление, а также прокурора, который высказывает свое мнение по существу вопроса в судебном заседании и впоследствии обладает правом обжаловать судебное решение.

Вышеуказанные и другие коллизии, «белые пятна» и иные недостатки законодательства в сфере условно-досрочного освобождения, вне всякого сомнения, могут способствовать коррупционному поведению у соответствующих субъектов на различных этапах принятия решения в стадии исполнения приговора.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 апреля 2009 г. N 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» вскользь затронул некоторые из вышеуказанных проблем, что в целом кардинально не улучшает ситуацию в рассматриваемой области.

Однако и указанные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации рекомендации в этой области вызывают следующие, в частности, вопросы:

– суды не могут отказать в условно-досрочном освобождении осужденных по основаниям, не указанным в законе, таким как наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в

одном из исправительных учреждений и т.д. (п. 6). В то же время эта позиция вызывает недоумение ввиду того, что в уголовно-исполнительном законе прямо предусмотрено отсутствие исчерпывающего перечня критериев, которые могут учитываться при оценке степени исправления осужденного для его условно-досрочного освобождения;

– согласно п. 6 наличие у осужденного взысканий само по себе не может свидетельствовать о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания, и следует учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления, данные о снятии или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения. В этом случае получается, что, например, даже совершение нарушения, не относящегося к злостному по ч. 1 ст. 116 УИК РФ, но за которое осужденный был водворен в штрафной изолятор в соответствии с ч. 1 ст. 115 УИК РФ, или наоборот, когда за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания ему объявлен выговор – все это не является основанием для отказа ему в условно-досрочном освобождении. Налицо возможность практически неограниченного субъективизма в оценке поведения осужденного, когда ранее наложенное взыскание, явившееся основанием для отрицательной характеристики осужденного, не признается судом незаконным, но фактически может не учитываться при принятии решения об его условно-досрочном освобождении (более того, там же Пленумом Верховного Суда РФ устанавливается запрет на оценку не только наложенных на осужденного взысканий, но и поощрений, что априори устанавливает некую презумпцию отсутствия надлежащей юридической силы решений администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, что вряд ли является обоснованным – прим. авт.);

– указание в п. 7 о том, что суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении, если в силу объективных причин осужденный возместил причиненный преступлением вред (материальный ущерб и моральный вред) лишь в незначительном размере, фактически ориентирует осужденных на некое игнорирование приговора суда, в котором отражен размер причиненного им вреда, а также положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, где закреплена данный критерий.

При этом в условиях размытости критериев условно-досрочного освобождения от отбывания наказания немаловажным становится учет судьями мнений прокурора и администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. Однако в настоящее время Пленумом Верховного Суда Российской Федерации никаких указаний по этому поводу не дается.

Было бы логичным предположить, что для дооформления соответствующих материалов, уточнения оценки степени исправления осужденного, дополнительной проверки законности действий в его отношении со стороны администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, при изменении позиции последнего участника и т.п. в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации в контексте обсуждения вопроса об условно-досрочном освобождении следовало предусмотреть возвращение этих материалов обратно в учреждение. Однако подобное, к сожалению, закреплено в иных случаях, например, в п. 16, если осужденный, его законный представитель, адвокат обратились с ходатайством об условно-досрочном освобождении ранее фактического отбытия осужденным части срока наказания, предусмотренного в ст. 79 УК РФ.

Таким образом, для повышения эффективности борьбы с коррупцией при принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного целесообразна корректировка уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства путем сокращения усмотрения соответствующих субъектов на различных этапах

стадии исполнения приговора, уточнения их полномочий (статуса), а также конкретизации

критериев данного вида досрочного освобождения от отбывания наказания.

Библиографический список

1. Арямов, А.А. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в судебной практике / А.А. Арямов, Д.В. Долгополов // Российское правосудие. – 2009. – N 7 (39). – С. 54-59.
2. Бабаян, С.Л. Некоторые вопросы применения межотраслевого поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / С.Л. Бабаян // Человек: преступление и наказание. – 2012. – N 3 (78). – С. 35-39.
3. Бекетов, А.О. Толкование условий применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / А.О. Бекетов, К.Н. Карпов, Е.В. Стебенева // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – N 2. – С. 185-191.
4. Воронин, О.В. Участие прокурора в стадии исполнения приговора / О.В. Воронин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2011. – N 1. – С. 42-48.
5. Иванов, А.А. Требования принципа индивидуализации исполнения наказания как важный фактор противодействия коррупционности и субъективизму института условно-досрочного освобождения от наказания / А.А. Иванов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – N 1. – С. 32-38.
6. Качалов, В.И. Перспективы совершенствования разрешения судом вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания / В.И. Качалов // Российское правосудие. – 2021. – N 2. – С. 78-89.
7. Кашуба, Ю.А. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд / Ю.А. Кашуба, А.П. Скиба // Человек: преступление и наказание. – 2011. – N 1. – С. 14-17.
8. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А.А. Крымова ; под науч. ред. А.П. Скибы. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 407 с.
9. Крымов, А.А. Права представителя администрации исправительного учреждения при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора / А.А. Крымов // Юридическая мысль. – 2015. – N 2 (88). – С. 103-107.
10. Мяханова, А.Н. К вопросу о коррупции при условно-досрочном освобождении / А.Н. Мяханова, Д.В. Синьков // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Т. 15. – N 3. – С. 292-297.
11. Николук, В.В. Проблемы осуществления правосудия на стадии исполнения приговора в контексте позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации о праве осужденного на судебную защиту / В.В. Николук, Л.А. Пупышева // Законодательство и практика. – 2022. – N 2 (49). – С. 39-47.
12. Пупышева, Л.А. Противодействие коррупции в сфере применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Л.А. Пупышева // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – N 1 (37). – С. 49-53.
13. Свиридов, М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания / М.К. Свиридов. – Томск, 1972. – 136 с.
14. Серебренникова, А.В. Проблемы исполнения приговора: уголовно-исполнительные вопросы / А.В. Серебренникова // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов вы-

ступлений и докладов участников V международного пенитенциарного форума (приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): в 9 т. – Рязань, 2021. – Т. 1. – С. 230-234.

15. Скиба, А.П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – N 2. – С. 9-13.

16. Тепляшин, П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению / П.В. Тепляшин // Пролог. – 2014. – N 4 (8). – С. 37-44.

УДК 343.1

Александр Сергеевич ДЕЖНЕВ,
профессор кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
omsk-das@mail.ru

Антон Васильевич ПАВЛОВ,
начальник кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
pavlov_oma@mail.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В УСЛОВИЯХ ПРОХОЖДЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ ЛИБО ОБВИНЯЕМЫМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME WHILE THE SUSPECT OR ACCUSED IS UNDERGOING MILITARY SERVICE

Статья посвящена исследованию вопросов, возникающих при реализации новых оснований приостановления производства по уголовному делу, а также его прекращения, обусловленных особыми условиями военной службы подозреваемого, обвиняемого. Определены недостатки законодательного регулирования, предусматривающие разрешение вопросов, связанных с возмещением вреда, причиненного противоправными действиями лица, освобождаемого от уголовной ответственности и наказания в порядке гражданского судопроизводства. Этот порядок содержит препятствия реализации интересов потерпевшего по возмещению вреда, причиненного преступлением. Предложены подходы, направленные на создание механизмов межотраслевого взаимодействия для решения поставленных проблем.

The article is devoted to the study of issues arising from the implementation of new grounds for suspending criminal proceedings, as well as its termination, due to the special conditions of the military service of the suspect or accused. The shortcomings of legislative regulation are identified, providing for the resolution of issues related to compensation for harm caused by unlawful actions of a person exempted from criminal liability and punishment in civil proceedings. This procedure contains obstacles to the realization of the victim's interests to compensate for the harm caused by the crime. The approaches aimed at creating mechanisms for intersectoral interaction to solve the problems are suggested.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, возмещение имущественного вреда, гражданский иск, приостановление производства по уголовному делу, наложение ареста на имущество.

Keywords: suspect, accused, compensation for property damage, civil claim, suspension of criminal proceedings, seizure of property.

Современные военные и социально-политические угрозы диктуют необходимость принятия эффективных решений, направленных на защиту государства. В этих условиях оправданы законодательные шаги,

предусматривающие повышенные меры охраны лиц, принимающих непосредственное участие в отстаивании государственных интересов с риском для своей жизни и здоровья. Принятый 23 марта 2024 года Федеральный

закон¹ содержит новеллы, предусматривающие возможность освобождения не только от уголовной ответственности определенной категории граждан, но и закрепляющий для них специальные правила принятия некоторых благоприятных решений при производстве по уголовным делам. Речь идет о подозреваемых, обвиняемых, призванных или проходящих военную службу в период мобилизации или военного времени (военного положения) либо заключивших для этого соответствующий контракт. Законодатель достаточно определенно формулирует для них специальные основания и порядок прекращения уголовного преследования, а также приостановления по нему производства (ст. 28.2, п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Между тем есть вопросы, решение которых в условиях реализации введенных указанным нормативным правовым актом механизмов правового регулирования неочевидно.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 3 указанного Федерального закона вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного противоправными действиями, лицами, освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания в порядке и по основаниям, которые установлены УПК РФ и УК РФ, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства. В определенной степени оправданно желание законодателя передать многочисленные споры имущественного характера в сферу гражданского судопроизводства. Между тем полагаем, что их эффективное решение в рамках иной правовой процедуры не всегда достижимо.

До принятия решения о прекращении уголовного преследования (ст. 28.2 УПК РФ) или его приостановлении (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) следователь, дознаватель принимают меры по установлению определенного вида имущества и его аресту для реализации целей, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Закономерен вопрос о судьбе этого решения и самого арестованного имущества при наступлении события, связанного с указанными выше особенностями военной служ-

бы. Полагаем, что в случае приостановления производства по новому основанию должны сохраняться общие правила реализации данного решения, предусмотренные ст. 115.1, чч. 6, 7 ст. 208 УПК РФ. Обусловлен данный вывод тем, что итоговое решение по уголовному делу еще не принято. При отсутствии оснований, предусмотренных ст. 28.2 УПК РФ, оно может быть возобновлено и направлено в суд для решения вопроса о виновности лица. Другое дело, что срок контракта военнослужащего, его служба по призыву могут занимать достаточно продолжительное время. Это необходимо учитывать при исчислении сроков применения данной меры процессуального принуждения, обеспечении надлежащих условий хранения имущества, подвергнутого аресту.

Дополнительные сложности по реализации рассматриваемых новелл могут возникнуть при определении судьбы арестованного имущества в результате прекращения уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого на основании ст. 28.2 УПК РФ. Если ориентироваться на содержание ч. 2 ст. 3 рассматриваемого Федерального закона, вопрос, связанный с возмещением вреда, причиненного противоправными действиями лица, непосредственно касается лишь гражданского иска. В соответствии с ч. 4 ст. 213 УПК РФ потерпевшему, гражданскому истцу разъясняется право предъявить его в порядке гражданского судопроизводства. Законодатель недвусмысленно дает понять, что данный вопрос решается в рамках другой правовой процедуры, которая предусмотрена ГПК РФ.

Открытым остается вопрос о том, должен ли следователь, дознаватель отменять решение об аресте имущества при прекращении уголовного преследования на основании ст. 28.2 УПК РФ. Применительно к мерам пресечения законодатель определил, что в соответствии с ч. 1 ст. 110 УПК РФ она отменяется при наступлении обстоятельств, указанных в п. 3.1 ч. 1 и ч. 9 ст. 208 УПК РФ. Между тем вопрос о возможности сохра-

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 N 64-ФЗ // Российская газета. 2024. 27 марта.

нения действия иных мер процессуального принуждения, в частности для обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, он оставил без внимания.

Проблема состоит в том, что в настоящее время еще не разработан механизм передачи материалов уголовного дела в гражданский процесс. На этом фоне защита имущественных интересов потерпевшего от преступления усложняется. В значительной степени решение этого вопроса ложится на плечи потерпевшего, гражданского истца. Предусмотренные ст. 28.2 УПК РФ законодательные установления не учитывают их мнение при прекращении уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого. Достаточно лишь получения согласия руководителя следственного органа или прокурора в зависимости от формы предварительного расследования. Между тем в соответствии с требованиями ст. 52 Конституции РФ государство обеспечивает потерпевшим не только доступ к правосудию, но и компенсацию причиненного ущерба. Для решения этой задачи, с учетом последних изменений уголовно-процессуального законодательства, должна быть предусмотрена возможность межотраслевого взаимодействия. Очевидна необходимость разработки механизма не только передачи материалов уголовного дела в гражданский процесс, но и определения их правового значения, легитимности принимаемых ранее решений и полученных на их основе сведений. Помимо этого требуется создание адаптированной формы реализации интересов потерпевшего в рамках гражданского производства.

Уголовно-процессуальное законодательство содержит примеры, связанные с передачей материалов уголовного дела в гражданский процесс. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 309 УПК РФ при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложе-

ния судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. В другом случае отмена ареста безналичных денежных средств, возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения, также могут быть связаны с их разрешением в порядке гражданского судопроизводства (ч. 9 ст. 115, ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ). Аналогично могут решаться споры о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ) [подр.: 2, с. 18]. Это направление развития уголовно-процессуальных отношений поддерживается Конституционным Судом РФ. В одном из своих решений он допустил возможность возмещения причиненного преступлением вреда путем установления федеральным законодателем процедурных механизмов перевода ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство в случае признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска¹.

Сходные вопросы возникают в случаях причинения вреда преступными действиями лиц, страдающих психическим расстройством. По этому поводу Пленум Верховного Суда РФ указал, что «гражданский иск, заявленный по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера, не подлежит рассмотрению, что не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, о чем суд принимает соответствующее решение»².

В этих условиях, как отмечает Д.Т. Арабули, потерпевшие оказываются в наиболее уязвимом положении, поскольку не имеют реальной возможности претендовать на своевременное возмещение вреда, причиненного

1 По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 N 18-П // Российская газета. 2019. 29 апреля.

2 О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 // Российская газета. 2011. 20 апреля.

деянием, запрещенным уголовным законом. При этом УПК РФ допускает предъявление требований о возмещении вреда (чч. 3, 4 ст. 42, ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Существует обязанность государственных органов и должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, доказать и отразить в процессуальных решениях характер и размер вреда, причиненного деянием (п. 3 ч. 2 ст. 434, п. 1 ч. 4 ст. 439 УПК РФ) [1, с. 12-16].

С учетом перечисленных обстоятельств достаточно четко прослеживается линия развития законодательства и судебной практики, направленная на решение разных вопросов уголовного дела (как правило, имущественного характера) в рамках гражданского судопроизводства. В нашем случае речь идет о появлении еще одного аспекта такого рода, связанного с прекращением уголовного преследования. Несмотря на окончание производства в отношении лица, здесь право на удовлетворение гражданского иска судом еще не подтверждено. На фоне возникновения нового аспекта правового регулирования полагаем, что призыв Конституционного Суда РФ к разработке механизмов перевода ареста имущества из уголовного в гражданское судопроизводство вновь актуализируется. Соответствующий порядок должен учитывать случаи прекращения уголовного преследования. При этом последующее рассмотрение такого рода вопросов в рамках гражданского судопроизводства не должно сопровождаться потерей гарантий защиты интересов личности. Это касается сферы защиты интересов потерпевшего, гражданского истца, иных участников уголовного процесса, а также режима сохранности спорного имущества, исчисления судебных издержек и других вопросов. Отсутствие формальных правил определения судьбы арестованного имущества, являющегося предметом спора в связи с преступным событием, способствует формированию в настоящее время ситуации неопределенности в обеспечительной деятельности государства по компенсации причиненного ущерба. Сформировавшаяся проблема с нарастающей динамикой создает

существенные препятствия реализации положений ст. 52 Конституции РФ по отдельным категориям уголовных и гражданских дел. Фактически можно констатировать наличие межотраслевого пробела правового регулирования.

Наряду с этим важно обратить внимание на то, что вопрос, связанный с возмещением вреда, причиненного преступлением, зачастую прямо касается существа самого события преступной деятельности. Не случайно в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, включены данные, связанные с установлением характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Соответствующая деятельность следователя, дознавателя особенно характерна для преступлений в сфере экономики (раздел VIII УК РФ). С учетом того, что по основанию, предусмотренному п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное расследование может быть приостановлено до окончания его срока (ч. 4 ст. 208 УПК РФ), деятельность по доказыванию, в том числе его имущественный аспект, может оказаться незавершенной. Предусмотренные ч. 3 ст. 209 УПК РФ ограничения не позволяют в полной мере выполнять соответствующую функцию.

В этих условиях при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, потерпевший, гражданский истец будут вынуждены доказывать в гражданском процессе факты, лежащие в основе уголовного и уголовно-процессуального законодательства. С учетом диспозитивных начал гражданского судопроизводства реализация этой функции труднодостижима, тем более что указанные лица будут выступать в другом правовом статусе. Думаем, что такое положение вещей вряд ли оправданно. В сложившейся ситуации подозреваемый, обвиняемый при заключении контракта о прохождении военной службы в условиях, предусмотренных ст. 28.2 УПК РФ, фактически получают потенциальную возможность освобождения как от уголовной, так и от имущественной ответственности за совершенное преступление. Но по делам о преступлениях в сфере

экономики реализация имущественной ответственности, возмещение вреда, как показывает интервьюирование следователей, дознавателей и судей, нередко для потерпевших и гражданских истцов имеет приоритетный характер¹.

Анализируемая новелла достаточно определенно характеризует публичные начала уголовного судопроизводства. Законодатель уходит от учета мнения потерпевшего при принятии решения о прекращении уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ. В сложный исторический период государство более активно использует механизмы, ориентированные за защиту общественно значимых интересов. Здесь используется подход, аналогичным образом проявленный в главе 40.1 УПК РФ. При заключении с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, позиция потерпевшего при удовлетворении соответствующего ходатайства не учитывается. Только в этом случае речь идет о приоритетах, связанных с повышением эффективности борьбы с преступностью.

Используемый подход не означает, что в сложившихся условиях следует отказаться от реализации требований ст. 52 Конституции РФ. Важно обратить внимание на то, что по основаниям, предусмотренным п.п. 3-4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, предварительное следствие может быть приостановлено и до окончания его срока. Другими словами, принятие соответствующего решения – право следователя, дознавателя. Ничто не мешает указанным должностным лицам до удовлетворения ходатайства командования воинской части (учреждения) выполнить ряд следственных и иных процессуальных действий по установлению характера и размера вреда, причиненного преступлением. Это в последующем поможет потерпевшему, гражданскому истцу более эффективно отстаивать свои интересы в гражданском процессе. Не исключаем возникновение договорных обязательств между заинтересованными лицами, связанных с

возмещением вреда, причиненного преступлением, предусматривающих необходимые отчисления потерпевшему, гражданскому истцу.

Дополнительная неопределенность сложившегося положения возникает при совершении преступления в соучастии, например двумя лицами. Не исключено возникновение ситуации, при которой один из обвиняемых заключил вышеупомянутый контракт, а другой нет. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 154 УПК РФ уголовное дело в отношении военнослужащего подлежит выделению и, согласно новым правилам, приостановлению. Остается открытым вопрос о том, как решать судьбу гражданского иска? В рамках общего порядка или в порядке гражданского судопроизводства? С учетом общности события преступления и имущественной ответственности эта неопределенность может создать серьезные препятствия для реализации назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Это еще одна проблема, которую необходимо решить законодателю.

С учетом всего комплекса описываемых проблем, связанных с прекращением уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 28.2 УПК РФ, полагаем целесообразным доказывание имущественной ответственности подозреваемого, обвиняемого осуществлять преимущественно силами органов предварительного расследования. Для передачи соответствующих материалов в гражданский процесс требуется создание специальной межотраслевой процедуры, закрепленной в УПК РФ и ГПК РФ. Она должна предполагать возможность сохранения вводимых ранее ограничений, связанных с арестом имущества, для последующего возмещения вреда, причиненного преступлением. Создание такого рода условий позволит минимизировать материальные потери потерпевшего, гражданского истца, в свете реализации конституционного права на компенсацию причиненного ущерба.

¹ Этот вывод поддержали 76% респондентов. Данные были получены по результатам интервьюирования в апреле и мае 2024 года 38 следователей, 27 дознавателей и 14 судей, которые осуществляли профессиональную деятельность на территориях Омской, Кемеровской, Новосибирской областей, а также Хабаровского края.

Библиографический список

1. Арабули, Д.Т. Взгляд Конституционного Суда Российской Федерации на объем полномочий лиц, страдающих психическими расстройствами / Д.Т. Арабули // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 6. – С. 12-16.

1. Булатов, Б.Б. Наложение ареста на имущество / Б.Б. Булатов, А.С. Дежнев. – Омск, 2023. – 140 с.

УДК 343.34

Михаил Александрович МАТОРИН,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Калужского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
mihamud@yandex.ru

Юлия Николаевна МАТОРИНА,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Калужского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
yulyamatorina@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО
ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ,
ИСПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ РФ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ,
ОКАЗАНИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ, ОРГАНИЗАЦИЯМИ
ИЛИ ЛИЦАМИ СОДЕЙСТВИЯ В ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ, ВОЗЛОЖЕННЫХ
НА ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РФ ИЛИ ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РФ**

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE PUBLIC DISSEMINATION
OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE USE OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE PERFORMANCE BY STATE BODIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THEIR POWERS, THE PROVISION
BY VOLUNTEER FORMATIONS, ORGANIZATIONS OR PERSONS OF ASSISTANCE
IN CARRYING OUT TASKS ASSIGNED TO THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN
FEDERATION OR THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье раскрываются проблемы квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ. Актуальность изучения этой темы подтверждается сложностями применения данной правовой новеллы, связанными, прежде всего, с наличием оценочных признаков и конкурирующих составов. Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за данное преступление, а также практика их применения. Целью написания статьи является формулировка на основе анализа признаков рассматриваемого преступления конкретных предложений по изменению уголовного законодательства и практики его применения. Методологическую основу работы составили формально-юридический, системно-структурный, статистический и другие методы познания в их сочетании. В работе сделан вывод о необходимости толкования высшей судебной инстанцией основных признаков состава данного преступления, а также вопросов его отграничения от смежных составов.

The article reveals the problems of qualification of the crime provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of studying this topic is confirmed by the difficulties of applying this legal novel associated with the presence of evaluative features and competing formulations. The subject of the study is criminal law norms providing for liability for this crime, as well as the practice of its application. The purpose of this article is to formulate, based on the analysis of the signs of the crime in question, specific

proposals for changing criminal legislation and the practice of its application. The methodological basis of the work was formed by formal legal, system-structural, statistical and other methods of cognition in their combination. The paper concludes that it is necessary for the highest court to interpret the main features of the composition of this crime, as well as the issues of its separation from related compositions.

Ключевые слова: квалификация преступлений, клевета, распространение заведомо ложной информации, заведомо ложная информация об использовании Вооруженных сил РФ, смежные составы.

Keywords: qualification of crimes, defamation, dissemination of deliberately false information, deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, related structures.

Сначала проведения специальной военной операции Вооруженных Сил РФ (далее – ВС РФ) на территории Украины информационное пространство наводнили ложные и недостоверные сведения о действиях российской армии и государственных органов. Целью большинства подобных публикаций является подрыв авторитета государственной власти в целом и ее отдельных органов, дестабилизация ситуации в стране, разобщение общества. Вольно или невольно авторы и распространители фейковой информации становятся активными участниками информационной войны против нашего государства. Все это создает реальную угрозу общественной безопасности в самом широком ее понимании как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства.

Государство вправе защищать национальную безопасность и ее составляющую – общественную безопасность всеми законными средствами, в том числе уголовно-правовыми. Точнее, это его обязанность, которую оно реализовало путем принятия 4 марта 2022 года Федерального закона N 32-ФЗ. Закон содержал три новых преступления, связанных с проведением специальной военной операции на Украине. Мы будем говорить о ст. 207.3 УК РФ, которая изначально называлась «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ». Федеральным законом от 25 марта 2022 года N 63-ФЗ название и диспозиция статьи с 5 апреля 2022 года были

расширены за счет включения в число мишенной ложных сведений государственных органов РФ, исполняющих свои полномочия.

Подобное уточнение вполне объяснимо и своевременно, т.к. и для проведения операции, и для устройства мирной жизни на освобожденных территориях привлекаются различные государственные органы и службы (войска национальной гвардии РФ, подразделения МВД РФ, МЧС РФ и др.).

На этом совершенствование статьи не закончилось. Примерно через год предмет преступления еще пополнился ложными сведениями об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ. Что тоже вполне логично и отражает значение помощи фронту, которую оказывает население нашей страны. Кроме того, законодатель ужесточил наказание за данное преступление до 5 лет лишения свободы, переведя его в категорию преступлений средней тяжести в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ. Правки декабря 2023 года (ФЗ N 641-ФЗ от 25 декабря 2023 года) незначительны и уточняют факт выполнения задач специальной военной операции не только ВС РФ, но и войсками национальной гвардии РФ.

Ответственность за клевету традиционно присутствовала в уголовном законодательстве нашей страны. Не углубляясь в исторический экскурс, заметим, что в действующем УК РФ содержится общая норма об ответственности за клевету (ст. 128.1. УК РФ), а также специальная – ст. 298.1 УК РФ (хотя

попытки их декриминализации на современном этапе предпринимались и не безрезультатно). В УК РСФСР ответственность за распространение лжи была более разнообразной и дифференцированной. Кодекс помимо ст. 130 «Клевета» содержал, в частности, ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда», а также ст. 190.1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

Таким образом, наше государство всегда старалось защитить честь и достоинство отдельных граждан, а также авторитет государственных органов и государства в целом от потока лжи. Свободное распространение недостоверных сведений противоречит идее государственности, отсюда – власть не должна терпеть распространение лжи и посягательства на свою безопасность. Слабое государство не способно защитить права и интересы своих граждан. Поэтому несостоятельными представляются доводы противников рассматриваемых законодательных новелл, которые считают, что эти нормы посягают на свободу слова. Как справедливо заметил М.А. Бакунин, «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

Представляется, что включение в УК РФ ст. 207.3 является вполне обоснованным и даже немного запоздалым. Ведь проект данного Федерального закона был внесен в Государственную Думу РФ еще 14 мая 2018 года депутатами В.В. Володиным, Г.А. Зюгановым, В.В. Жириновским, С.И. Неверовым, С.М. Мироновым, И.И. Мельниковым, А.Д. Жуковым, А.К. Исаевым и членом Совета Федерации В.И. Матвиенко, прошел первое чтение, но тогда его отклонили.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, данная уголовно-правовая норма применяется довольно активно. В 2022 году по ст. 207.3 УК РФ были осуждены 14 человек (8 – по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, 6 – по ч. 2). В 2023 году количество осужденных выросло в 4,2 раза, до 59 (26 – по ч. 1, 33 – по ч. 2, по ч. 3 ст. 207.3 УК РФ осужденных нет), кроме это-

го 7 человек были признаны невменяемыми и к ним применены принудительные меры медицинского характера.

Для сравнения: по схожим ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, введенным Федеральным законом от 1 апреля 2020 года N 100-ФЗ в связи с распространением фейков о COVID-19, в 2020 году были осуждены только 5 человек, в 2021 году – 4, в 2022 году – 2, в 2023 году – 3¹.

Если смотреть на наказуемость данного преступления, то следует заметить, что, если в 2022 году к лишению свободы были осуждены только 2 человека, то в 2023 году – уже 30, и еще 5 – к условному лишению свободы. То есть можно сделать вывод об определенном ужесточении практики применения данной новеллы.

За несколько лет применения данной нормы практика столкнулась с рядом проблем квалификации публичного распространения подобной ложной информации. Указанные проблемы квалификации касаются как объективных, так и субъективных признаков состава данного преступления. Основные из них будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Начнем с проблем квалификации, связанных с предметом данного преступления. Отбросив споры о том, есть ли в данном составе предмет (а это дискуссионный вопрос в уголовном праве), сосредоточимся на фактах. Для наличия признаков рассматриваемого состава преступления необходимо распространение заведомо ложной информации определенного свойства. Здесь усматриваются три проблемы: первая – определение ложности информации, второе – критерии ложности, третье – содержание информации.

Ложность информации в ст.207.3 УК РФ понимается так же, как и в клевете. «Это качество, составляющее основу любой клеветнической активности, состоит в несоответствии распространяемой информации фактам и событиям, связанным с деятельностью адресата клеветнического воздействия — индивидуальным либо «коллективным» потерпевшим» [2, с. 62-63].

1 Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 28.07.2024).

Судебная практика в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» уточняет: «Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения».

На практике были примеры, когда защита пыталась замаскировать ложные сведения под «личное мнение» подзащитного, однако эти попытки закончились неудачей, были отклонены судом как несостоятельные [5, с. 57].

Вопрос с определением критериев ложности информации является более сложным. Обобщив практические материалы, профессор А.Г. Кибальник утверждает: «В судебной практике сформировалась позиция о том, что несоответствие распространяемой информации официальной позиции Минобороны РФ, а также иных федеральных органов власти само по себе является достаточным критерием установления ложного характера такой информации. В приговорах, вынесенных в особом порядке, это обстоятельство суды обычно констатируют как данность. В приговорах по делам, рассмотренным в общем порядке, обычно конкретизируется тот официальный источник (документ Министерства обороны РФ, иного федерального ведомства), которому противоречит распространенная информация» [4, с. 58-59].

Анализ уголовных дел за 2023-2024 годы показал, что правоприменитель стал подробнее описывать те документы, которым противоречат ложные сведения, распространяемые виновными. Начинается описание с основополагающих документов, касающихся проведения специальной военной операции, а затем уточняется конкретная информация из официальных источников, доступных неопределенному кругу лиц: из брифингов официального представителя Министерства обороны РФ, размещенных на официальном

сайте ведомства, из заявлений руководителей иных государственных структур и т.п. Такой подход представляется правильным, т.к. признак ложности – один из основных в подобных составах преступлений.

Заметим, что смысл приводимых в приговорах формулировок заключается в том, что информация об использовании ВС РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии РФ не должна противоречить официальной позиции после даты ее оглашения (опубликования).

Содержание ложной информации. В теории уголовного права общепринятым является представление о том, что «ложность распространяемых сведений должна касаться только фактических данных и фактических обстоятельств» [6, с. 74-75]. Оно подкрепляется разъяснениями, содержащимися в методическом письме «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации» (утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, протокол N 2 от 17 июня 2022 года): «Информация должна выражаться в форме утверждения о фактах и событиях, поскольку такой способ подачи информации позволит правомерно установить ее ложность или достоверность. Мнение о факте использования ВС РФ или оценка данного факта является признаком другого коммуникативного действия, а именно дискредитации использования ВС России»¹.

Наличие в тексте «информации, выраженной в форме утверждения о фактах и событиях» – типичный вывод лингвистической экспертизы по рассматриваемым преступлениям².

Что касается проблем квалификации, связанных с признаками объективной сторо-

1 URL: <https://base.garant.ru/405919417/> (дата обращения: 16.06.2024).

2 Приговор Ахтубинского районного суда (Астраханская область) от 30.01.2024 по делу N 1-35/2024 // СудАкт. Ру. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w2B4Sgc35e5x/> (дата обращения: 16.06.2024).

ны, то здесь важно проанализировать понятие «распространение» указанных сведений и публичный характер этих действий.

Наука уголовного права и практика единодушно признают, что деяние в виде *распространения* клеветнических сведений окончено в момент восприятия ложной информации хотя бы одним человеком (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года N 3).

Признак *публичности* можно истолковать с помощью ряда позиций высшей судебной инстанции, в частности, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п.п. 4 и 5), постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (п.п. 18-22).

На практике чаще всего встречается размещение такой информации в открытых сегментах популярных социальных сетей, что создает возможность ее восприятия неопределенным кругом лиц. Как правило, это сеть «ВКонтакте». Однако были примеры совершения данного преступления в виде непосредственного обращения к широкому кругу лиц (учитель к ученикам (пензенская учительница – к восьмиклассницам, которые записали беседу на диктофон и передали запись в правоохранительные органы¹), осужденного к другим осужденным (осужденный Волков распространил ложные данные среди четырех осужденных исправительной колонии N 5 в Пензенской области²) и др.

Перейдем к анализу проблем квалификации, связанных с признаками субъективной стороны. Применительно к клевете в судебной практике было указано, что *заведомость* знания о ложности распространяемой информации подразумевает, что уголовная от-

ветственность за распространение таких сведений возможна только с прямым умыслом³. Аналогичное толкование следует использовать и для новой статьи. Отсюда – уголовная ответственность невозможна при фактической ошибке, а также добросовестном заблуждении лица, распространяющего соответствующие сведения. Причем по каждому делу следует доказывать однозначное знание лица до начала публичного распространения о том, что информация не соответствует действительности. Это сложнее сделать в случаях, когда человек ретранслирует информацию из другого источника, что является преобладающим на практике.

Здесь уместным будет привести разъяснение высшей судебной инстанции относительно еще одной новеллы. Так, в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 года, указано, что «распространение заведомо ложной информации следует оценивать с учетом условий, в которых оно осуществляется, цели и мотивов совершаемых действий (например, для того, чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка), представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности».

Представляется, что высшая судебная инстанция должна прокомментировать наиболее существенные проблемы квалификации рассматриваемого преступления и в первую очередь истолковать субъективные признаки.

Еще один неоднозначный вопрос, требующий экспертного пояснения Пленума Верховного Суда РФ, – содержание *квалифицирующего признака использования лицом*

1 Учительнице дали 5 лет условно за дискредитацию армии в беседе с ученицей. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/08/2022/62eb9f509a7947b05ec0baf9> (дата обращения: 16.05.2024).

2 Приговор Первомайского районного суда г. Пензы Пензенской области от 17.10.2022 N 1-339/2022. URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=81673732> (дата обращения: 19.05.2024).

3 Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. N 2. С. 12.

своего служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ).

Так, по делу в отношении преподавателя, которая на уроке перед учениками распространила недостоверные сведения о Вооруженных силах РФ, суд отмечает: «Действия Г. ошибочно квалифицированы органом предварительного следствия как совершенные лицом с использованием своего служебного положения. По смыслу закона к лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ. Органом предварительного следствия в предъявленном обвинении не изложено, какие служебные полномочия использованы Г. при совершении преступления; в судебном заседании также не установлено, что Г. при совершении вышеописанных действий действовала как лицо, подпадающее под признаки, предусмотренные примечанием 1 к ст. 285 УК РФ либо примечанием 1 к ст. 201 УК РФ, и использовала свои служебные полномочия. При таких обстоятельствах суд полагает необходимым исключить из обвинения Г. квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения», поскольку он не нашел своего объективного подтверждения в ходе судебного разбирательства»¹.

В приведенном решении суд руководствуется общепринятым представлением о данном отягчающем обстоятельстве. Однако по ряду преступлений (ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) Верховный Суд РФ использует более широкое толкование, включив в перечень специальных субъектов не только должностных лиц и служащих, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, но и лиц, которым выполнение определенных трудо-

вых обязанностей облегчает совершение данного преступления².

В литературе высказывается мнение, что этот квалифицирующий признак «по делам об обманных преступлениях не может быть сведен лишь к категории субъектов по смыслу примечаний к ст. 201 УК РФ и ст. 285 УК РФ и должен иметь расширительное толкование в зависимости от иных обстоятельств» [7, с. 25]. Представляется, что столь широкое толкование не вполне согласуется с общественной опасностью данного преступления. Однако очевидно одно – требуется разъяснение высшей судебной инстанции по данной проблеме.

Последнее, на что хотелось обратить внимание в рамках данной статьи, – это проблема отграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, от смежных составов, прежде всего от «общеуголовной» клеветы. Здесь юридическая мысль содержит две противоположные точки зрения. Одни авторы считают, что при направленности действий в отношении конкретного человека данные нормы не соотносятся между собой как конкурирующие. Соответственно, в случае распространения заведомо недостоверных порочащих сведений о физическом лице, которое сопряжено с обманом относительно деятельности ВС РФ, содеянное при наличии на то оснований образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 128.1 УК РФ и ст. 207.3 УК РФ [7, с. 26].

Другая, более приемлемая, на наш взгляд, точка зрения гласит, что «норма ст. 207.3 УК является специальной по отношению к ч. 2 ст. 128.1 УК. Специализация в данном случае имеет место по двум главным критериям: 1) конкретизированный адресат публичного распространения заведомо ложной информации; 2) «целевая деятельность» Вооруженных Сил РФ» [2, с. 64].

В правоприменительной практике иногда это становится предметом спора. Так, по одному из дел осужденный, изготовивший и рас-

1 Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 03.08.2022 по делу N 1-184/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/70374806> (дата обращения: 12.07.2024).

2 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14.

клеивший листовки рядом с местом жительства лица, принимающего участие в СВО, ссылаясь на то, что никаких сведений, компрометирующих сотрудников ВС РФ, он не распространял, а выразил свое мнение о конкретном человеке, к которому имел личную неприязнь, что может расцениваться как личное оскорбление или клевета, но не дискредитация ВС РФ в целом. Суд, справедливо отвергая эти доводы, указал, что об умысле на публичное распространение заведомо ложной информации, содержащей данные именно о ВС РФ, свидетельствует утверждение в листовках о том, что Ф. является военным преступником и убийцей детей, т.е. совершает преступления в процессе военных действий, которые проводятся ВС РФ. Также виновный использовал на листовках символы Z и V, которые хотя и не являются официальными символами ВС РФ, однако наносятся на военную технику Министерства обороны РФ, задействованную в специальной военной операции¹.

Еще одним смежным составом для ст. 207.3 УК РФ является деяние, предусмотренное ст. 280.3 УК РФ. Составы введены одновременно и имеют много общего: одни и те же «адресаты», публичный характер совершаемых действий. Однако есть у них и отличия: разный объект преступления; в ч. 1 ст. 280.3 УК РФ установлена административная преюдиция, но основное отличие кроется в деянии. В методическом письме «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования ВС РФ», утвержденном Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ (протокол N 2 от 17 июня 2022 года) говорится, что дискредитацией следует считать «умышленные действия, направленные на подрыв доверия к органам госвласти, умаление их авторитета и значения в связи с использованием ВС РФ и исполнением государственными органами РФ своих полномочий в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности».

Если распространено ложное утверждение о факте, то речь может идти о преступлении, предусмотренном ст. 207.3 УК РФ. Если же высказывается негативное мнение о действиях ВС РФ, государственных органов и других структур, тогда это будет оцениваться на предмет дискредитации и вменять надо ст. 280.3 УК РФ (учитывая, конечно, признаки данного состава, в том числе административную преюдицию в ч. 1). Совокупность здесь невозможна [1, с. 100; 3, с. 57]. Статья 207.3 УК РФ более полная и более общественно опасная, может поглощать деяния, составляющие сущность дискредитации (распространение фейков с целью подрыва доверия и т.п.).

На основании вышеизложенного можно констатировать, что ст. 207.3 УК РФ прочно закрепилась в уголовном законодательстве России, «обрастает» судебной практикой, к ней начинают применяться иные институты уголовного права, призванные обеспечить наказуемость данного негативного явления. Так, с 25 февраля 2024 года законодатель расширил перечень статей, по которым возможно применение конфискации имущества (Федеральный закон от 14 февраля 2024 года N 11-ФЗ). Этот список, в частности, пополнился ст. 207.3, 280.4, если они совершены из корыстных побуждений. А с 25 февраля 2024 года расширено применение такого наказания, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (Федеральный закон от 14 февраля 2024 года N 11-ФЗ) за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 207.3, ст. 280, 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 280.4, ч. 1 ст. 282, ст. 282.4, ч.ч. 1 и 2 ст. 284.1, ст. 284.2, 284.3, 354.1 УК РФ. Вместе с тем практика применения рассматриваемой нормы свидетельствует о наличии ряда спорных моментов при квалификации данного преступления, которые целесообразно минимизировать путем принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, касающегося проблем квалификации составов преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ.

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 17.01.2023 по делу N 22-18/2023(22-4054/2022). URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/72830768> (дата обращения: 12.07.2024).

Библиографический список

1. Дулькина, Л.В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания / Л.В. Дулькина // Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 97-101.
2. Кибальник, А.Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных сил РФ. Как применять новую статью УК / А.Г. Кибальник // Уголовный процесс. – 2022. – № 4. – С. 62-69.
3. Кибальник, А.Г. Ответственность за распространение фейков об использовании армии и госорганов РФ. Квалифицированные виды и отличие от дискредитации / А.Г. Кибальник // Уголовный процесс. – 2022. – № 7. – С.50-57.
4. Кибальник, А.Г. Ответственность за распространение фейков об армии: выводы из практики / А.Г. Кибальник // Уголовный процесс. – 2023. – № 7. – С. 56-61.
5. Пичугин, С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения / С.А. Пичугин // Legal Bulletin. – 2023. – № 3. – С. 53-63.
6. Уголовное право. Т. 2. Особенная часть. / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд. – М.: Юрайт, 2020. – 499 с.
7. Шипунова, М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации / М.Н. Шипунова // Российский следователь. – 2024. – № 3. – С.23-25.

УДК 34

Альбина Владимировна БИТШЕВА,
преподаватель кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Казанского юридического института МВД России
abitsheva@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

CRIME TRENDS IN MODERN RUSSIA

Статья посвящена исследованию тенденций современной преступности на территории Российской Федерации. Основное внимание уделяется преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, связанным с мошенническими действиями и незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Предметом исследования выступают закономерности совершения исследуемых преступлений, а также возможная динамика и тенденции их совершения. В заключение автор делает вывод, что исследуемые преступления неразрывно связаны с развитием IT-технологий и цифровизацией в целом и предлагает актуальные направления деятельности органов внутренних дел, направленные на минимизацию совершения исследуемых преступлений.

This article is devoted to the study of trends in modern crime in the territory of the Russian Federation. The study focuses on crimes committed via information and telecommunications technologies related to fraudulent activities, illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (hereinafter – drug trafficking). The subject of the study is the patterns of commission of the crimes under study, as well as the possible dynamics and trends of their commission. The author draws the conclusion: the crimes under study are closely related to the development of IT technologies and digitalization in general. The author proposes actual directions for the activities of internal affairs bodies aimed at minimizing the commission of the crimes under study.

Ключевые слова: преступность, информационно-телекоммуникационные технологии (IT-технологии), незаконный оборот наркотиков, мошеннические действия, органы внутренних дел, тенденция, динамика, статистические данные.

Keywords: *crime, information and telecommunication technologies (IT-technologies), illegal drug trafficking, fraudulent activities, internal affairs bodies, trends, dynamics, statistics data.*

Стабильность общественной безопасности и общественного порядка в любом государстве характеризуется качественными и количественными показателями преступности на его территории, а также эффективностью реализуемых мер по ее предотвращению. Стабильность качественно-количественных показателей зависит от

эффективности проводимых органами внутренних дел предупредительных и профилактических мер.

Криминологи выделяют разнообразные способы и механизмы трансформации количественных показателей преступности на территории России и ее субъектов. Так, Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский справедливо

ливо отмечают, что уровень преступности находится в тесной взаимосвязи с массой преступлений, их общим числом и размером, которые находятся в границах пространства и времени [3, с. 140].

В связи с вышеизложенным в целях более комплексного и качественного изучения проблем тенденций современной преступности на территории России все показатели можно квалифицировать на следующие группы:

- 1) общие показатели;
- 2) частные показатели отдельных видов преступлений.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности на территории России, основную массу в 2023 г. составили преступления против собственности (58,39%), против личности (11,67%) и в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – незаконный оборот наркотиков) (9,8%)¹. Кроме того, следует отметить, что количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на территории России увеличилось на 7,5%. Наблюдается рост числа преступлений, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (+29,7%).

На территории Республики Татарстан увеличение общего количества зарегистрированных преступлений главным образом обусловлено продолжающимся ростом числа поставленных на учет преступлений, совершенных с применением IT-технологий (+47,5%), в первую очередь мошенничеств (+40,6%) и краж с банковского счета (+14,6%), а также фактов неправомерного доступа к компьютерной информации, незаконного сбыта или пересылки наркотиков.

В последнее время ущерб от совершенных преступлений значительно увеличился (более чем в полтора раза), что вызывает серьезную тревогу. В связи с наметившейся отрицательной тенденцией необходимо активно выяв-

лять и реализовывать эффективные рекреационные меры в исследуемом направлении. Данные меры в первую очередь должны быть направлены на максимальную компенсацию и возмещение ущерба, причиненного преступлением [10, с. 515].

Следует отметить, что на территории России наблюдается увеличение количества совершенных деяний, связанных с IT-преступностью, мошенничеством, незаконным оборотом наркотиков. В этой связи считаем справедливым мнение А.Е. Шалагина и Б.Э. Шавалеева, которые отмечают: «Преступления в сфере информационных технологий представляют угрозу национальной безопасности России в силу значительных объемов сопряженных совокупных убытков, сложности в их раскрытии и расследовании, а также в связи с недостатками системы профилактики, что требует своевременных законодательных и правоприменительных решений» [9, с. 159].

Количественные показатели преступности в сфере IT-технологий

На расширенном заседании коллегии МВД России Президент России В.В. Путин отметил: «Почти на 30 процентов выросло число преступлений с использованием информационных технологий. Их совершено порядка 680 тысяч, а ущерб превысил 156 миллиардов рублей. Нужно серьезно совершенствовать механизмы борьбы с правонарушениями в этой сфере, работать на опережение»².

Согласно статистическим данным МВД России о состоянии преступности на территории нашей страны, в 2023 г. зарегистрированы 677 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 29,7% больше, чем в прошлом году. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 26,5% в 2022 г. до 34,8% в 2023 г.³

Более половины исследуемых видов преступлений относятся к категориям тяжких и

1 Состояние преступности на территории Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 07.04.2024).

2 Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 07.04.2024).

3 Состояние преступности на территории Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 07.04.2024).

особо тяжких (+25,9%), более 70% преступлений совершаются с использованием сети Интернет (+38,2%), в 44,7% случаев – с использованием средств мобильной связи (+44,2%)¹.

За последние годы преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, особенно

дистанционные хищения, стали одними из самых «популярных» криминальных проявлений как в масштабах страны, так и практически во всех без исключения субъектах России, а противодействие им – одним из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Таблица 1

Динамика преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий

Субъекты РФ	Зарегистрировано преступлений		
	2022 год	2023 год	+/-, %
Российская Федерация	522065	676951	+29,7
Москва	50503	60928	+20,6
Санкт-Петербург и Ленинградская область	28928	35388	+25,1
Краснодарский край	22603	28580	+26,4
Республика Татарстан	17993	26543	+47,5
Челябинская область	17281	22729	+31,5
Тюменская область	18229	22628	+24,1
Республика Башкортостан	13462	20083	+49,2

На основании таблицы следует вывод, что на территориях Республик Башкортостан и Татарстан наблюдается увеличение исследуемых преступлений практически на 50%, что вызывает огромную обеспокоенность и порождает необходимость активизировать деятельность органов внутренних дел по предупреждению IT-преступлений.

При совершении исследуемых преступлений преступники используют:

- 1) расчетные (пластиковые) карты;
- 2) компьютерную технику;
- 3) фиктивные электронные платежи;
- 4) сеть Интернет [2, с. 53-54].

Ю.А. Воронин справедливо отмечает, что «неуклонно прогрессирующий уровень кибермошенничества, компьютерного шантажа и террористических угроз требует разработки и практического осуществления мер, направленных на эффективное противодействие дальнейшему развитию этих тенденций как в общеуголовной, так и в террористической цифровой преступности, а значит,

диктует необходимость усиления государственного контроля за состоянием информационно-цифровой среды» [1, с. 112].

Своевременная разработка и внедрение специальных антикриминальных мер в исследуемой сфере будет способствовать комплексному повышению уровня информационной безопасности России и эффективной борьбе с противоправной деятельностью [8, с. 192].

В целях противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, органами внутренних дел в настоящее время проводятся широкомасштабные профилактические работы с населением. Например, в 2023 г. в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет, правоохранительными органами Республики Татарстан размещены около 6,8 тысячи материалов по данной проблематике, проведены 13 пресс-конференций и прямых эфиров.

¹ Состояние преступности на территории Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 07.04.2024).

Количественные показатели преступности в сфере незаконного оборота наркотиков

В ходе расширенной коллегии МВД России отмечалось, что основная задача органов внутренних дел – это противодействие незаконному обороту наркотиков. Так, в 2023 г. количество исследуемых преступлений в составе организованных групп и сообществ увеличилось на 40%. Правоохранителями изъято порядка 22 тонн наркотиков и практически 17 тонн прекурсоров. Кроме того, в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) направлены информационные письма о блокировке 14 тысяч интернет-ресурсов, которые содержат сведения, популяризирующие незаконный оборот наркотиков¹.

Следует отметить, что для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в условиях дистанцирования более активную роль играют IT-технологии [4, с. 76; 5, с. 8; 7, с. 187].

Как ранее нами уже отмечалось, в 2023 г. наблюдается заметный рост числа регистрируемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, были зарегистрированы 190 988 преступлений (+7,5%), что составляет 9,8% от общего числа зарегистрированных преступлений.

Кроме того, сохраняется тенденция последних шести лет роста числа групповых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, который приобрел экспоненциальный характер. Так, число преступлений, совершенных группами по предварительному сговору, выросло на 62,9%, число преступлений, совершенных организованными группами, – на 43,5%. Число преступлений, совершенных преступными сообществами, осталось практически неизменным, увеличившись лишь на 2,7%. Однако зафиксирована устойчивая тенденция сокращения фактов вовлеченности несовершеннолетних в неза-

конный оборот наркотиков². Кроме того, за последние пять лет более чем на 20% снизилось количество подростков, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков³, что, на наш взгляд, связано с профессионализмом и эффективностью проводимых предупредительных мер органами внутренних дел.

В незаконном обороте наркотиков на территории Республики Татарстан преобладают наркотические средства синтетического происхождения (76,9%). Доля наркотиков растительного происхождения составляет 21,4%, из которых наиболее востребованы гашиш и гашишное масло – 11,37%. На долю марихуаны приходится 8,4%, кокаина – 0,83%, маковой соломы – 0,77%, героина – 0,22%. Подобная ситуация представляется типичной для регионов Центральной России и Поволжья.

Кроме того, в последнее время не только на территории Республики Татарстан, но и в России в целом отмечается рост потребления тяжелых и опасных синтетических наркотиков. Так, отмечается увеличение числа случаев употребления метадона и других крайне опасных синтетических опиоидов.

Президент России отметил, что в настоящее время необходимо серьезно активизировать взаимодействие между Министерством внутренних дел России, Федеральной службой безопасности, Федеральной таможенной службой и иными специальными службами в целях выявления мест производства наркотиков, а также пресечения каналов их поставок и торговли¹.

Глава ведомства отметил, что органами внутренних дел на сегодняшний день приняты меры государственного контроля по отношению 56 новых видов потенциально опасных наркотиков. Сотрудниками органов внутренних дел выявлены и задокументированы около 180 фактов контрабанды наркотиков, ликвидированы более 220 подпольных лабораторий².

1 Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 07.04.2024).

2 Там же.

3 Под председательством Владимира Колокольцева состоялось заседание Государственного антинаркотического комитета. URL: <https://мвд.рф/news/item/45182890/?year=2024&month=1&day=1> (дата обращения: 07.04.2024).

Основными тенденциями незаконного оборота наркотиков выступают:

1) увеличение степени тяжести совершаемых преступлений и рост групповой преступности;

2) увеличение доли производимых внутри Российской Федерации синтетических наркотиков по отношению к ввозимым;

3) уменьшение количества посредников в международных цепочках по продаже наркотиков и переход к работе напрямую с производителями;

4) появление новых поставщиков наркотиков, маскирующихся под легальных предпринимателей, действующих в условиях обхода санкций;

5) резкое увеличение импорта кокаина из Латинской Америки;

6) продолжающаяся борьба торговых площадок по продаже наркотиков, вынуждающая искать новые рынки и каналы сбыта;

7) усиление пропаганды наркотиков в сети Интернет.

Количественные показатели преступности в сфере мошеннических действий

Мошеннические действия преимущественно совершаются с использованием IT-технологий. Доля мошенничеств во всех его проявлениях на территории России за январь – декабрь 2023 года составила 38,1%.

Таблица 2

Динамика индексных преступлений, связанных с мошенничеством

	2019	2020	2021	2022	2023	+/-, %
Мошенничество (ст.159-159 ⁶ УК РФ)	257 187	335 631	339 606	343 085	433 708	26,4

На рост количества мошенничеств оказывает влияние нарастающее проникновение в повседневную жизнь современных информационно-телекоммуникационных технологий. Так, количество мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, – 353 201 (+41,3 %).

На современном этапе развития общества Д.М. Фарахiev к наиболее распространенным способам и схемам совершения мошенничеств и краж относит:

«1) введение жертвы в заблуждение касательно цели денежного перевода посредством телефонных звонков или отправки текстовых сообщений (к примеру, с близким человеком произошло что-то неладное и ему срочно требуется материальная помощь);

2) применение незаконно приобретенных сотовых телефонов с абонентским номером владельца, который подключен к услуге «Мобильный банк»;

3) злоумышленники представляются государственными и иными служащими, сотрудниками службы поддержки мобильного оператора и банковских организаций» [6, с. 235-236].

Рассматривая мошеннические действия, необходимо сказать и о телефонных мошенничествах, которые все чаще совершаются в отношении лиц старшей возрастной категории, не обладающих достаточной правовой грамотностью, нередко пребывающих в стрессовом состоянии. Одной из наиболее часто применяемых схем обмана в отношении данной категории является схема «родственник попал в беду».

Кроме того, наблюдается рост количества телефонных мошенничеств с территории Украины¹. Получила распространение схема осуществления таких мошенничеств, когда преступники через посредников находят подставных лиц, готовых за небольшую плату оформить на свое имя банковскую карту и

1 Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 07.04.2024).

2 Там же.

передать ее для дальнейшего использования в противоправных целях. Далее карты активируются и привязываются к оформленным на третьих лиц абонентским номерам. Это позволяет анонимно обналаживать похищенные телефонными мошенниками денежные средства.

Распространены и мошенничества с использованием программ лояльности интернет-магазинов товаров и услуг, туристических агентств, SaaS-компаний, iGaming-брендов, финансовых услуг, программных уязвимо-

стей интернет-приложений, маскировки финансовых пирамид под образовательные платформы и онлайн-игры, а также совершаемые под видом онлайн-голосований в социальных сетях и прочее.

Мошенничество является основным видом противоправной деятельности, выступающим источником финансирования организованных преступных организаций (сообществ): мошенничества и мошенничества в сфере кредитования составляют 37,3%².

Таблица 3

Динамика мошенничеств и мошенничеств в сфере кредитования, совершенные организованными преступными организациями (сообществами)

	Годы					+/-, %
	2019	2020	2021	2022	2023	
Мошенничество, мошенничество в сфере кредитования	5 639	5 903	8 415	10 743	11 870	+10,5

Важнейшим фактором, способствующим совершению мошенничеств, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является недостаточная компетентность граждан при использовании IT-технологий и сети Интернет в сочетании с низким уровнем правовой и финансовой грамотности. По мнению экспертов, количество пользователей сети Интернет, которые уверены в безопасности своих персональных данных, за последние четыре года, возросло. Однако 62% россиян сомневаются в том, что смогут противостоять злоумышленникам, и боятся стать жертвами. Кроме того, наиболее уязвимыми чувствуют себя лица старше 45 лет³.

Следует отметить, что в рамках работы по установлению и задержанию злоумышленников, совершающих исследуемые виды преступлений, находящихся за пределами Республики Татарстана, в течение 2023 г.

сотрудниками органов внутренних дел осуществлены 645 служебных командировок в другие регионы страны, в результате чего были задержаны 321 подозреваемый, что больше, чем в 2022 г.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, киберпреступность, преступность в сфере незаконного оборота наркотиков и мошенничество находятся в непосредственной взаимосвязи и обусловлены глобальным развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

Во-вторых, в предстоящем году, по нашему мнению, сохранится тенденция совершения тяжких и особо тяжких преступлений по отношению к исследуемым видам преступлений.

В-третьих, принимая во внимание эффективность предупредительной деятельности органов внутренних дел, имеется возмож-

1 По телефону и через Госуслуги. Главные схемы, которыми пользуются мошенники в 2023 году, чтобы красть деньги россиян. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/08/07/moshenniki/> (дата обращения: 08.04.2024).

2 Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 07.04.2024).

3 Жертвы киберохотников: россияне старше 45 лет меньше других защищены от цифровых мошенников. URL: <https://nafi.ru/en/analytics/zhertyy-kiberokhotnikov-rossiyane-starshe-45-let-menshe-drugikh-zashchishcheny-ot-tsifrovyykh-moshenn/> (дата обращения: 07.04.2024).

ность предположить, что количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков уменьшится.

В-четвертых, останется стабильно высоким, а возможно, и увеличится уровень мошеннических посягательств со стороны лиц, находящихся на территории Украины.

В-пятых, с внедрением в российское общество цифрового рубля предполагаем, что возникнут риски, связанные с увеличением количества фактов мошеннических действий в исследуемом направлении.

В-шестых, с учетом нарастания международной и межгосударственной вражды, в том числе в сети Интернет, возможно, увеличится число преступлений в целом.

Прогнозируемые нами значения во много определяются состоянием общей социально-экономической ситуации, которая выступает в качестве основного криминогенного (антикриминогенного) фактора.

В целях минимизации как исследуемых видов преступлений, так и иных противо-

правных деяний в целом органам внутренних дел необходимо повысить уровень технической оснащённости подразделений системы МВД России; повысить эффективность технической подготовки в образовательных организациях МВД России, результативность борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; активизировать работу по выявлению и пресечению незаконного оборота наркотиков, а также каналов их поступления на территорию страны; реализовывать мероприятия по обеспечению информационной безопасности деятельности органов внутренних дел; обеспечить поддержание высокой степени профессиональной и морально-психологической готовности личного состава; совершенствовать систему профилактики нарушений служебной дисциплины и законности со стороны личного состава и прочее.

Библиографический список

1. Воронин, Ю.А. Основные тенденции преступности в цифровой сфере / Ю.А. Воронин // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции : сборник материалов I всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 106-112.
2. Газимов, Р.Р. Состояние преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в России и Республике Татарстан (на примере краж и мошенничеств) / Р.Р. Газимов, Д.М. Фарахiev // Научный компонент. – 2023. – N 1(17). – С. 51-59. – DOI 10.51980/2686-939X_2023_2_51.
3. Кондратюк, Л.В. Криминологическое измерение : монография / Л.В. Кондратюк ; под ред. К.К. Горяинова. – М.: Норма, 2019. – 272 с.
4. Минзянова, Д.Ф. Инновационный подход к раскрытию и предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в Интернет-пространстве / Д.Ф. Минзянова, Д.М. Фарахiev // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 7. – N 1(13). – С. 74-80.
5. Моляров, Е.А. Актуальные изменения наркопреступности в России и меры реагирования на них: оперативно-розыскной аспект / Е.А. Моляров // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности : материалы всероссийского научно-практического семинара, Красноярск, 8 апреля 2022 года. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. – С. 7-11. – DOI 10.51980/978-5-7889-0330-9_2022_6_7.

6. Фарахийев, Д.М. Трансформация способов и схем совершения мошеннических действий в процессе цифровизации / Д.М. Фарахийев, С.А. Чердниченко // Научный дайджест Востоочно-Сибирского института МВД России. – 2022. – N 4(18). – С. 232-241.
7. Фарахийева, Г.Р. Влияние интернет-пространства на процессы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Г.Р. Фарахийева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – N 5(142). – С. 182-191. – DOI 10.24412/2227-7315-2021-5-182-191.
8. Цейтлин, Н.Ф. Преступления, связанные с использованием IT-технологий: проблемы выявления и расследования / Н.Ф. Цейтлин // Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции : материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Волгоград, 16-17 июня 2022 года. – М.: ООО «Издательство «Спутник+»», 2022. – С. 189-192.
9. Шалагин, А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение хищений с использованием информационных технологий / А.Е. Шалагин, Б.Э. Шавалеев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – N 4(98). – С. 156-161.
10. Южанин, В.Е. О современных тенденциях преступности в Российской Федерации / В.Е. Южанин, Д.В. Горбань, О.С. Ефремова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30. – N 4. – С. 512-525. – DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).4.512-525.

УДК 343.98

Дмитрий Баирович ЖАМБАЛОВ,

доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины»
Восточно-Сибирского государственного университета
технологий и управления (г. Улан-Удэ),
кандидат юридических наук, доцент

d-zhambalov@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

USING SPECIAL KNOWLEDGE IN DETECTING AND INVESTIGATING MONEY LAUNDERING

В статье рассматриваются особенности использования специальных знаний в деятельности по выявлению и расследованию легализации (отмывания) преступных доходов. В частности, рассмотрены некоторые вопросы проведения криминалистических и иных экспертных исследований в процессе расследования, а также использования возможностей специалистов при проведении ряда следственных действий. Результаты исследования могут быть использованы в качестве практического руководства для органов предварительного расследования.

The article considers the peculiarities of the use of special knowledge in the detection and investigation of legalization (laundering) of criminal proceeds. In particular, it considers some issues of conducting forensic and other expert studies in the process of investigation, as well as the use of the capabilities of specialists in carrying out a number of investigative actions. The results of the study can be used as a practical guide for preliminary investigation bodies.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, расследование, экспертизы, исследование документов.

Keywords: *legalization of criminal proceeds, investigation, expertise, examination of documents.*

Уголовная ответственность за легализацию преступных доходов в истории отечественного права была введена с принятием УК РФ. Таким образом, отечественный правоприменитель нарабатывает практику противодействия отмыванию преступных доходов на протяжении чуть более четверти века. Но тем не менее на сегодняшний день, по оценкам работников следственных органов, практика еще не сформирована.

Между тем деятельности по противодействию отмыванию преступных доходов в целом и повышению эффективности рас-

следования фактов легализации преступных доходов в частности государство уделяет большое внимание. Подтверждений тому достаточно: введение уголовной ответственности за легализацию преступных доходов; принятие Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; принятие и исполнение целого ряда подзаконных актов в целях реализации указанного закона; создание уполномоченного государственного органа в сфере противодействия отмыванию доходов – Рос-

финмониторинга; наделение ряда иных государственных органов функциями по осуществлению контрольно-надзорных полномочий в рассматриваемой сфере; признание данного направления деятельности одним из наиболее приоритетных для всех правоохранительных органов. Так, в каждом субъекте России при областных, краевых, республиканских прокуратурах созданы межведомственные рабочие группы по противодействию отмыванию доходов, куда включены представители практически всех правоохранительных, а также иных государственных органов, реализующих положения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Тем не менее и выводы, к которым приходят данные межведомственные группы, и результаты исследований в данном направлении, а также статистические данные свидетельствуют о недостаточной эффективности работы по выявлению и расследованию преступлений в рассматриваемой сфере.

Уголовная статистика свидетельствует о том, что на территории России ежегодно выявляются менее одной тысячи преступлений, квалифицируемых по ст. 174 и 174.1 УК РФ. Так, в 2021 г. были выявлены 949 преступлений, в 2022 г. – 886 и в 2023 г. – 943¹. В то же время на территории страны ежегодно регистрируются около двух миллионов преступлений, более половины из которых связаны с извлечением преступных доходов. К их числу прежде всего относятся различные формы хищений чужого имущества, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, ущерб от которых оценивается в сотнях миллиардов рублей. Из этого следует вывод, что немалая часть преступных доходов из огромной массы потенциально предикатных преступлений, с учетом высокого уровня теневой экономики в России, объем которой, по данным Росстата, составляет порядка 30% ВВП РФ [6, с. 115], неизбежно используется для придания им вида полученных законным путем. Другой вывод, закономерно возникающий в

данной ситуации, свидетельствует о низкой эффективности противодействия рассматриваемому виду преступлений, в том числе в части их выявления и расследования.

По мнению исследователей, результаты деятельности следственных органов по расследованию фактов легализации преступных доходов «свидетельствуют о низком качестве предварительного расследования...» [4, с. 6].

В связи с этим вопросы повышения качества предварительного расследования отмывания доходов должны относиться к актуальным задачам криминалистов.

Проведенный анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что рассматриваемые преступления выявляются чаще при расследовании базового преступления и реже – в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Иных путей выявления данного вида преступлений нет.

Выявление и расследование легализации преступных доходов, как показывает практика, всегда является нелегкой задачей для оперативных подразделений и следственных органов. Во многом это связано с тем, что указанные преступления совершаются по четко намеченному плану, нацеленному на сокрытие следов преступления, а также зачастую с участием специалистов финансово-кредитных учреждений, а также в области права и экономики. Поэтому выявление и расследование таких преступлений также должно сопровождаться использованием специальных знаний в указанных и иных областях.

Согласимся с мнением авторов руководства для следователей о том, что «легализация по своей сути и форме представляет собой не что иное, как разновидность противодействия расследованию. Ведь основная цель этого преступного деяния – это сокрытие следов первичного преступления, в рамках которого образовались денежные средства или имущество, что само по себе уже представляет значительную трудность не только в расследовании, но и выявлении подобных преступлений. Эти преступные деяния завуалированы под совершение легальных, за-

1 Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2021-2023 гг. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/1/> (дата обращения: 11.03.2024).

конных действий и даже с использованием законных документов, что и окружающими, и правоохранительными органами по первому впечатлению воспринимается как чисто гражданско-правовые отношения» [5, с. 617].

В ходе выявления и расследования данного преступления приходится изучать значительное количество документов, а в первую очередь финансово-кредитного обращения, в связи с чем «зачастую возникает необходимость обращения за консультацией к соответствующим специалистам» [5, с. 617].

Рассматривая вопрос об использовании специальных знаний при выявлении и расследовании фактов легализации следует отметить, что следственные органы чаще всего прибегали к помощи криминалистических экспертиз, таких как почерковедческая, портретная и технико-криминалистическая экспертиза документов. Данный вывод сделан на основе изучения более чем 60 уголовных дел данной категории.

Результаты исследований показывают, что по рассматриваемой категории дел также назначаются и проводятся иные экспертизы, связанные с исследованием документов, а именно судебно-бухгалтерская, финансово-кредитная и финансово-аналитическая экспертизы.

По делам об отмытии доходов практически все исследования, проводимые на стадии доследственной проверки, а также экспертные исследования в рамках возбужденного уголовного дела связаны с использованием специальных знаний, направленных на исследование документов, прежде всего документов о финансовых операциях и иных сделках, а также документов, удостоверяющих личности лиц, причастных к проведению операций и сделок.

Источниками получения таких документов до возбуждения уголовного дела являются, как правило, оперативно-розыскные мероприятия, к примеру, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В рамках возбужденного уголовного дела, на стадии следствия, источниками получения таких

документов являются такие следственные действия, как выемка и обыск, проводимые в различных финансово-кредитных и иных учреждениях, по месту жительства и работы фигурантов и прочих местах.

Почерковедческие, портретные и технико-криминалистические экспертизы документов при расследовании фактов отмытия доходов прежде всего направлены на выявление и фиксацию признаков подлога исследуемых документов, которые так или иначе связаны с финансовыми операциями или иными сделками, направленными на придание правомерного вида доходам, полученным преступным путем, а также с совершением предикатного состава преступления. Такие исследования, как правило, проводятся в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел [1, с. 66].

Говоря о возможностях привлеченных специалистов в области финансового анализа и бухгалтерского учета, отметим, что ими проводятся чаще всего объемные с позиции количества исследуемых документов, а также трудозатратные с позиции длительности их проведения исследования. Поэтому следователю необходимо предварительно согласовывать с привлеченными специалистами объем предстоящей работы с точки зрения их предполагаемой ценности, а также целесообразности и длительности их проведения с тем, чтобы заблаговременно разрешать вопросы со сроками предварительного расследования.

В частности, возможности финансово-аналитической экспертизы могут дать ответы на интересующие следователя вопросы о финансовом состоянии проверяемой организации (учреждения), с использованием которой проведены финансовые операции и иные сделки. Так, экспертом может быть исследован вопрос о возможности либо отсутствии возможности у организации для проведения исследуемых операций и сделок с денежными средствами и иным имуществом, ставшими предметом внимания правоохранителей. О незаконности происхождения таких ценностей могут свидетельствовать выводы

эксперта об отсутствии у организации таких активов и невозможности проведения с ними операций и сделок.

В рамках финансово-кредитной экспертизы исследуются документы кредитных организаций с целью установления нарушений принципов кредитования при осуществлении указанной деятельности. Возможности данной экспертизы важны для выявления фактов хищений денежных средств кредитно-финансовых учреждений, совершаемых с участием работников таких учреждений путем обмана и злоупотребления доверием, с последующим приданием похищенным денежным средствам вида полученных правомерным путем, т.е. их легализацией.

Судебно-бухгалтерская экспертиза «изучает хозяйственные операции и достоверность их отражения в системе бухгалтерского учета и отчетности, которые для установления истины требуют специальных познаний эксперта-бухгалтера. В отличие от других видов судебных экономических экспертиз бухгалтерская экспертиза обосновывает свои выводы документально достоверными данными, которые отражены в бухгалтерском учете» [2, с. 181].

Результаты судебно-бухгалтерской экспертизы могут дать ответы на вопросы о хозяйственной деятельности организации в целом с позиции обоснованности и полноты организации и ведения бухгалтерского учета активов и финансовых обязательств. Ценность данной экспертизы заключается и в возможности выявления признаков необоснованных, заведомо невыгодных, необычных или несвойственных для исследуемой организации операций и сделок.

Таким образом, возможности привлеченных специалистов в области финансового анализа и бухгалтерского учета могут способствовать установлению признаков отмывания доходов, путем выявления и фиксации ими в деятельности проверяемой организации признаков необоснованных, необычных, нецелесообразных и даже невыгодных операций и сделок, которые могут быть связаны с предметом доказывания по расследуемому уголовному делу.

Заключения экспертиз, являясь самостоятельными источниками доказательств, по делам об отмывании доходов могут использоваться при доказывании различных обстоятельств дела, в первую очередь, связанных с подготовкой к совершению преступления, фактов совершения сделок и финансовых операций, а также служить инструментом в доказывании связи с базовым составом преступления.

Следует отметить, что использование специальных знаний при расследовании фактов легализации необходимо не только при проведении исследований и экспертиз, но и при проведении отдельных следственных действий. К примеру, при проведении осмотра бухгалтерских и банковских документов либо при проведении выемки бухгалтерских документов на предприятиях, в учреждениях финансово-кредитной системы возникает необходимость привлечения специалистов. Об этом А.В. Коляда справедливо указал, что «лица, обладающие специальными знаниями в экономике, могут быть приглашены следователем для участия в качестве специалистов» [3, с. 35].

Рассмотренные выше формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве при расследовании фактов легализации являются в достаточной степени отработанными практикой. Между тем практика просит более широкого распространения новых направлений использования специальных знаний.

Так, следы легализации преступных доходов находят отражение не только в документах (правоустанавливающих, бухгалтерских, банковских, документах-результатах проверок финансово-хозяйственной деятельности организаций и пр.), но и «могут содержаться и в компьютерной информации» [5, с. 619].

Между тем в материалах изученных уголовных дел мы не обнаружили результаты использования специальных знаний в этой области, а именно проведения экспертных исследований компьютерной информации, содержащейся на электронных ресурсах, как локальных, так и удаленных.

Поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразным более широкое внедрение в

следственную практику производства компьютерных экспертиз с целью исследования компьютерной информации, так как значительная часть доказательственной информации по рассматриваемой категории уголовных дел относится к электронным документам, электронной переписке и иной информации, содержащейся на различных электронных ресурсах.

Кроме того, повышению эффективности деятельности в данном направлении в частности и расследованию фактов легализации в целом будет способствовать своевременность проведения таких следственных действий, как контроль и запись переговоров, а также

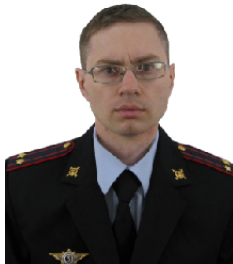
получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которые фактически реализуются оперативно-розыскными подразделениями. Возможности таких негласных мероприятий могут предоставить значимые для расследования сведения о подготовке, совершении и сокрытии следов легализации доходов, помогут расширить круг поисковых и следственных действий, в том числе фигурантов, которые могут быть причастны к фактам легализации или обладать сведениями о такой деятельности, а также способствовать проверке ранее полученных доказательств.

Библиографический список

1. Жамбалов, Д.Б. Расследование легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : учебное пособие / Д.Б. Жамбалов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2020. – 82 с.
2. Климович, Л.П. Судебная бухгалтерия (общая часть) : учебное пособие / Л.П. Климович. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2000. – 219 с.
3. Коляда, А.В. Первоначальные следственные действия при расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества (статьи 174 и 174.1 УК РФ) / А.В. Коляда // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2009. – N 3. – С. 34-38.
4. Крачун, Ю.В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Ю.В. Крачун. – Тула, 2015. – 266 с.
5. Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: Экзамен, 2005. – 912 с.
6. Шотт, Д.Е. Взаимодействие государственных органов и банков в целях противодействия незаконным финансовым операциям / Д.Е. Шотт // Финансовые исследования. – 2018. – N 4 (61). – С. 111-116.

УДК 343.98 : 004.7

Павел Викторович ГАЛУШИН,
доцент кафедры информационно-правовых
дисциплин и специальной техники
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат технических наук

galushin@gmail.com

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ И МАЙНИНГА, НЕОБХОДИМЫЕ СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

SPECIAL TECHNICAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF DIGITAL CURRENCY AND MINING, WHICH ARE NECESSARY FOR LAW ENFORCEMENT OFFICERS TO INVESTIGATE CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

В статье рассматривается вопрос о том, какие специальные технические знания в области цифровой валюты и майнинга необходимы для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. На примерах выявляется особая роль фундаментальной подготовки в освоении передовых технологий, а также целесообразность включения соответствующих тем в образовательный процесс вузов правоохранительных органов.

The article considers the issue of what special technical knowledge in the field of digital currency and mining is necessary to solve and investigate crimes committed using information and communication technologies. The examples highlight the special role of fundamental training in mastering advanced technologies, as well as the advisability of including relevant topics in the educational process at law enforcement educational institutions.

Ключевые слова: специальные знания, цифровая валюта, криптовалюта, майнинг, расследование и раскрытие преступлений.

Keywords: special knowledge, digital currency, cryptocurrency, mining, crime investigation.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, остаются одним из самых распространенных и быстро растущих категорий преступлений. Из всех преступлений, совершенных в России в 2023 г., каждое третье было совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Подобных уголовно наказуемых

деяний в 2023 г. было зарегистрировано на 29,7% больше, чем в 2022 г. Раскрыто преступлений в данной сфере было на 21% больше, чем в 2022 г.¹ Таким образом, раскрываемость преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, снизилась. Можно констатировать, что их общественная опасность продолжает возрастать.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. URL: mvd.rf/reports/item/47055751/ (дата обращения: 09.02.2023).

Одной из самых современных информационно-коммуникационных технологий, используемых для совершения преступлений, является криптовалюта. Использование криптовалют при организации преступной деятельности существенно повышает степень конспирации злоумышленников, например в сфере незаконного оборота наркотиков. Однако за последние годы использование криптовалют и лежащей в основе их функционирования технологии блокчейн вышло за пределы исключительно преступной деятельности в данной сфере.

18 марта 2019 г. был принят Федеральный закон N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который ввел в ГК РФ понятие «цифровые права», родственное понятию токена в криптовалютах.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел понятие «цифровая валюта», под которое попадают существовавшие на тот момент криптовалюты.

Федеральным законом от 24 июля 2023 г. N 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была введена новая форма российского рубля – цифровой рубль, основанная на ряде технологий, некоторые из которых используются в криптовалютах.

При реализации дистанционного электронного голосования в Российской Федерации используется технология блокчейн («цепочка блоков», п. 17 ст. 64.1 Федерального закона от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Криптовалюта сегодня не только используется при совершении преступлений как средство повышения конспирации, но и сама стала объектом преступных посягательств. Майнинг криптовалюты, в свою очередь, зачастую совершается с нарушением законо-

дательства: хищением электроэнергии, распространением вредоносного программного обеспечения, неуплатой налогов от реализации криптовалюты.

Таким образом, криптография, технология блокчейн и криптовалюты сегодня становятся объектами рассмотрения гражданского, налогового, административного, уголовного и даже конституционного права.

Эффективная борьба с правонарушениями во всех перечисленных областях невозможна без хотя бы поверхностного понимания принципов функционирования соответствующих информационно-коммуникационных технологий. Например, определение наиболее подходящего правового механизма обеспечения сохранности криптовалюты в ходе расследования уголовного дела базируется на понимании того, что дает возможность распоряжаться счетом в криптовалюте [подр.: 3].

Данный тезис подтверждается проникновением упоминания конкретных технологий в тексты федеральных законов. Так, уже упоминавшийся Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» включает термин «цепочка блоков» (то есть технологии блокчейн) и ключей зашифрования и расшифрования (то есть несимметричной криптографии).

Кроме того, в гражданском праве в связи с введением понятия «цифровые права» появилась конструкция «в соответствии с правилами информационной системы». На наших глазах происходит смыкание понятия «доказательства» в математике и юриспруденции.

Таким образом, в некоторых фундаментальных для функционирования государства сферах информационно-коммуникационные технологии перестают быть для юриспруденции «черным ящиком», детали функционирования которого можно оставить техническим специалистам.

Одним из барьеров, затрудняющих понимание современных информационно-коммуникационных технологий специалистами в иных предметных областях (в том числе –

юриспруденции), является их очень динамичное развитие и постоянное появление новых технологий. Угнаться за всеми ними одному человеку просто невозможно. На сегодняшний день не существует специалистов в информационно-коммуникационных технологиях вообще, эта сфера дробится на области, которые все больше изолируются друг от друга. Это приводит к необходимости каждому человеку выбирать, какие конкретные информационно-коммуникационные технологии осваивать.

Одним из соображений, позволяющих осуществить такой выбор, является изучение таких технологий, польза от которых для профессиональной деятельности непосредственно очевидна. Однако для новых технологий степень полезности оценить практически невозможно: раз технология новая, то отсутствует опыт ее применения.

Но при таком подходе человек действует реактивно: он пассивно реагирует на происходящее. При таком подходе правоохранительные органы будут на позиции догоняющего в освоении информационно-коммуникационных технологий по сравнению с преступниками. Для того чтобы быть готовыми к появлению новых информационно-коммуникационных технологий, которые могут быть использованы при совершении преступлений, требуется проактивный подход.

Наблюдается так называемый эффект Линди [7]: чем дольше существует технология, тем больше вероятность, что она продолжит существовать. Иными словами, вероятность исчезнуть у технологии убывает со временем, то есть к ним неприменима логика жизненного цикла живых существ, у которых смертность растет с возрастом.

Эффект Линди приводит к парадоксальному выводу: для того чтобы быть успешным в информационно-коммуникационных технологиях, нужно не гнаться за «модными новинками», а изучать фундаментальные закономерности, лежащие в основе сразу большого класса подобных новинок.

Естественно, речь не идет о том, что новые технологии изучать бессмысленно вооб-

ще. Дело именно в выборе фокуса: на изучение чего специалисту нужно сделать ставку. Новые технологии можно и даже нужно изучать. Ведь даже проверенные временем к сегодняшнему дню технологии когда-то были новыми. Но при этом всегда нужно иметь в виду, что новое может потерять популярность так же быстро, как привлекло к себе внимание при появлении. По-настоящему же сосредоточиться стоит на технологиях и знаниях, которые существуют долго.

Рассмотрим, насколько высказанные соображения применимы к сфере цифровой валюты и майнинга. В основе криптовалюты лежит ряд технологий, которые одновременно появились достаточно давно, сохраняют актуальность и поныне, а также имеют широкий спектр приложений.

Для подтверждения права распоряжения кошельком криптовалюты используется электронная подпись, которая, в свою очередь, основана на несимметричной криптографии, а для связи блоков в блокчейне без существенного разрастания их объема используются хэш-функции.

И несимметричная криптография, и хэш-функции используются не только в цифровых валютах. Упрощенный аналог хэш-функции используется в номерах банковских карт для уменьшения вероятности случайной ошибки при их передаче. Последняя цифра номера карты является контрольной, то есть зависит от всех предыдущих. Значит, если при вводе номера карты допустить ошибку в одной цифре, то факт наличия ошибки можно обнаружить.

Несимметричная криптография применяется сегодня очень широко в силу того, что она позволяет организовать защищенный канал передачи информации поверх незащищенного, например по сети Интернет. Поэтому ее используют для авторизации и передачи данных онлайн-банки, социальные сети и вообще любые сайты, предусматривающие обмен с пользователями конфиденциальной информацией.

Кроме того, только несимметричная криптография позволяет организовать дис-

танционное электронное голосование с сохранением всех избирательных прав граждан Российской Федерации: «неизменности сохраняемых результатов волеизъявления избирателей, участников референдума и соблюдения тайны голосования, а также невозможности установления связи между персональными данными избирателя, участника референдума и результатом его волеизъявления».

Несимметричная криптография базируется на достижениях теории чисел, которые были получены в XVII-XVIII вв. (малая теорема Ферма и теорема Эйлера). В свою очередь, корни теории чисел могут быть легко прослежены и до нашей эры (понятие простого числа). Все упомянутые результаты по сложности не выходят за рамки школьной программы по математике.

Конкретная разновидность несимметричной криптографии, используемой в криптовалюте биткойн, основана на использовании так называемых эллиптических кривых. Соответствующие методы криптографии были предложены в 1985 г. [1], при этом изучение эллиптических кривых активно велось в XIX в., некоторые результаты, используемые в эллиптической криптографии, принадлежат Ньютону, а первое известное рассмотрение подобных кривых приведено в «Арифметике» Диофанта, написанной в III в. нашей эры.

Безусловно, разработка первой криптовалюты (биткойн) является блестящим достижением, а ее создатель или создатели были гениями сразу в нескольких областях. Но для того чтобы разобраться в принципах функционирования криптовалюты, нет необходимости быть настолько же гениальным: существуют полные описания функционирования биткойна, предназначенные для школьников [5].

Таким образом, несмотря на весьма недавнее появление криптовалют (2009 г. – появление биткойна, массовая известность среди широких слоев населения – 2017 г.), их принципы базируются на фундаментальных результатах, появившихся задолго до XXI в. и достаточно широко представленных в литературе. Таким образом, роль фундаментальных знаний для информационно-коммуникаци-

онных технологий на примере криптовалют подтверждается.

Одной из распространенных разновидностей преступлений, связанных с криптовалютой, в последние годы стало хищение электроэнергии для майнинга. Дело в том, что для зрелых криптовалют майнинг требует большого количества вычислительных ресурсов, а следовательно, и затрат на электроэнергию.

При расследовании таких преступлений актуальными для сотрудников органов внутренних дел становятся знания в области электротехники. Например, по количеству криптовалюты, полученной в результате майнинга, может быть оценен объем похищенной электрической энергии.

Беглый поиск по разделу «Юридическая пресса» справочной правовой системы «КонсультантПлюс» позволяет обнаружить несколько публикаций, в которых в качестве единицы измерения объема потребленной или произведенной электроэнергии ошибочно указан «киловатт в час» или «кВт/ч». В действительности, киловатт – это единица измерения мощности, то есть расхода энергии в единицу времени. Соответственно, единицей измерения электрической энергии может быть «киловатт-час» по аналогии с такой единицей измерения рабочего времени, как «человеко-год».

Некоторое знакомство с электротехникой и физикой позволило бы избежать подобных досадных ошибок. В случае научных публикаций их непосредственный вред невелик, но в случае юридически значимых документов ситуация может быть хуже: от ущерба репутации органов власти до признания недействительными протоколов следственных действий. Подчеркнем, что здесь снова идет речь о фундаментальном факте, не зависящем от новых моделей оборудования для майнинга.

Расследование преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты или посягающих на счета в криптовалюте, является крайне сложным в силу анонимности кошельков. Однако обмен криптовалюты на материальные ценности (что и является конечной це-

лью большинства преступлений в этой сфере) в основном проходит через сайты-обменники или биржи, так как достаточно трудно найти контрагента, который бы согласился принять криптовалюту в качестве оплаты.

Это означает, что вопрос определения личности владельца кошелька криптовалюты сводится к отслеживанию цепочки транзакций, ведущих к кошельку на бирже или обменнике. Учет криптовалют децентрализован и информация обо всех транзакциях в криптовалюте доступна в открытых источниках, например сайтах бирж. Однако ручное отслеживание цепочек транзакций в реальных условиях требует много времени и чревато ошибками. Для автоматизации подобных действий были разработаны системы блокчейн-анализа, например «Прозрачный блокчейн», используемая Федеральной службой по финансовому мониторингу Российской Федерации [2].

Одной из основ систем блокчейн-анализа является теория графов: раздел математики, изучающий структуру связей объектов произвольной природы. В случае блокчейн анализа объектами выступают кошельки криптовалюты, а связями – переводы между кошельками.

Истоки теории графов восходят к античности: философ и математик Порфирий использовал изображение дерева как иллюстрацию дихотомического деления в работе «Введение» для классификации философского понятия материи [6], а дерево может быть рассмотрено как одна из разновидностей графов. Подлинное научное изучение графов началось, когда Леонард Эйлер в статье, изданной Петербургской академией наук, о решении знаменитой задачи о кенигсбергских мостах [4], датированной 1736 г., первым применил идеи теории графов при доказательстве некоторых утверждений. В XIX в. теория графов применялась в электротехнике и органической химии.

На сегодняшний день эта математическая теория очень активно применяется на практике, так как с помощью графов можно описывать компьютерные и социальные

сети. Такое направление, как «анализ социальных сетей», может быть в значительной степени охарактеризовано как прикладная теория графов. Анализ социальных сетей может быть использован в раскрытии и расследовании преступлений, так как позволяет извлекать информацию, хранящуюся в сети Интернет в неявной форме.

Из сказанного видно, что в основе блокчейн-анализа, который появился относительно недавно, необходимого для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, лежит теория графов, появившаяся в XVIII в. и окончательно сформировавшаяся в середине XX в. При этом данное научное направление имело правоохранительные приложения и до появления криптовалют. Специалисты, изучившие элементы теории графов для использования при анализе социальных сетей, получили определенное преимущество при изучении блокчейн-анализа.

Мы снова видим, что фундаментальные факты, установленные задолго до появления компьютеров, оказываются полезными с точки зрения изучения самых современных информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, современные тенденции в развитии информационно-коммуникационных технологий и их проникновение непосредственно в сферу правового регулирования общественных отношений на уровне федеральных законов требует совершенствования подготовки сотрудников органов внутренних дел. Это может происходить как на уровне высшего ведомственного образования, так и дополнительного профессионального образования (повышения квалификации).

При этом применительно к информационно-коммуникационным технологиям, связанным с цифровой валютой и блокчейн-технологиями, необходимо ориентироваться на сочетание фундаментальной подготовки и полезности преподаваемого материала для профессиональной служебной деятельности.

Библиографический список

1. Болотов, А.А. Элементарное введение в эллиптическую криптографию : протоколы криптографии на эллиптических кривых / А.А. Болотов, С.Б. Гашков, А.Б. Фролов. – М.: URSS, 2006. – 274 с. – ISBN 5-484-00444-6. – EDN QMQFVJ.
2. Бутенко, О.С. Криптовалюты как общественно-экономическое явление и объект криминалистического анализа / О.С. Бутенко // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – N 4(57). – С. 217-222. – DOI 10.25683/VOLBI.2021.57.412. – EDN LOFGPY.
3. Карлов, А.Л. Процессуальные средства обеспечения сохранности криптовалюты в ходе расследования уголовного дела (на примере биткоина) / А.Л. Карлов, П.В. Галушин // Современное право. – 2020. – N 7. – С. 110-114. – DOI 10.25799/NI.2020.34.65.017. – EDN DCHTTG.
4. Мациевский, С.В. К истории теории графов. Зарождение / С.В. Мациевский, Г.В. Квитко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Физико-математические и технические науки. – 2021. – N 4. – С. 23-33. – EDN KUQQVZ.
5. Пошерстник, Б.Е. Биткоин. Блокчейн. Криптовалюты : лекции для старшеклассников / Б.Е. Пошерстник, М.Я. Пратусевич. – СПб: СМЮ Пресс, 2023.
6. Проскурин, С.Г. Древо Порфирия и картина мира / С.Г. Проскурин // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2. – N 2(32). – С. 132-139. – DOI 10.17212/2075-0862-2017-2.2-132-139. – EDN YUNGFH.
7. Талев, Н.Н. Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / Н.Н. Талев ; пер. с англ. Н. Караева. – М.: Азбука, 2018.

УДК 343.148.4

**Валентина Эдуардовна
ЯСКИНА,**

старший эксперт отдела
почерковедческих экспертиз
и технико-криминалистического
исследования документов
Управления криминалистических
экспертиз и учетов
ЭКЦ МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук
yaskinave@gmail.com

**Павел Игоревич
ЛАКЕЕВ,**

старший эксперт отдела
почерковедческих экспертиз
и технико-криминалистического
исследования документов
Управления криминалистических
экспертиз и учетов
ЭКЦ МВД России (г. Москва)
plakeev2@mvd.ru

**Леонид Михайлович
КРУГЛОВ,**

главный эксперт отдела
почерковедческих экспертиз
и технико-криминалистического
исследования документов
Управления криминалистических
экспертиз и учетов
ЭКЦ МВД России (г. Москва)
lkruglov@mvd.ru

**О ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПИСЬМА,
КОТОРЫМИ ВЫПОЛНЕНЫ РУКОПИСНЫЕ ОБЪЕКТЫ, ПО ИХ ИЗОБРАЖЕНИЯМ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫМ НА ЭКСПЕРТИЗУ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ**

**ON THE POSSIBILITY OF DETERMINING THE WRITING TOOLS USED
IN HANDWRITTEN ITEMS, BY THEIR ELECTRONIC IMAGES SUBMITTED
FOR EXAMINATION**

В статье рассматриваются вопросы выявления диагностических признаков, характеризующих материалы и инструменты, используемые для выполнения рукописей, изображения которых представлены на экспертизу в электронном виде. Приводится обобщение результатов эксперимента, целью которого было исследование оцифрованных записей, выполненных с применением традиционных инструментов письма, и рукописей, выполненных при помощи инструментов рукописного ввода и стандартных наборов кистей, имитирующих традиционные материалы письма, и их последующее сравнение, в ходе которого выявлены представленные в настоящей статье признаки, позволяющие дифференцировать данные объекты.

The issues of identifying diagnostic features characterizing materials and writing tools used for making manuscripts, images of which are submitted in electronic form for examination are considered in the article. The authors present a summary of the results of the experiment aimed at examining digitized records produced by the use of traditional handwriting tools, as well as manuscripts produced using handwriting tools and standard brush sets simulating traditional writing materials. A subsequent comparison which revealed features presented in this article allow the differentiation of these items.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, судебная экспертиза, цифровые рукописные записи, электронный почерковый объект, рукописный ввод, рукопись, изображение почеркового объекта, способ выполнения рукописи, инструменты письма.

Keywords: *graphological examination, forensic examination, digital handwritten records, electronic handwritten item, handwriting, manuscript, image of a handwritten item, method of making a manuscript, writing tools.*

Исследование рукописей, изображения которых представлены в копиях документов, является достаточно распространенной экспертной задачей. Несмотря на ряд сложностей, сопровождающих процесс назначения и производства экспертиз, а также интерпретацию результатов исследования, данный вид объектов привычен и понятен большинству экспертов-почерковедов. Но только в том случае, если речь идет о бумажных копиях документов.

В настоящее время в практической деятельности экспертов встречаются ситуации, в которых объектом экспертизы выступают цифровые копии рукописных объектов или рукописи, выполненные при помощи устройств рукописного ввода [подр.: 8, с. 55]. Основная сложность таких исследований заключается в том, что устройства рукописного ввода, как и любые другие нетрадиционные материалы и инструменты письма, влияют на отображение признаков почерка. Соответственно, выводы и условия, при которых они будут истинными, зависят от правильного определения этих инструментов и материалов, выбора методических подходов к исследованию данных объектов, учета специфики отображения признаков в процессе их интерпретации и оценки. Эти ситуации заставляют отклоняться от стандартных алгоритмов действий и решать поставленные вопросы, адаптируя привычные методы и средства под нетипичные исследуемые объекты.

Большинство научных дискуссий, затрагивающих проблему исследования рукописей по их изображениям, сконцентрированы вокруг вопроса возможности установления рукописного способа выполнения представленного объекта [1]. Методика почерковедческой экспертизы предполагает, что «с использованием инструментальной базы решается задача установления способа выполнения исследуемого объекта: рукописный, нерукописный или объект является изображением (копией) рукописной или нерукописной записи. В зависимости от того, каким способом выполнена исследуемая запись (текст), проводится исследование в целях выявления признаков применения технических средств

и предварительной технической подготовки ее воспроизведения» [7, с. 313]. Терминология, с одной стороны, очевидная, а с другой – не в полной мере теоретически разработанная, поскольку в известной нам научной и методической литературе рукописный объект определяется как «исполненный рукописным способом», то есть рукой человека при помощи орудия, предназначенного для письма, по правилам письма этим орудием на предназначенной для письма поверхности [6, с. 18]. И если признаки различных орудий письма достаточно подробно освещены в криминалистической литературе [2; 4; 5], то непосредственно признаки рукописного (или свободного) выполнения рассматриваются лишь некоторыми авторами [7, с. 361; 3].

На практике решение этой задачи сводится к установлению материалов и инструментов письма (что исключает выполнение исследуемого объекта при помощи печатающих устройств и факсимиле) и установлению факта отсутствия признаков применения иных технических средств (под которыми обычно понимаются плоттеры и подобные им устройства). То есть путем исключения фактов нерукописного выполнения.

При работе с оригиналами документов и записями в них этот вопрос решается в ходе микроскопического исследования. Работа с объектами, представленными в электронном виде, требует принципиально иного подхода к технической составляющей этого процесса. В частности, исследование таких рукописей не предполагает использования предусмотренных методикой средств увеличения. Микроскопическое исследование, проводимое на предварительной стадии, во-первых, невозможно, а во-вторых, нецелесообразно. Соответственно, для решения рассматриваемой задачи необходимо использовать программные средства увеличения.

Такая возможность, а также более высокое качество позволяют говорить о преимуществах изображений в электронном виде перед традиционными изображениями рукописей в бумажных копиях документов, при микроскопическом исследовании которых возможно установить лишь способ пе-

чати изображения. При этом выявить комплекс признаков, позволяющих определить инструмент, используемый при выполнении оригинала, в подавляющем большинстве случаев невозможно, так же как и невозможно установить факт применения технических средств и приемов. Поэтому вывод в отношении таких рукописей должен носить условный характер.

Исследование изображений рукописей, представленных на экспертизу в электронном виде, имеет на этой стадии несколько большие возможности, которые во многом предопределены свойствами представленных файлов.

В целях установления условий получения изображений рукописей и характеристик файлов, при которых возможно выявление морфологических признаков штрихов и установление инструментов письма, нами был проведен ряд исследований. Записи, выполненные традиционными инструментами письма, оцифровывались при помощи различных технических средств с разными параметрами.

Исследованию подлежали полученные в процессе эксперимента рукописи, выполненные наиболее распространенными материалами и инструментами письма: шариковыми ручками с различными типами красящих веществ (чернила различного состава и вязкости), перьевые и капиллярные ручки, а также простые карандаши. Данные рукописные объекты были оцифрованы путем их сканирования с разным разрешением (1200 dpi, 600 dpi, 300 dpi, 150 dpi). Предметом иссле-

дования на данном этапе послужили признаки материалов и инструментов письма, запечатленные при помощи цифровых средств фиксации.

С учетом того, что исследованию подлежали изображения рукописей в электронном виде, масштабирование объектов осуществлялось с помощью графических редакторов и программных средств просмотра изображений. В результате этого на предварительном этапе было выявлено визуальное несоответствие отображений аналогичных фрагментов штрихов при использовании различных программ (рис. 1, 2). Это объясняется наличием у некоторых средств просмотра изображений (например, Microsoft Office Picture Manager) встроенных программных компонентов, отвечающих за графическое воспроизведение файла, снижающих контрастность и резкость контуров предметов и цветовых переходов в изображении.

Ввиду выявленных особенностей, для исследования морфологических признаков штрихов экспериментальных записей использовалось средство просмотра фотографий Windows, не подвергающее исследуемое изображение рукописи значительным искажениям. При масштабировании изображений в штрихах исследуемых записей наблюдаются признаки, характеризующие распределение красящего вещества, интенсивность окрашивания, конфигурацию краев штрихов и их ширину. Наиболее полный комплекс перечисленных диагностических признаков определяется в изображениях с разрешени-

Рис. 1. Изображение штриха рукописи, воспроизведенное с помощью Microsoft Office Picture Manager

Рис. 2. Изображение штриха рукописи, воспроизведенное с помощью средства просмотра фотографий Windows

ем 600-1200 dpi (рис. 3, 4), при разрешении 300 dpi и менее – признаки, характеризующие границы штрихов, а также отдельные признаки, характеризующие распределение

красящего вещества, определяются сложнее или не наблюдаются совсем ввиду высокой дискретности штрихов (рис. 5, 6).

Рис. 3. Изображение рукописи с разрешением 1200 dpi

Рис. 4. Изображение рукописи с разрешением 600 dpi

Рис. 5. Изображение рукописи с разрешением 300 dpi

Рис. 6. Изображение рукописи с разрешением 150 dpi

Также следует обратить внимание, что в рамках проведенного исследования рукописей, признаки, характеризующие рельеф штрихов, отражающую способность красящего вещества и степень его проникновения в толщу текствоспринимающей поверхности, не наблюдаются, что объясняется отсутствием возможности их выявления путем использования дополнительных средств и методов, применяемых при исследовании бумажных документов (косопadaющий свет, изменение угла зрения и т.д.).

В результате анализа особенностей отображения признаков, установлено, что оптимальным разрешением, позволяющим определять такие характерные моменты как отсутствие расплывов красящего вещества в

границах штрихов, характерное для штрихов, выполненных шариковой ручкой с пастой, так называемая «прозрачность середины», характерная для штрихов, выполненных шариковой ручкой с гелевыми чернилами, отсутствие неокрашенных участков, характерное для штрихов, выполненных ручкой-роллером и т.д., является 600 dpi. При этом большее разрешение файла, как правило, не дает возможности выявить большее количество значимых для решения вопроса признаков. А разрешение 300 dpi и менее не позволяет выявить признаки, характеризующие тот или иной инструмент письма, либо однозначно оценить наблюдаемые особенности.

Главная сложность в решении таких диагностических задач заключается в том, что

на современном этапе развития технических средств графические редакторы имеют программные кисти, имитирующие различные материалы и инструменты, традиционно используемые для выполнения записей. Соответственно, штрихи рукописных записей, созданных с их применением, имеют внешнее сходство со штрихами аналогичных пишущих приборов.

Для оценки степени сходства и определения возможности их дифференцирования, было проведено исследование изображений штрихов цифровых рукописей на предмет наличия в них признаков, характерных для соответствующих традиционных пишущих приборов.

Экспериментальные записи выполнялись с использованием стандартных наборов кистей наиболее распространенных графических редакторов (Adobe Photoshop, Procreate) в файлах, разрешение которых варьировалось от 150 dpi до 600 dpi. При этом наибольшее визуальное сходство со штрихами записей, выполненных традиционными материалами письма, наблюдается у кистей программы Procreate.

Однако следует отметить, что среди признаков, характеризующих такие инструменты письма, как шариковая ручка с пастообраз-

ными и гелевыми чернилами, ручка-роллер, перьевая ручка и простой карандаш, на исследуемых изображениях наблюдаются лишь некоторые признаки, характеризующие распределение красящего вещества и интенсивность окрашивания штрихов, а также в отдельных случаях (различные вариации имитаций чернильных ручек) – признаки, характеризующие конфигурацию краев штрихов. При этом большее разрешение файла нагляднее демонстрирует отличия штрихов, выполненных при помощи инструментов рукописного ввода, от штрихов оцифрованных записей, выполненных традиционными инструментами письма.

Наиболее ярко выраженные отличия в каждом конкретном случае обусловлены механизмом слепообразования. Так, при выполнении записи карандашом, ввиду особенности удержания инструмента в руке при письме, заточки грифеля, его длины, а также стачивания части грифеля в процессе выполнения рукописи, меняется пятно контакта и, соответственно, ширина штриха может иметь достаточно большую вариативность, которая не наблюдается в штрихах цифровой записи, выполненной при помощи кисти, имитирующей этот инструмент письма (рис. 7, 8).

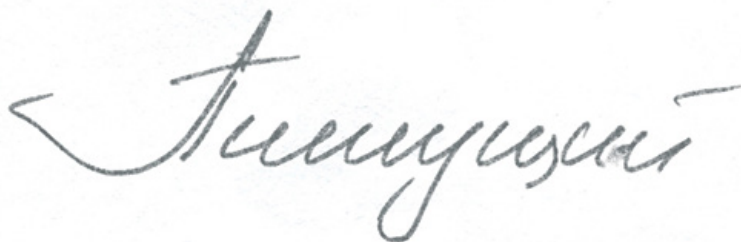

Рис. 7. Изображение рукописи, выполненной при помощи инструментов рукописного ввода кистью, имитирующей карандаш

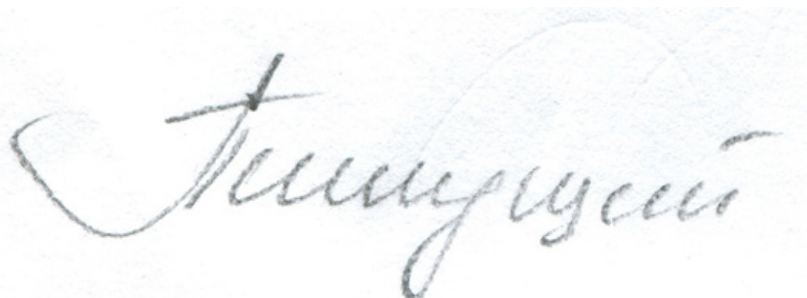

Рис. 8. Изображение оцифрованной рукописи, выполненной простым карандашом

В штрихах записей, выполненных инструментами рукописного ввода при помощи кисти, имитирующей растекание чернил, достаточно правдоподобно выглядят границы штрихов, однако не наблюдаются другие признаки, позволяющие говорить, об их схожести со штрихами конкретного традиционного инструмента письма: нет сброса крася-

щего вещества в местах смены направления движений, отсутствие продольных полос, характерного для шариковых ручек различного типа [6, с. 17-18], отсутствие прямой зависимости ширины штриха от смены направления движений, высокая контрастность и резкость краев штрихов относительно фона и т.д. (рис. 9-12).

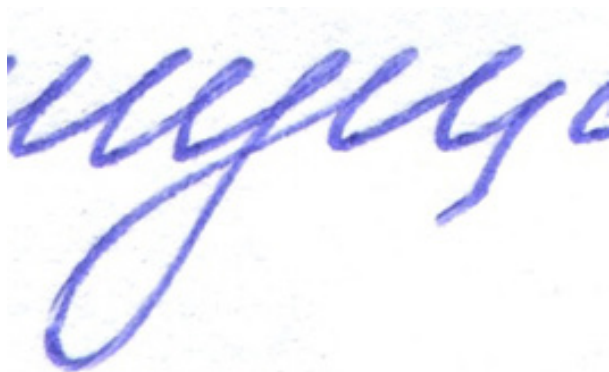

Рис. 9. Изображение оцифрованной рукописи, выполненной шариковой ручкой с пастообразными чернилами

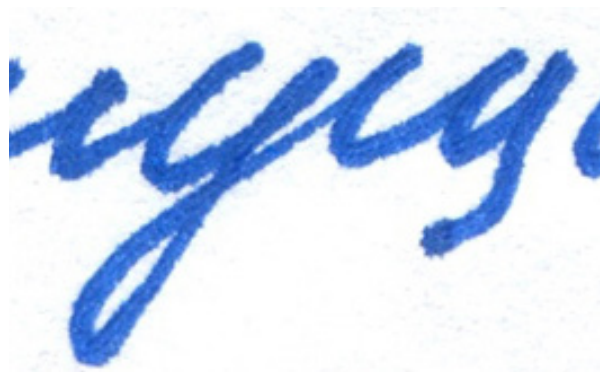

Рис. 10. Изображение оцифрованной рукописи, выполненной ручкой-роллером

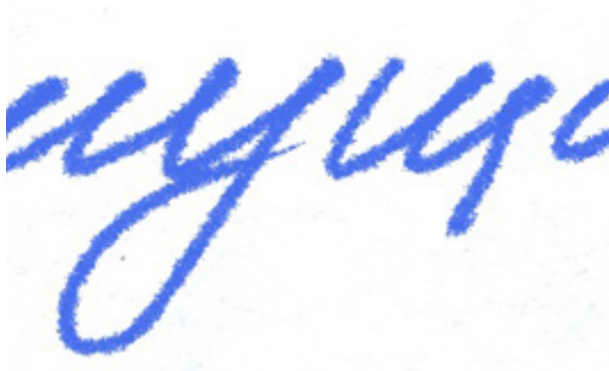

Рис. 11. Изображение рукописи, выполненной при помощи инструментов рукописного ввода кистью, имитирующей растекание чернил

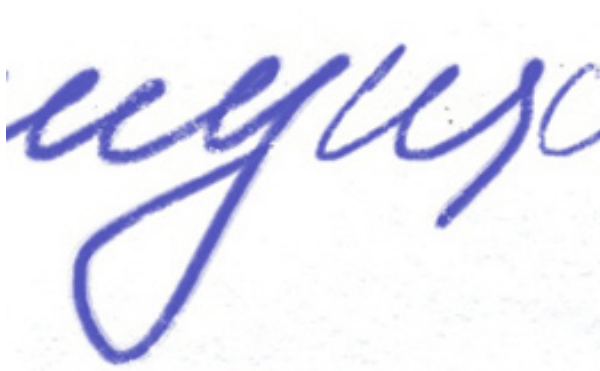

Рис. 12. Изображение рукописи, выполненной при помощи инструментов рукописного ввода кистью, имитирующей шариковую ручку

Таким образом в результате анализа полученных в ходе проведенного исследования данных, установлено, что штрихи записей, выполненных при помощи стандартных имитирующих пишущие приборы кистей графических редакторов и инструментов рукописного ввода, имеют существенные отличия от штрихов оцифрованных рукописей, выполненных с применением традиционных материалов письма. Выявление данных отличий возможно при исследовании электронных

файлов с изображениями таких почерковых объектов, имеющих разрешение порядка 600 dpi. При разрешении менее 300 dpi многие диагностические признаки, характеризующие материалы и инструменты письма, нивелируются из-за высокой дискретности штрихов, которая увеличивается по мере снижения качества изображения. Признаки, которые наблюдаются в изображениях с низким разрешением не могут быть корректно интерпретированы и отнесены к той или иной группе,

так как при указанном качестве изображений штрихи записей, выполненных при помощи инструментов рукописного ввода, и штрихи оцифрованных записей, выполненных традиционными материалами письма, имеют схожесть.

Это исследование затрагивает лишь малую часть используемых для выполнения рукописей технических и программных инструментов, однако его результаты освещают некоторые нюансы исследования цифровых записей и позволяют избежать ошибочных

умозаключений в процессе решения диагностических задач по определению материалов и инструментов письма, используемых в процессе выполнения рукописных объектов, что в конечном итоге влияет на достоверность вывода. Полагаем, что проведенный эксперимент может стать отправной точкой в процессе исследования особенностей отображения признаков материалов и инструментов письма в рукописях, изображения которых представлены на экспертизу в цифровом виде.

Библиографический список

1. Барина, О.А. Современное состояние практики диагностирования факта нерукописного выполнения записей и подписей / О.А. Барина // Вестник экономической безопасности. – 2021. – N 3. – С. 119-124.
2. Возможности установления последовательности выполнения реквизитов документов : методические рекомендации / И.Г. Захарова, П.А. Четверкин, А.А. Плинатус, А.В. Мамонтов. – М.: ЭКЦ МВД России, 2019. – 72 с.
3. Исмадова, Т.И. Возможности определения нерукописного способа выполнения почерковых объектов / Т.И. Исмадова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – N 1(29). – С. 235-242.
4. Коршиков, А.П. Общая методика проведения идентификационных почерковедческих исследований для установления исполнителей рукописных записей и подписей : методические рекомендации по определению технических параметров выполнения рукописных записей / А.П. Коршиков. Часть 1. – М.: Институт Криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2005. – 124 с.
5. Плинатус, А.А. Шариковые ручки: основные этапы развития, современное устройство и разновидности / А.А. Плинатус, Д.А. Шлыков // Энциклопедия Судебной Экспертизы : научно-практический журнал. – 2019. N 1 (20). – С. 45-70. – URL:<http://www.proexpertizu.ru>.
6. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз : справочное пособие / сост.: И.И. Рубцова, Л.А. Сысоева, А.П. Кортиков [и др.]. – М.: ЭКЦ МВД России, 2008. – 64 с.
7. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю.М. Дильдина, В.В. Мартынова. Ч. I. – М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. – 568 с.
8. Яскина, В.Э. О некоторых вопросах исследования почерковых объектов, представленных на экспертизу в электронном виде / В.Э. Яскина, П.И. Лакеев, Л.М. Круглов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18. – N 2. – С. 54-61.

УДК 343.9

Евгений Николаевич ВОЛЫНКИН,

доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
volynkinen@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НЕФОРМАЛЬНЫМ МОЛОДЕЖНЫМ ФОРМИРОВАНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

COUNTERACTION OF OPERATIONAL UNITS TO INFORMAL YOUTH FORMATIONS OF EXTREMIST ORIENTATION

В статье рассматриваются современное состояние молодежных формирований экстремистской направленности и их влияния на неформальные молодежные объединения, меры, направленные на противодействие экстремизму среди молодежи. Предлагаются некоторые направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в системе противодействия молодежным группировкам экстремистского толка.

The article examines the current state of extremist youth associations and their influence on informal youth associations, the state of measures aimed at countering extremism among young people. Some areas of activity of the operational units of the internal affairs bodies in the system of countering extremist youth groups are proposed.

Ключевые слова: противодействие, молодежный экстремизм, неформальные молодежные объединения, оперативные подразделения, взаимодействие, предупреждение преступлений.

Keywords: counteraction, youth extremism, informal youth associations, operational units, interaction, crime prevention.

Противодействие проявлениям экстремистской идеологии и порождаемым ею действиям, особенно молодежных групп населения, – одна из глобальных проблем, стоящих перед человечеством в третьем тысячелетии. Статистические данные свидетельствуют о том, что преступления экстремистской направленности в абсолютном большинстве (около 80%) совершаются молодыми людьми в возрасте от 14 до 30 лет¹.

Деятельность молодежных объединений экстремистского толка выступает серьезным фактором дестабилизации социально-поли-

тической ситуации в России и представляет собой серьезную угрозу государственной безопасности и территориальной целостности России, поскольку идеология экстремизма имеет строго ориентированную направленность на нарушение прав и свобод граждан, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, применение насилия и т.д.

Термин «неформальные молодежные объединения» сегодня прочно утвердился и в научных источниках, и в повседневном употреблении. Неформальность проявляется в

1 Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.11.2023).

смещении морально-этических норм поведения, в способах самоутверждения, проявления себя в обществе, концентрации на себе внимания [5, с. 38]. Неформальные объединения не предполагают влиятельного и тем более принудительного доминирования, их связи преимущественно горизонтальны, а авторитет их лидеров основан, как правило, на личностных качествах. Вместе с тем в подобных объединениях зачастую действуют жесткая дисциплина, безоговорочное подчинение лидеру (координатору и др.), в том числе для осуществления различных несанкционированных акций.

В отличие от обычных неформальных молодежных групп, совершающих противоправные хулиганские действия или акты вандализма с одной лишь «развлекательной» целью, экстремистски настроенная молодежь осуществляет схожие по форме действия, обуславливая их определенной идеологией [6, с. 147]. Здесь в качестве основной идеи для преодоления всех политических и экономических катаклизмов в стране выдвигается создание «чисто национального» государства, так как это, по их представлению, является гарантией защиты от возможных или потенциальных угроз инородного, в том числе враждебного, превалирования над экономической и культурной средой обитания в стране.

Опасность молодежного экстремизма выражается не только в самих фактах призыва к различного рода преступным деяниям, круг которых является достаточно обширным и в большей мере направленным на ослабление ведущей роли учреждений, организаций, функционирующих в системе органов государственной власти, но и к совершению преступлений против общественной безопасности.

Согласно данным МВД России, на учетах в органах внутренних дел состоят свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью

более 20 тысяч человек, 147 группировок из этого числа относят себя к неформальному движению «скинхедов», 72 – к футбольным фанатам, 31 – к Российскому национальному единству, 18 – к реперам, 8 – к национал-большевистскому движению¹. Следует заметить, что начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция (СВО) на Украине в корне изменила ситуацию в России в рассматриваемой сфере.

По данным Национального антитеррористического комитета России (НАК РФ) только в первом полугодии 2022 г. из 61 предотвращенного преступления террористической направленности 26 подготавливались молодыми людьми в возрасте до 25 лет из числа молодежных группировок экстремистской направленности, курируемых украинскими и западными спецслужбами, активно использующими Интернет для психологического воздействия². Причем в период проведения СВО отчетливо проявляют себя спецслужбы стран НАТО и Служба безопасности Украины (далее – СБУ), инициирующие молодежный экстремизм в России через каналы социальных сетей, наиболее популярные у российской молодежи, в том числе СМИ-иноагенты, используя при этом аудио-, видеосюжеты, в том числе созданные искусственным интеллектом³.

Специальная военная операция явилась фактором, который обострил и активизировал ранее уже имевшие место проявления молодежного экстремизма в двух сходных по общественной опасности направлениях:

1) массовые и организованные акции, сопровождающиеся применением насилия по отношению к представителям национальных меньшинств;

2) склонение неформальных молодежных группировок к объединению с экстремистскими группами и с близкими по идеологии праворадикальными политическими организациями [7, с. 96].

1 Современное состояние молодежного экстремизма в Российской Федерации // Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Елабужское суворовское военное училище Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <https://есву.мвд.рф/document/3524556> (дата обращения: 10.07.2024).

2 В Москве прошло заседание Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/>.

3 США мечтают разделить Россию на части. URL: <https://ria.ru/20220530/kolonializm-1791573644.html> (дата обращения: 11.06.2024).

Причины формирования молодежных группировок экстремистского толка в Российской Федерации обширны и разноплановы, имеют исторический, экономический, социально-политический, социально-психологический, идейный характер. Причем сочетание причин весьма специфично для каждого региона России. Эти обстоятельства указывают на необходимость выработки основанных на скрупулезном анализе в каждом конкретном случае мер по нейтрализации противоправной деятельности экстремистски настроенных объединений, исходя из культурных, духовных, материальных и нравственных особенностей конкретного субъекта Российской Федерации [4, с. 215].

Инициаторами негативного развития рассматриваемой ситуации выступают в первую очередь организаторы и активные участники использования цифровых ресурсов как средства мобилизации молодежных группировок на совершение экстремистских проявлений.

В настоящее время глобальная сеть Интернет используется заинтересованными субъектами для рассылки материалов экстремистского содержания, в интернет-сообществах действуют большое количество квалифицированных «кукловодов», оказывающих существенное влияние на молодежное правосознание, пропагандирующих продвижение экстремизма и организацию беспорядков. Председатель правления Ассоциации разработчиков программных продуктов «Отечественный софт» Наталья Касперская констатировала, что на конец 2020 г. в деструктивных группах состояли 45 миллионов подписчиков¹, а в 2022 году число активных подписчиков деструктивных групп и сообществ в Интернете среди молодежи составило 10,5 миллионов. Интернет распространяет множество клишированных взглядов и идеологических установок, адресованных молоде-

жи, иллюстрируя в простой, общедоступной, но зачастую порочной форме происходящие в обществе события и наиболее сложные и противоречивые процессы. Вместе с тем, по данным Лиги безопасного Интернета, этому способствовала блокировка ряда социальных сетей, активность равнодушных граждан и принимаемых МВД России, Генеральной прокуратурой и Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) действий. Так, к примеру, Роскомнадзором на основании решений Федерального агентства по делам молодежи заблокированы в 2023 г. более 31,5 тысячи материалов, а за 2022 год были вынесены 18,7 тысячи решений о блокировке².

Исследования показывают, что около 70% молодежи проводят большую часть свободного времени в виртуальном пространстве, более 80% имеют пользовательские аккаунты в различных социальных сетях. Так, по данным Лиги безопасного Интернета, 74 миллиона аккаунтов в России находятся под воздействием деструктивного контента, из них 14 миллионов аккаунтов принадлежат детям и подросткам³. Зачастую несовершеннолетние гораздо более взрослых информированы о возможностях сети Интернет, в том числе теневой его части (Darknet), и это обстоятельство активно используется радикалами, изыскивающими пути и возможности вступления в дебаты, дискуссии, при этом эмоционально отстаивающими свои убеждения и идеологию, одновременно проводя агитационную и вербовочную работу, направленную на увеличение численности своих сторонников. Для осуществления преступной деятельности указанные лица используют специализированные интернет-сервисы, которые удаляют информацию; к примеру, после открытия интернет-ссылки информация, содержащая

1 Чернышёв Е. Касперская: Окно в преступный мир у каждого ребенка в кармане // НАКАНУНЕ.РУ. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/05/12/22601520/> (дата обращения: 22.03.2024).

2 Объем деструктивного контента в РФ вырос вдвое в 2023 году. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2024/01/12/obem-destruktivnogo-kontenta-v-rf-vyros-vdvoe-v-2023-godu/>.

3 Лига безопасного Интернета назвала число российских аккаунтов, находящихся под воздействием деструктивного контента // Взгляд: деловая газета. URL: http://www.vz.ru/?utm_medium=source&utm_source=rnews (дата обращения: 14.02.2023).

сведения экстремистского толка, самоуничтожается, то есть действует одновременно.

Мы придерживаемся позиции ряда исследователей о том, что меры, предпринимаемые органами внутренних дел в целях противодействия экстремизму, должны носить комплексный характер, включать не только специальные технологии, направленные на выявление, пресечение и раскрытие противоправных экстремистских деяний молодежи, но и иные, позволяющие минимизировать проявления экстремистской идеологии [2, с. 79].

Решение проблемы организации своевременного предотвращения и пресечения имеющихся угроз во многом зависит от эффективности, систематичности и согласованности осуществляемых мероприятий, а также от надлежащего взаимодействия правоохранительных органов [3, с. 111]. Мы же добавим, что выявление, предупреждение и раскрытие указанных преступлений невозможно без надлежащего осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Изучение и анализ практики выявления и разработки неформальных молодежных группировок экстремистской направленности указывают на необходимость активизации и совершенствования ОРД ОВД в целях повышения эффективности осуществляемых ими оперативно-розыскных мероприятий, поскольку противодействие молодежным группировкам экстремистского толка требует применения особых форм, адекватных реалиям сегодняшнего дня и соответствующих закону.

Специфическое место в системе субъектов противодействия молодежным группировкам экстремистского толка в Российской Федерации занимают оперативные подразделения органов внутренних дел, и в первую очередь центры по противодействию экстремизму. Вместе с тем они не в полной мере способны противостоять проявлениям экстремизма со стороны неформальных группировок, поскольку их деятельность главным образом направлена на проверку сообщений

и заявлений граждан, иной информации о преступлениях, а также выполнение иных аппаратных функций. Эта работа составляет около 60% от общей нагрузки оперативного состава¹.

На практике существует множество проблем, связанных с выполнением сотрудниками оперативных подразделений аппаратных функций, поэтому можно констатировать, что на инициативную оперативно-розыскную деятельность у них остается малая часть резерва рабочего времени. С другой стороны, абсолютно понятно, что обусловленное дроблением, дифференциацией и критериями оценки различие «интересов» сотрудников разных оперативных подразделений органов внутренних дел и других силовых структур в определенной мере является препятствием для выступления единым фронтом в борьбе с молодежным экстремизмом.

В этих условиях деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел во многом предопределяется уровнем осведомленности о состоянии фактического положения дел в борьбе с рассматриваемым явлением. При этом успешное решение задач по борьбе с преступлениями молодежных группировок экстремистской направленности возможно только при комплексном использовании всех имеющихся сил, средств и методов ОРД.

Важная роль, на наш взгляд, должна отводиться поисковой работе, организуемой сотрудниками оперативного подразделения на основе анализа оперативной обстановки в местах и на объектах, представляющих оперативный интерес, а также отслеживанию размещенной в сети Интернет информации о способах вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность.

При выявлении в рамках мониторинга сети Интернет неформальных молодежных формирований экстремистской направленности и деятельности по вовлечению в их состав новых членов полагаем целесообразным направление запроса хостинг-провайдеру о

1 Данные на основе опрошенных из числа обучаемых по программе профессионального обучения (профессиональной подготовки) впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел на должность оперуполномоченного уголовного розыска с 2018 года.

предоставлении информации об IP-адресе персонального компьютера и MAC-адресе используемого оборудования с последующим установлением провайдера доступа, который, в свою очередь, обладает сведениями о личности абонента, адресе точки доступа, копией договора на телематические услуги и услуги связи по передаче данных.

Использование проверяемыми лицами в своих целях цифровых устройств и сетей имеет двойственный функционал: с одной стороны, оно позволяет достаточно эффективно осуществлять противоправную деятельность, но с другой – оставляет множество цифровых следов, обуславливающих возможность оперативных подразделений во многом отслеживать их действия.

Так, от операторов мобильной связи можно получить сведения о мобильном устройстве лица, осуществляющего финансирование указанных деяний либо иное содействие в организации информационных услуг: анкетные данные владельца сим-карты, данные других сим-карт, использовавшихся в мобильном телефоне, входящих и исходящих соединениях, движении денежных средств по счету, индивидуальном номере устройства (IMEI).

Позиционирование устройства с встроенными модулями геолокации позволяет установить места концентрации и маршруты передвижения пользователей, входящих в молодежные формирования экстремистской направленности.

При этом анализ контактов с членами молодежных формирований экстремистской направленности может быть реализован по следующим параметрам:

- конкретные проявления общности в рамках неформальной группы;
- выявление соединений между членами экстремистского объединения и их кураторами;
- поиск их общих контактов с другими неформальными молодежными организациями;
- структурирование проявляющейся активности членов экстремистских объединений;
- определение временных параметров проявления активности общения членов экстремистских объединений с неформальными молодежными объединениями, на которые

оказывается влияние;

- отображение их контактов с определенным количеством связей;
- получение информации о каждом отображаемом между ними контакте (предпочитаемый тип связи, первую и последнюю дату связи, общее количество и временной период разговоров, количество принимаемых и отправляемых сообщений).

Исследования свидетельствуют, что в предупреждении, пресечении проявлений экстремистской направленности большое значение имеют и системы видеонаблюдения (в том числе оснащенные IP-камерами).

Большую роль играет наличие у сотрудников оперативных подразделений конфидентов, способных действовать в форумах и на страницах, размещаемых участниками молодежных экстремистских объединений, на развлекательных, в том числе игровых порталах, TOR-сетях, а также в социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook и др. Опыт показывает, что поиск конфидентов для контроля рассматриваемой сферы деятельности должен осуществляться в определенных группах населения, которые по различным причинам могут располагать важными сведениями, а также исходя из особенностей оперативного обслуживания объектов концентрации неформальных молодежных групп. Одной из проблем в этой сфере деятельности мы видим приобретение конфидентов в коммерческих структурах, поскольку определенная часть работающих там лиц являются представителями преступных групп, связанных с теневым дележом собственности и накопления капитала. Привлечению этой категории лиц к содействию должен предшествовать глубокий оперативный анализ естественно складывающихся условий и ситуаций в каждом конкретном случае.

При этом цели поиска в рассматриваемой области могут быть достигнуты лишь при условии тщательного планирования этой работы, правильного выбора объекта поиска, его направлений, привлечения к ней надлежащих сил, средств и использования при этом различных методов оперативно-розыскной деятельности.

Анализ правонарушений, совершенных экстремистскими объединениями, свидетельствует о том, что они представляют собой конгломерат противоправных деяний, зачастую связанных с незаконной легализацией капиталов в целях осуществления экстремистской деятельности. Поэтому источники информации также следует искать с учетом направлений криминальной деятельности молодежных экстремистских объединений в сфере обращения наличного и безналичного капиталов. К таким областям относятся банковские учреждения, организации комитета по экспертно-импортному и валютному регулированию, сфера аукционной торговли, фондовые и товарные биржи, таможня и др. Приобретение и использование таких негласных источников открывает широкие возможности слежения за обращением преступных капиталов, направляемых для поддержания молодежных группировок экстремистской направленности.

Предметом повышенного внимания МВД, ГУ МВД, УМВД субъектов Федерации, как представляется, должно быть преимущественно оперативно-розыскное профилактическое воздействие в отношении неформальных молодежных групп и объединений экстремистской направленности. Активное содействие в этом могут оказывать общественные формирования правоохранительной направленности, в которых следует максимально использовать возможности студенческого актива высших и средних учебных заведений. Указанная форма деятельности в противовес неформальным молодежным группам может быть активно использована при обеспечении охраны как во время проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий, так и в целях предупреждения и пресечения противоправных действий со стороны молодежных группировок экстремистской направленности в местах компактного проживания студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья [1, с. 106].

В сфере предупреждения преступлений экстремистской направленности важную роль, по нашему мнению, следует отводить контрпропаганде, осуществляемой с помо-

щью гласных и негласных сил ОРД, являющейся частью идеологической деятельности, направленной на активное противодействие распространению идей экстремизма.

Для предупреждения образования группировок сотрудники подразделений и служб органов внутренних дел должны предпринимать все возможные меры по своевременному выявлению организаторов (идеологов) группировок и нейтрализации их негативно-го воздействия на несовершеннолетних.

Полагаем, что в целях разобшения или разложения неформальных молодежных объединений следует активнее использовать возможности оперативных подразделений органов внутренних дел. При этом большое значение, на наш взгляд, имеет своевременное и в основном с помощью негласных сил и средств выявление лидеров и активных участников молодежных объединений экстремистского толка с последующей нейтрализацией их негативного влияния вплоть до привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ.

При изобличении такового влияния лидеров и активных членов неформальных молодежных объединений, контактирующих с активом групп экстремистской направленности, следует осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по их дискредитации, оперативные проверки с последующей разработкой выявленных лиц.

Если этого не сделать своевременно, то в случае значительного ослабления профилактической работы в отношении участников неформальных молодежных группировок, в том числе экстремистского толка, после разобшения и ликвидации активных участников и лидеров лидирующее звено зачастую восстанавливается, и в его ряды внедряется новый организатор.

В завершение следует отметить, что противодействие проявлениям экстремизма в молодежной среде является сложной и ответственной задачей, включающей множество организационных и тактических элементов: изучение и анализ оперативной обстановки в целом по линии борьбы с насильственной

преступностью в молодежной среде, в местах их обязательной и произвольной концентрации; своевременное проведение оперативно-профилактических мероприятий в целях пресечения противоправной деятельности экстремистски направленной молодежи. При этом, безусловно, следует иметь в виду, что

противодействие проявлениям экстремизма со стороны молодежи требует тесного взаимодействия субъектов оперативно-розыскной деятельности со всеми правоохранительными органами, а также органами местного самоуправления и представителями общественности.

Библиографический список

1. Бааль, Н.Б. Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде / Н.Б. Бааль // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – N 4 (58). – С. 106-115.
2. Белый, О.И. Психолого-политическая стабильность молодежи – гарант защиты от экстремизма / О.И. Белый // Теория и практика общественного развития. – 2012. – N 3. – С. 77-82.
3. Бондарь, Т.И. Некоторые вопросы использования специальной техники при чрезвычайных обстоятельствах / Т.И. Бондарь, Е.С. Бойко // Правовые, научные и организационные проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях. – М.: МЮИ МВД России, 1997. – С. 109-112.
4. Елишев, С.О. Молодежный экстремизм в современной России / С.О. Елишев // Вестник Российской нации. – 2013. – N 5(31). – С. 208-219.
5. Зубок, Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – N5. – С. 37-47.
6. Манукян, А.Р. Молодежный религиозный экстремизм в современной России: пути его преодоления и профилактики (на примере Северо-Кавказского региона) / А.Р. Манукян // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – N 1. – С. 146-148.
7. Сергеев, С.А. Молодежные субкультуры в республике / С.А. Сергеев // Социологические исследования. – 1998. – N 11. – С. 96-102.

УДК 343.359.2

Георгий Александрович ДЯТЛОВ,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Юридического института
Севастопольского государственного университета,
кандидат юридических наук
gadyatlov@seusu.ru
ORCID 0000-0001-7708-4386

Дмитрий Валерьевич ШИНКЕВИЧ,
заместитель начальника Главного следственного
управления ГУ МВД России по Красноярскому краю,
кандидат юридических наук, доцент
schinkevichd@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

THE CURRENT STATE AND ISSUES OF DECRIMINALIZATION OF CRIMES IN THE FIELD OF TAXATION

Статья освещает ключевые изменения в уголовном законодательстве России, направленные на декриминализацию налоговых преступлений, начиная с 2022 года. Основное внимание уделено повышению порога уголовной ответственности и переориентации процесса возбуждения уголовных дел, что теперь осуществляется исключительно на основе материалов налоговых органов. Дополнения 2023 года уточняют критерии классификации действий как уголовных, что снижает количество менее значительных дел и способствует гуманизации уголовного законодательства.

The article highlights the key changes in Russian criminal law aimed at decriminalizing tax offences starting in 2022. The primary focus is given to raising the threshold for criminal liability and reorienting the process of initiating criminal cases, which now based exclusively on the data of tax authorities. The 2023 additions clarify the criteria for classifying actions as criminal, that reduces the number of frivolous cases and contributes to the humanization of criminal legislation.

Ключевые слова: декриминализация, налоговые преступления, уголовное законодательство, порог уголовной ответственности, налоговые органы.

Keywords: decriminalization, tax offenses, criminal legislation, threshold of criminal liability, tax authorities.

9 марта 2022 года в законодательную базу Российской Федерации Федеральным законом N 51 были внесены изменения, которые модифицировали положения статьи 76.1 Уголовного кодекса РФ, тем самым значительно увеличив минимальные по-

роги для возбуждения уголовных дел по налоговым нарушениям; данный шаг предполагал существенное повышение уровня юридической толерантности в отношении мелких налоговых нарушений. Эти нововведения, способствуя декриминализации ряда налоговых

правонарушений, вызвали широкие дискуссии среди юристов и законодателей относительно целесообразности криминализации действий, описанных в статьях 198 и 199 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), особенно в контексте принятых законодательных изменений. Была проведена тщательная ревизия санкций и анализ содержания упомянутых статей УК РФ, что неизбежно привело к необходимости глубокого исследования и детального толкования новых правовых норм, чтобы обеспечить их корректное применение и интерпретацию в рамках существующей правоприменительной практики.

Во время пленарного заседания XXV Петербургского международного экономического форума Президент Российской Федерации Владимир Путин особо подчеркнул значимость и актуальность недавно внесенных изменений в УК РФ, касающихся налоговой сферы. Он выразил убеждение, что эти поправки направлены на устранение правовых пробелов, которые ранее могли использоваться для неправомерного давления на представителей бизнеса. Президент также акцентировал внимание на цели сокращения возможностей для налоговых правонарушений, подчеркивая стремление к более справедливому и эффективному регулированию в рамках налогового законодательства [2, с. 99].

До конца 2011 года процедура возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям обладала единой нормативной базой. Однако в рамках национальных усилий по реформированию уголовного процесса, были предприняты существенные шаги к пересмотру этой процедуры. В декабре 2011 года Федеральным законом N 407-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) были внесены изменения, включая добавление пункта 1.1 в статью 140. Это дополнение установило, что основанием для начала уголовных дел по статьям 198-199.2 УК РФ служат исключительно документы, предоставляемые налоговыми органами. Такое нововведение направлено на повышение юридической прозрачности и точности, оптимизацию процесса обращения в правоохранительные органы и снижение рисков

злоупотреблений в рамках налогового законодательства [1, с. 178].

Процедурные нормы, регулирующие начало уголовных расследований налоговых нарушений, которые были закреплены в части 1.1 статьи 140 УПК РФ, были аннулированы согласно Федеральному закону от 22 октября 2014 года N 308-ФЗ. Сопутствующие документы к этому закону подчеркивают, что предыдущий регламент существенно сужал возможности правоохранительных органов в обнаружении налоговых преступлений и включении разведанных в ход судебных разбирательств. Эти обстоятельства стали основными причинами для отмены данного устава, что, в свою очередь, способствовало улучшению гибкости и эффективности процессов привлечения к ответственности за налоговые нарушения.

В марте 2022 года произошло важное обновление в российском налоговом законодательстве, утвержденное Федеральным законом N 51. Этот закон внес существенные изменения в статьи 140 и 144 УПК РФ. Одним из ключевых аспектов обновления стало то, что документы, собранные в ходе налоговых аудитов по статьям 89 и 100 Налогового кодекса РФ (НК РФ), теперь могут служить основанием для возбуждения уголовных дел. Также налоговые инспекции получили строгий срок в два месяца для оформления акта проверки после завершения аудита. Этот акт имеет весомое значение, так как при обнаружении налоговых нарушений он становится юридическим основанием для начала уголовного преследования, усиливая тем самым меры наказания в соответствии с статьями 198 и 199 УК РФ. Эти меры предполагают более строгий контроль и возможные санкции для нарушителей налогового законодательства.

Введение изменений в УПК РФ и НК РФ может иметь значительные последствия как для бизнеса, так и для экономической стабильности в стране. С одной стороны, более строгий контроль и возможность применения уголовных мер за налоговые нарушения могут укрепить дисциплину и улучшить собираемость налогов, что важно для государствен-

ного бюджета. С другой стороны, это также повышает риски для предпринимателей, которые могут столкнуться с более жесткими последствиями за ошибки или несоответствия в налоговой отчетности, – пишет Е.Б. Серова [6, с. 127].

Существует опасение, что такие изменения могут оказать давление на бизнес-общество, особенно на малые и средние предприятия, которые часто сталкиваются с трудностями в интерпретации сложных налоговых регуляций. В то же время наличие четких правил и последовательное их применение могут способствовать созданию более предсказуемой и прозрачной бизнес-среды.

Декриминализация в сфере налогообложения может также затрагивать статью 122 НК РФ, которая регулирует порядок исчисления и уплаты налогов и сборов. Возможные изменения могли бы включать уменьшение уголовной ответственности за ошибки в исчислении налогов, не наносящие значительного ущерба государственному бюджету, и перевод таких действий в разряд административных нарушений.

Другим аспектом является пересмотр статьи 120 НК РФ, касающейся налоговой отчетности. Предложения могут заключаться в том, чтобы лишь умышленное искажение данных в отчетности считалось уголовным деянием, в то время как ошибки, допущенные по невнимательности или по незнанию, могли бы обрабатываться через административные штрафы. Это позволило бы сделать законодательство более гибким и справедливым, снизив нагрузку на судебную систему и упростив процесс ведения бизнеса в России.

Инициирование процедуры привлечения к ответственности за налоговые преступления в Российской Федерации начинается с решения налоговой инспекции, которое базируется на положениях статьи 101 НК РФ, принятого по результатам проведения налогового аудита. Далее согласно статьям 69 и 70 НК РФ налогоплательщик получает официальное уведомление о необходимости исполнения налоговых обязательств. В случае неисполнения данных обязательств в предусмотренные законодательством сроки статья

32 НК РФ предоставляет десятидневный период для предоставления всех необходимых документов в правоохранительные органы для анализа и возможного начала уголовного преследования [3, с. 59].

Отдельное внимание в законодательстве уделяется срокам давности, которые регулируют временные рамки, в течение которых можно привлекать лицо к уголовной ответственности. Эти сроки варьируются в зависимости от степени тяжести совершенного деяния: для менее значительных преступлений сроки кратки, тогда как для особо тяжких нарушений они значительно продлеваются. Такая дифференциация сроков давности служит механизмом для обеспечения справедливости и предотвращения необоснованного долгосрочного преследования, что подчеркивает стремление законодателя к сбалансированному регулированию правоприменительной практики в сфере налоговых правонарушений.

В свете усовершенствования законодательства о налоговых преступлениях правительство внесло законопроект, целью которого является корректировка границ наказаний по определенным статьям УК РФ. Одним из изменений станет пересмотр статьи 199 УК РФ, регламентирующей наказания за уклонение от уплаты налогов и взносов юридическими лицами. По текущему законодательству максимальное наказание составляет шесть лет лишения свободы, что квалифицирует дело как тяжкое с десятилетним сроком давности. Предложение заключается в сокращении максимальной санкции до пяти лет, что изменит категорию преступления на средней тяжести с шестилетним сроком давности. Похожие корректировки предлагаются для статей 199.1 УК РФ, касающейся злоупотребления полномочиями налоговых агентов, и 199.2 УК РФ, связанной с уклонением от уплаты налогов через сокрытие активов. В частности, для статьи 199.2 УК РФ максимальная санкция предлагается быть сокращена с семи до пяти лет. В случае с статьей 199.4 УК РФ, регулирующей уклонение от уплаты страховых взносов, предлагается снизить максимальный срок до трех

лет, квалифицируя преступление как легкое с двухлетним сроком давности.

В Российской Федерации с 2023 года активно проводится политика декриминализации определенных категорий налоговых правонарушений, особенно тех, которые оказывают минимальное воздействие на федеральный бюджет. Эти правовые изменения охватывают соответствующие разделы УК РФ, касающиеся налоговых дел.

Важнейшим аспектом этих реформ является пересмотр критериев для квалификации действий как уголовных. Ответственность наступает за целенаправленное включение в финансовую отчетность заведомо ложных данных, что ведет к сокращению налоговых отчислений, а также за их полное неисполнение. Это особенно актуально в случаях, когда налогоплательщики уклоняются от представления требуемых налоговых деклараций или документов, что ведет к неуплате налогов, сборов или взносов [4, с. 229].

В современной российской юридической практике размер ущерба, причиненного государству, играет определяющую роль в квалификации налоговых нарушений как уголовных деяний. Статьи 198 и 199 УК РФ устанавливают, что для привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов сумма недоимки должна достигать значительных или особо значительных размеров. В зависимости от тяжести преступления и обстоятельств, таких как сговор или преднамеренное уклонение, наказание может варьироваться от наложения штрафов до лишения свободы.

Такая правовая позиция отражает стремление законодателя к фокусированию уголовно-правового регулирования на более серьезных и продуманных формах налоговых правонарушений, тем самым снижая уголовную ответственность за менее значительные инциденты. Это является частью общей стратегии гуманизации уголовного законодательства.

Согласно российскому законодательству, уголовная ответственность наступает на основании документально подтвержденных данных о неуплате налогов, сборов или стра-

ховых взносов за определенный налоговый период, который, согласно НК РФ, не должен превышать трех лет. Для возбуждения уголовного дела необходимо установление факта уклонения от уплаты крупных сумм налогов, превышение установленных законом сроков уплаты, использование методов уклонения, описанных в уголовном законодательстве, а также учет размера ущерба и продолжительности налогового периода.

Рецентные модификации статьи 198 УК РФ касаются обновления пороговых значений для сумм, относимых к крупным и особо крупным в контексте налогов, сборов и страховых взносов. Согласно обновленным нормам, крупным теперь признается уклонение от уплаты свыше 2,7 миллиона рублей за трехлетний период, а особо крупным — свыше 13,5 миллиона рублей за аналогичный период. Подъем этих порогов отражает усиление критериев, по которым налоговые нарушения рассматриваются как серьезные преступления.

Такие изменения в параметрах привлечения к ответственности по статье 198 УК РФ привели к сокращению количества налоговых нарушений, ранее классифицируемых как уголовные. Это влияет на общую ситуацию с налоговыми делами, поскольку меньшее число дел попадает под уголовное преследование, что может существенно изменить общую практику ведения налогового контроля и уменьшить давление на налогоплательщиков, предоставляя большую юридическую уверенность и стабильность в налоговых вопросах.

Даже после погашения всех финансовых обязательств перед кредиторами предприниматели все еще сталкиваются с риском инициирования уголовных процедур. В контексте судов общей юрисдикции, которые отличаются от арбитражных, судебные органы демонстрируют недостаточную компетентность в вопросах бизнес-деятельности и деталях налогообложения; это усложняет процесс доказывания невиновности для налогоплательщиков. Применение декриминализации в данных ситуациях обещает устранение множества проблем [2, с. 106].

Законодательное нововведение «целится» в обеспечение своевременной уплаты налогов со стороны налогоплательщиков. В случаях несогласия с размером налоговых начислений предпринимателям предоставляется возможность обращения в арбитражный суд для возврата средств, при условии предоставления всей необходимой документации в сроки, установленные законом. Данный подход способствует исключению ситуаций, когда правоохранительные органы используют любой предлог для продления расследования.

Изменение классификации налоговых преступлений в УК РФ на преступления средней тяжести и уменьшение периода давности до десяти лет играют ключевую роль в судебной системе. Это изменение важно, учитывая, что срок хранения бухгалтерских документов составляет всего шесть лет, что ранее усложняло процесс обоснования невиновности в суде из-за отсутствия необходимых документов.

Дополнительно обсуждается вопрос о повышении минимального порога ущерба для квалификации действий как особо крупных с 45 миллионов рублей до 60 миллионов. Такое изменение направлено на уменьшение юридического давления на налогоплательщиков, особенно на тех предпринимателей, чьи

налоговые обязательства превышали 15 миллионов рублей. Это, в свою очередь, может препятствовать необоснованному преследованию в рамках уголовного правосудия и снизить вероятность несправедливого заключения под стражу.

Таким образом, можно сделать вывод, что последние изменения в российском уголовном законодательстве, касающиеся налоговых преступлений, отражают тенденцию к их декриминализации. Порог уголовной ответственности был повышен с 2022 года, что направлено на устранение злоупотреблений и минимизацию давления на предпринимателей. Это упрощает процесс доказательства их невиновности в суде. Введены новые меры, предписывающие возбуждение уголовных дел по налоговым преступлениям исключительно на основании материалов налоговых органов. К 2023 году дополнительно внесены уточнения, упрощающие классификацию действий как уголовные только при умышленном включении ложных данных в отчетность, что еще больше снижает количество дел. Все эти изменения подчеркивают стремление законодателя фокусироваться на серьезных налоговых нарушениях, сводя к минимуму преследование за менее значительные проступки.

Библиографический список

1. Большаков, К.А. Состояние и оптимизация уголовно-правопроцессуального механизма окончания уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением законодательства о налогах и сборах / К.А. Большаков // Государственная служба и кадры. – 2024. – N. 2. – С. 178-183.
2. Иванов, М.Г. Современные проблемы противодействия экономической преступности / М.Г. Иванов, О.М. Иванова, А.Л. Егоров // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – N. 1 (51). – С. 99-106.
3. Моисеенко, М.А. Факторы, влияющие на формирование современной уголовно-правовой политики Российской Федерации в налогообложении / М.А. Моисеенко // Право и управление. XXI век. – 2024. – Т. 20. – N. 2. – С. 59-66.
4. Охременко, С.И. Актуальные проблемы налогового права и налогообложения / С.И. Охременко, Л.И. Журавлева // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : материалы V международной научно-практической

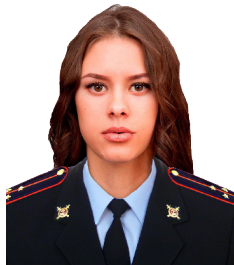
конференции: в 3 т. / отв. ред. О.Б. Балакай, Е.В. Ковтун. – Донецк: Цифровая типография, 2021. – Том 2. – С. 251-256.

5. Попова, Л. В. Тенденции развития уголовного законодательства / Л.В. Попова, Д.Р. Зинатулина // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции : материалы вузовской научно-практической конференции. – М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2021. – С. 30-34.

6. Серова, Е.Б. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения / Е.Б. Серова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – N. 1 (97). – С. 127-136.

УДК 343.98

Ксения Вячеславовна САДОВАЯ,

преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

sadovyh.kseniya@mail.ru

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МАЙНИНГОВЫХ ФЕРМ

ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES OF MINING FARMS

В статье анализируются преступления, связанные с организацией деятельности майнинговых ферм, в частности ст. 165 УК РФ. Раскрываются особенности способов незаконного потребления энергии и установления ущерба, исходя из конкретного способа. Рассматривается соотношение уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ с административной ответственностью по ст. 7.27.1 КоАП РФ. Формулируются проблемы квалификации, связанные с факультативными признаками объекта состава преступления, связанного с деятельностью майнеров.

The article considers crimes related to the organization of mining farms, and, in particular, Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed. The features of the ways of illegal energy consumption and damage assessment based on a specific method are revealed. The correlation of criminal liability under Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation with administrative liability under Article 7.27.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation is considered. The problems of qualification related to the optional features of the object of the corpus delicti related to the miners' activities are formulated.

Ключевые слова: майнинговые фермы, майнеры, криптовалюта, самовольное подключение к сетям электроснабжения, безучетное и бездоговорное потребления, асик, блокчейн-сети, цифровая валюта.

Keywords: mining farms, miners, cryptocurrency, unauthorized connection to power supply networks, unaccounted and non-contractual consumption, ASIC, blockchain networks, digital currency.

Вопрос о правовом статусе субъектов майнинговой деятельности и условиях ее осуществления в России является актуальным и довольно спорным. В последние годы предложены несколько законопроектов, направленных на регулирование криптовалютной сферы и предоставление законной основы для деятельности майнинговых ферм на территории государства, что позволило

бы легализовать указанную деятельность и поставить вопрос об установлении цифровой валюты в виде средства платежа¹. На необходимость урегулирования законодательства в данной сфере обращают внимание исследователи и правоприменители [напр.: 1-3; 7].

Майнеры используют вычислительную мощность своих компьютеров или специальных устройств для решения сложных матема-

1 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования цифровой валюты)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/50030-7>.

тических задач, что позволяет им создавать новые блоки с транзакциями и получать вознаграждение в виде криптовалюты.

Для производства криптовалюты используются так называемые майнинговые фермы.

Майнинговая ферма – это совокупность специализированного оборудования для получения криптовалюты, в частности биткоин, трон, эфириум и других. Ферма состоит из мощных компьютеров – асиков¹ или видеокарт², которые используются для вычисления математических задач, целью которых является преобразование цифровой валюты и ее последующие транзакции в блокчейн-сети. Блокчейн-сеть – платформа, где происходят транзакции с криптовалютой.

В большинстве стран осуществление деятельности, связанной с майнинговыми фермами, носит легальный характер и регулируется соответствующими законодательными актами.

Работа майнинговых ферм требует больших затрат (расходов) на электроэнергию в соответствии с установленным тарифом субъекта, в котором располагается ферма, в связи с чем добываемая криптовалюта, переходя в денежный эквивалент, может быть меньше, чем затраты на ее получение, что является экономически не выгодным. Как следствие – лица, осуществляющие добычу криптовалюты через майнинговые фермы, осуществляют самовольное (незаконное) подключение к электросетям с целью уменьшения затрат и увеличения дохода.

Одни из самых низких тарифов на электроэнергию на территории России – в Иркутской области и Красноярском крае, что приводит к наплыву майнеров с целью осуществления деятельности по самовольному подключению к электросетям, в связи с чем проблема «серого» майнинга особенно актуальна для данных регионов. Так, по информации региональных представителей российских энергосбытовых компаний, у них в разработке постоянно находятся около 50

точек либо с подозрением на неофициальный майнинг либо с уже установленным фактом³.

В настоящее время на территории Российской Федерации организация деятельности, связанной с майнинговыми фермами, не является уголовно наказуемой, однако при осуществлении указанной деятельности могут совершаться иные противоправные деяния:

самовольное (несанкционированное) подключение к сетям электроснабжения с целью осуществления деятельности, связанной с майнинговыми фермами, то есть незаконное потребление электроэнергии, необходимой для работы оборудования, предназначенного для производства криптовалюты, так как лицо использует электроэнергию без разрешения собственника путем обмана без соответствующей оплаты, чем причиняет указанному лицу имущественный ущерб, тем самым совершая преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ;

хищение и вымогательство оборудования (асиков, видеокарт и др.), необходимого для деятельности майнинговой фермы, у лиц, обладающих им на праве собственности, то есть совершение преступления, предусмотренного ст. 158, 159, 161, 162 или 163 УК РФ;

осуществление незаконной предпринимательской деятельности с целью систематического извлечения прибыли, то есть совершение преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ.

Самовольное (незаконное) потребление электроэнергии для майнинговых ферм должно квалифицироваться по ст. 165 УК РФ как причинение имущественного ущерба.

Указанная статья, исходя из ее диспозиции, напрямую к незаконному использованию электроэнергии для майнинговых ферм не относится. Согласно диспозиции статьи лицо осуществляет причинение имущественного вреда собственнику или иному владельцу путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совер-

1 Оборудование для получения криптовалюты через специальные чипы более мощное, чем видеокарта.

2 Разновидность оборудования для майнинга, которая занимается подсчетом специальных данных, по прямому назначению предназначена для видеоигр.

3 Удар нелегальным «битком». «Партизанский» майнинг бьет по энергетике, экономике и кошельку законопослушных потребителей. URL: <https://irkutsk.arbitr.ru/2021/06/30/udar-nelegalnym-bitkom-partizanskij-majning-byot-po-energetike-ekonomike-i-koshelku-zakonoposlushnyh-potrebitelej/>.

шенное в крупном размере, в связи с чем ответственность в том числе может возлагаться и на лиц, которые причиняют крупный ущерб энергетическим предприятиям, нарушая их работу, или энергетической системе путем обмана в результате незаконного безучетного и бездоговорного потребления электроэнергии для деятельности майнинговой фермы. Рассмотрим данный состав преступления применительно к деятельности, связанной с майнинговыми фермами.

Непосредственным объектом данного преступления является собственность, то есть общественные отношения, возникающие по поводу владения, пользования и распоряжения электроэнергией.

Особенностью предмета ст. 165 УК РФ является имущество, лишенное вещного характера [5, с. 43], применительно к нашему исследованию – электроэнергия.

Потерпевшим будет являться собственник электроэнергии. В основном ими являются ресурсоснабжающие организации, осуществляющие поставку электроэнергии в жилые дома и нежилые помещения.

На территории каждого субъекта существуют крупные поставщики электрической энергии: ПАО «Красноярскэнергосбыт», АО «Тываэнергосбыт», АО «Новосибирскэнергосбыт», ООО «Иркутскэнергосбыт», ООО «Омская электросбытовая компания» и др., которые по договору осуществляют поставку в сетевые организации.

При самовольном подключении к сетям электроснабжения на определенной местности ущерб будет причинен конкретной сетевой организации, осуществляющей подачу электроэнергии на данном участке. При самовольном подключении к сетям электроснабжения в жилом доме потерпевшим будет товарищество собственников жилья, осуществляющее обслуживание данного дома, при самовольном подключении к сетям электроснабжения на дачных участках, соответственно, вред будет причинен садовому некоммерческому товариществу.

Таким образом, потерпевшим будет являться не поставщик этой энергии или конкретный жилец, а именно сетевая организация, кото-

рая приобретает энергию у производителя электрической энергии, входящего в Единую энергетическую систему России

Объективная сторона выражается в самовольном (незаконном) подключении к сетям электроснабжения путем обмана или злоупотребления доверием с целью их последующего использования для майнинговых ферм, причиняющего имущественный вред собственнику или иному владельцу при отсутствии признаков хищения.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (далее по тексту – постановление Правительства РФ N442) законодатель определил два способа незаконного потребления энергии:

– безучетное потребление – потребление электрической энергии с нарушением установленного договором энергоснабжения, выразившимся во вмешательстве в работу прибора учета, измерительного комплекса. Данное незаконное использование энергии выражается в том, что потребление осуществляется в соответствии с действующим договором, однако учет электроэнергии не ведется или ведется частично по причине того, что в прибор учета лицом внесены конструктивные изменения, например опуск или отжатие одной или двух перемычек в испытуемой коробке, после чего учет ведется лишь по одной фазе, что приводит к изменению отражения фактического потребления энергии и причинению ущерба сетевой организации;

– бездоговорное – самовольное подключение энергопринимающих устройств к объектам электросетевого хозяйства и (или) потребление электрической энергии в отсутствие заключенного в установленном порядке договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничных рынках. При указанном незаконном подклю-

чении лицо, не заключая договора, производит самовольное подключение к вводному распределительному устройству без установления прибора учета энергии. Даже наличие договора, но отсутствие установления приборов учета свидетельствует о бездоговорном потреблении.

Так, Ленинским районным судом г. Красноярска вынесен приговор, которым Ж. признан виновным по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, а именно в причинении имущественного ущерба ООО «КрасКом» путем обмана при отсутствии признаков хищения в особо крупном размере при следующих обстоятельствах: Ж. в период с 03.06.2019 по 22.07.2019, находясь на территории трансформаторных подстанций, расположенных в Ленинском районе г. Красноярска, самовольно осуществил незаконное подключение своего энергопринимающего оборудования к электрическим цепям в отсутствие заключенного в установленном законом порядке договора с энергосбытовой организацией. После чего в указанный период времени к указанным приборам учета Ж. подключены вводные распределительные устройства, находящиеся в нежилом помещении, через которые на энергопринимающие устройства, а именно майнинговое оборудование, расположенное в нежилом помещении по указанному адресу, начала поступать электрическая энергия. При этом, желая придать видимость законности своим действиям, 04.06.2019 Ж., действуя от лица организации, обратился в группу по работе с клиентами ООО «КрасКом» с заявкой на подключение к электросетям нежилого помещения, тем самым вводя сотрудников ООО «КрасКом» в заблуждение относительно своих истинных преступных намерений, направленных на причинение имущественного ущерба ООО «КрасКом», заведомо осведомленный о том, что фактически с 03.06.2019 ООО «Вертикаль» уже непрерывно и незаконно потребляет электроэнергию. Таким образом Ж. причинил ООО «КрасКом» имущественный ущерб на общую сумму 1 741 494 рубля, что является особо крупным размером¹.

Преступление признается оконченным с момента причинения имущественного ущерба, который выражается в незаконном потреблении электроэнергии в крупном или особо крупном размерах.

Крупным размером в данной статье считается сумма, превышающая один миллион рублей, а особо крупным размером – четыре миллиона рублей.

Сложность в данном вопросе возникает при установлении размера незаконного потребления электроэнергии. Так, в соответствии с п. 84 постановления Правительства РФ N 442 стоимость электроэнергии в объеме незаконного потребления определяется исходя из способа потребления (безучетного и бездоговорного), из цены потерь и тарифа на услуги по передаче электрической энергии.

Постановление Правительства РФ N 442 устанавливает расчет количества потребленной бездоговорной и безучетной электроэнергии. Расчеты производятся по формулам, указанным в данном постановлении.

Вычисление объема потребленной электроэнергии безучетным способом производится в том случае, если имеется договор на потребление электроэнергии (в договоре прописывается мощность потребления электроэнергии). Расчет потребления объема электроэнергии в отсутствие договора на электроснабжение (в отсутствие мощности) определяется исходя из величины допустимой длительной токовой нагрузки вводного провода (кабеля) с даты последней проверки либо с даты полного отключения от электросетей.

В соответствии с п. 84 постановления Правительства РФ N 442 стоимость объема бездоговорного потребления за весь период его осуществления рассчитывается исходя из цены, по которой указанная сетевая организация приобретает электрическую энергию (мощность) в целях компенсации потерь в объеме, не превышающем объема потерь, учтенного в сводном прогнозом балансе, в тот же расчетный период, в котором составлен акт о неучтенном потреблении электрической энергии, и тарифы на услуги по передаче

1 Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 06.08.2021 по делу N 1-71/2021. URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

электрической энергии на соответствующем уровне напряжения. Цены для расчета стоимости объема бездоговорного потребления электроэнергии сетевой организации ежемесячно предоставляет поставщик энергии. Данная величина является регулируемой ценой (тарифом), установленной органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов. Таким образом, данная величина изменяется каждый месяц. Общий объем бездоговорного потребления электроэнергии умножается на стоимость 1 кВт*ч в размере цены для расчета в рублях.

При условии безучетного потребления энергии лицом, осуществившим конструктивные изменения путем опуска или отжатия одной или двух перемычек в испытуемой коробке, что привело к фиксации только части потребляемой энергии, расчет причинения ущерба производится исходя из цены потери сетевой организации.

Формула расчета, которая высчитывает, сколько киловатт затрачивается для выработки одного биткоина, отсутствует. Расчет производится исходя из количества киловатт, потребляемого конкретным оборудованием за определенный период времени.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, осуществляющее незаконное использование электроэнергии, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Субъектом в рассматриваемом преступлении может являться частное лицо, директор или сотрудник организации, а также индивидуальный предприниматель.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает противоправность своих действий, а именно потребление энергии без наличия договора и соответствующей соразмерной оплаты за него, желает совершения общественно опасного деяния, выраженного в незаконном использовании электроэнергии и желает наступления общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба с целью извлечения материальной выгоды в свою пользу за счет собственника или законного владельца.

Таким образом, несмотря на отсутствие прямого указания на использование электроэнергии для майнинговых ферм в ст. 165 УК РФ, если описанные выше признаки деяния будут присутствовать, возможно квалифицировать деяние по данной статье. Однако итоговая квалификация будет зависеть от конкретных обстоятельств дела и может быть определена только судом.

Проблемные вопросы квалификации хищения оборудования, необходимого для деятельности майнинговой фермы, возникают у органов предварительного следствия при установлении стоимости предмета хищения, что, несомненно, влияет на наличие признаков состава преступления.

Так, объективные и субъективные признаки состава рассматриваемого преступления, связанного с хищением оборудования, используемого для майнинга, схожи с указанными признаками состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Особенностью является предмет исследуемого состава, а именно оборудование для майнинга, а также установление размера причиненного ущерба исходя из стоимости указанного оборудования на момент его изъятия у собственника.

Деятельность с использованием майнинговых ферм на территории России до настоящего времени никак специально не урегулирована и не определена действующим российским законодательством. Майнинг как экономическая деятельность в общероссийском классификаторе отсутствует. Деятельность, связанная с получением криптовалюты, в России не запрещена.

В науке и на практике вопрос признания майнинга предпринимательской деятельностью является дискуссионным. Так, И.В. Ершова и Е.В. Трофимова считают, что «майнинг – один из новых видов предпринимательства, вызванный к жизни потребностями цифровой экономики» [4, с. 73- 82]. Противоположной точки зрения придерживается А.А. Максуров: «Майнинг представляет собой новую сложную экономико-правовую технологию и одновременно новый вид человеческой активности в экономической сфере и не является предпринимательской

деятельностью.» [6, с. 256-265.]. Согласимся с первой точкой зрения, так в соответствии с 3 абзацем п. 1 ст. 1 ГК РФ предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Как справедливо отметил П.С. Яни, «направленность на систематическое получение прибыли обоснованно считают главной характеристикой признака предпринимательской деятельности» [8, с. 60]. Основной целью осуществления деятельности, связанной с использованием майнинговых ферм, является получение криптовалюты для конвертации ее в денежный эквивалент с целью систематического извлечения прибыли. В связи с этим считаем возможным отнести майнинг к предпринимательской деятельности. Предпринимательская деятельность на территории Российской Федерации подлежит обязательной регистрации.

Резюмируя изложенное, можно прийти к выводу, что наиболее распространенным преступлением, связанным с организацией деятельности майнинговых ферм, является самовольное (незаконное) потребление электроэнергии для майнинговых ферм, которое квалифицируется по ст. 165 УК РФ как причинение имущественного ущерба.

Особенностями квалификации данного деяния применительно к деятельности майнинговых ферм является наличие нематериального предмета — электроэнергии, установление потерпевшего, поскольку потерпевшим будет являться не поставщик этой энергии или конкретный жилец, а именно сетевая организация, которая приобретает энергию у производителя электрической энергии, входящего в Единую энергетическую систему России, определение ущерба, подсчет которого определяются исходя из его способа подключения (безучетного или бездоговорного) и высчитывается по формулам указанным в постановлении Правительства РФ N 442.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы влияния майнинга криптовалют на энергетическую безопасность государств евразийского региона (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации) / В.Е. Пономоренко, Г.А. Насырова, Г.С. Кодашева [и др.] // Уголь. — 2022. — N 4 (1153). — С. 61-66.
2. Арашева, О.О. Майнинг криптовалют: процесс, риски и влияние вредоносного ПО / О.О. Арашева // Вестник науки. — 2024. — Т. 3. — N 3 (72). — С. 396-399.
3. Дербенцев, Г.Р. Майнинг криптовалют как вид предпринимательской деятельности / Г.Р. Дербенцев // Вестник науки. — 2023. — Т. 1. — N 11 (68). — С. 53-59.
4. Ершова, И.В. Майнинг и предпринимательская деятельность: в поисках соотношения / И.В. Ершова, Е.В. Трофимова // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — N 6. — С. 73-81.
5. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности / Н.А. Лопашенко. — М., 2003.
6. Максуров, А.А. Майнинг как юридическая и информационная категория / А.А. Максуров // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — Т. 12. — N 2 (46). — С. 256-265.
7. Шауро, И.Г. Регулирование криптовалюты в Российской Федерации: некоторые теоретико-правовые аспекты / И.Г. Шауро // Вопросы экономики и права. — 2022. — N 165. — С. 28-32.
8. Яни, П.С. Цель систематического получения прибыли — спорный признак незаконного предпринимательства / П.С. Яни // Российская юстиция. — 2005. — N 6. — С. 59-64.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 340.1:343.3

Виктор Иванович НОРКИН,
ассистент кафедры теории и истории
государства и права Красноярского
государственного аграрного университета
viktor.norkin1@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОТА НИТРАТА АММОНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ: ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

FEATURES OF AMMONIUM NITRATE TURNOVER IN RUSSIA: PUBLIC SAFETY ISSUES

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования оборота аммиачной селитры на российском рынке как потенциально опасного вещества, требующего особого контроля со стороны государства. Приводятся примеры негативных последствий, обусловленных отсутствием должных мер со стороны контролирующих субъектов и неэффективным государственным регулированием в данной сфере. Автор приходит к выводу о существенной разнице механизмов государственного контроля в отношении одного и того же объекта гражданских правоотношений – аммиачной селитры в зависимости от ее используемых свойств. На основе выявленных проблем с учетом зарубежного опыта предлагается ряд мер, направленных на усиление контроля за оборотом аммиачной селитры.

The article examines the issues of legal regulation for the turnover of ammonium nitrate in the Russian market as a potentially dangerous substance requiring special state control. Examples of negative consequences caused by the lack of proper measures on the part of controlling entities and ineffective state regulation in this area are given. The author concludes that there is a significant difference in the mechanisms of state control in relation to the same object of civil relations – ammonium nitrate, depending on its properties used. Based on the identified problems, taking into account foreign experience, a number of measures are proposed aimed at strengthening control over the turnover of ammonium nitrate.

Ключевые слова: аммиачная селитра, национальная безопасность, терроризм, сельскохозяйственные удобрения, профилактика преступности, взрывчатые вещества.

Keywords: ammonium nitrate, national security, terrorism, agricultural fertilizers, crime prevention, explosives.

Преступления, связанные с незаконным оборотом взрывчатых веществ, составляют значительную долю от общего числа преступлений экстремистской и терро-

ристической направленности. В исследованиях отмечается важность противодействия преступлениям, совершаемым против общественной безопасности и с использованием

особо опасных средств [12, с. 50-51]. Возможность выполнения объективной стороны преступления, связанного с незаконным оборотом взрывчатых веществ, предусмотренного ст. 222.1, 223.1 УК РФ, часто обусловлено возможностью приобретения в свободной продаже всех составляющих и прекурсоров, необходимых для изготовления взрывчатых веществ без каких-либо ограничений. Например, М.В. Пермяков отмечает, что в каждом втором преступлении преступники используют самодельные взрывные устройства [11, с. 37-38], что указывает на высокую степень общественной опасности и латентности данных преступных деяний.

С точки зрения простоты и практичности подпольного изготовления взрывчатых веществ наиболее простыми в изготовлении являются смесевые взрывчатые вещества на основе нитрата аммония (аммиачной селитры), такие как динамон, игданит, аммотропин и др., общий принцип изготовления которых заключается в смешивании нитрата аммония, выполняющего роль окислителя, и горючего вещества (восстановителя), чаще всего которым выступают мелкодисперсные порошки металлов (алюминий, кремний), древесный и каменный уголь, опилки, тяжелые фракции нефтепродуктов [13].

Аммиачная селитра как химическое соединение имеет очень широкий спектр применения в народном хозяйстве – ее используют в качестве удобрения в сельском хозяйстве, как исходное сырье в химической промышленности, а также в горнодобывающей промышленности в качестве одного из основных компонентов взрывчатых веществ. Широкий спектр применения, дешевизна и относительная простота производства способствует наполнению потребительского рынка данным веществом, а отсутствие какого-либо ограничения на законодательном уровне, касающегося круга лиц, которым может быть осуществлена продажа аммиачной селитры, позволяет практически свободно приобретать такой товар.

Возможность приобретения преступниками без ограничений аммиачной селитры образует серьезную проблему, которая влияет

на причины и условия совершения подобных преступлений.

Взрывчатые вещества на основе аммиачной селитры использовались в качестве основного компонента при создании самодельных взрывных устройств с последующим их применением во многих террористических актах:

1) террористический акт в г. Моздок, 2003 год. Начиненный 10 тоннами аммиачной селитры грузовик взорвался возле здания госпиталя. Погибли 52 человека, более 80 пострадали;

2) террористический акт на Черкизовском рынке в Москве в 2006 году. Террористы националистической организации «СПАС» изготовили самодельное взрывное устройство на основе аммиачной селитры и алюминиевой пудры, взрыв которого привел к гибели 14 человек, 61 человек были ранены;

3) террористический акт, произошедший 3 апреля 2017 года в Санкт-Петербурге на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт», от взрыва погибли 16 человек;

4) массовое убийство в Керченском колледже, 2018 год. «Керченский стрелок» изготовил самодельную бомбу на основе аммиачной селитры и привел ее в действие в здании колледжа. От действий террориста в совокупности погибли больше 20 человек;

5) террористический акт в здании управления ФСБ по Архангельской области, 2018 год. 17-летний подросток использовал самодельное взрывное устройство на основе аммиачной селитры и триперекиси ацетона. В результате взрыва погиб сам подросток, трое сотрудников ФСБ пострадали;

6) предотвращенный теракт в Тамбове в декабре 2020 года. 17-летний подросток планировал использовать аммиачную селитру как компонент для создания самодельного взрывного устройства;

7) подрыв цистерны с аммиачной селитрой в 2022 году в Харьковской области сотрудниками спецслужб Украины.

Стоит особенно отметить возможность использования аммиачной селитры не только террористами, в привычном понимании этого слова, но и лицами, работающими на

спецслужбы недружественных и враждебно настроенных государств. В силу этого государство обязано принимать профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской и террористической деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению данных преступлений.

Для устранения условий, способствующих совершению преступниками подобных преступлений, необходимо совершенствование законодательства в области регулирования оборота предметов и веществ, которые могут быть использованы для изготовления взрывчатых веществ и самодельных взрывных устройств. Правовое воздействие на общественные отношения, связанные с оборотом аммиачной селитры, формирует систему юридических средств и отдельный правовой режим, присущий конкретной отрасли права и обеспечивающий нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений [9, с. 123].

Правовой режим оборота аммиачной селитры в Российской Федерации в зависимости от содержания хозяйственных отношений и субъектов, на которых он распространяется, целесообразно рассматривать как одну из составных частей других специальных правовых режимов: правового режима оборота удобрений, правового режима оборота взрывчатых веществ, а также общего правового режима, обеспечивающего оборот химических веществ (химического сырья).

При производстве аммиачной селитры хозяйствующие субъекты обязаны соблюдать требования нормативных правовых актов, устанавливающих особые условия для обеспечения производственной безопасности на таких объектах, в том числе требования фе-

дерального законодательства, а также ряда Сводов правил, СНиПов, ГОСТов и других нормативных документов, утверждаемых уполномоченными органами [2, с. 373-374].

В то же время осуществлять оптовую или розничную продажу минеральных удобрений, в частности аммиачной селитры, могут любые лица, которые зарегистрированы в качестве индивидуального предпринимателя или учредили юридическое лицо. Так, в статье 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ отсутствуют требования к лицензированию деятельности, связанной с оборотом минеральных удобрений.

Существующий правовой режим оборота аммиачной селитры как удобрения в качестве одного из методов контроля за предпринимателями со стороны государства обязывает производителей подтверждать соответствие аммиачной селитры как продукции путем ее обязательной сертификации относительно соответствия характеристик и качества товара требованиям ГОСТ 2-2013 «Селитра аммиачная. Технические условия» (далее – ГОСТ 2-2013)².

При хранении аммиачной селитры необходимо обеспечить соблюдение требований Сводов правил, в том числе «СП 92.13330.2012. Свод правил. Склады сухих минеральных удобрений и химических средств защиты растений» (далее – СП 92.13330.2012)³, а также требований «НТП-АПК 1.10.13.001-03. Система нормативных документов в агропромышленном комплексе Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Нормы технологического проектирования. Нормы технологического проектирования складов твердых минеральных удобрений и химических мелиорантов» (далее – НТП-АПК 1.10.13.001-03)⁴.

1 О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Селитра аммиачная. Технические условия : ГОСТ 2-2013 от 01.07.2014 // СПС «КонсультантПлюс».

3 СП 92.13330.2012. Свод правил. Склады сухих минеральных удобрений и химических средств защиты растений : актуализированная редакция СНиП II-108-78 : утв. приказом Минрегиона России от 29.12.2011 N 635/16 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Система нормативных документов в агропромышленном комплексе Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Нормы технологического проектирования. Нормы технологического проектирования складов твердых минеральных удобрений и химических мелиорантов : НТП-АПК 1.10.13.001-03 : утв. и введены в действие Минсельхозом РФ 31.12.2003 // СПС «КонсультантПлюс».

СП 92.13330.2012 и НТП-АПК 1.10.13.001-03 устанавливают следующие основные требования, предъявляемые к местам хранения аммиачной селитры:

– аммиачная селитра должна храниться в одноэтажных складских зданиях (закрытого типа) и отдельных помещениях по II степени огнестойкости, то есть такие склады должны быть выполнены из негорючих материалов. Деревянные конструкции недопустимы. Также в таких складах и помещениях не допускается хранение никаких других веществ или материалов;

– склады должны быть оборудованы первичными средствами пожаротушения. Склады площадью более 200 кв. м должны быть оборудованы автоматической пожарной сигнализацией, а на складах площадью более 4000 кв. м оборудование должно содержать автоматическую систему пожаротушения.

Однако зачастую хозяйствующие субъекты халатно относятся к соблюдению установленных требований. Отмечается, что наиболее часто встречаемыми нарушениями являются несоблюдения требований по расстоянию между штабелями, отсутствие вентиляции, отсутствие молниеотвода, отсутствие пожарной сигнализации, захламление проходов [7, с. 374].

Хотя принято считать, что аммиачная селитра не горит при нормальных условиях и обладает очень низкой восприимчивостью к обычным механическим и тепловым воздействиям, а возбудить взрыв удавалось лишь передачей взрывной волны от другого взрывчатого вещества [7], все же при стечении определенных обстоятельств при пожаре на складах или резервуарах закрытого типа, где хранятся большие объемы аммиачной селитры, в результате резкого повышения давления и температуры, может произойти взрыв [5, с. 238]. Отмечается также, что вероятность взрыва существенно повышается в случае наличия в аммиачной селитре различного рода примесей, т.е. загрязнений, которые

могут появиться из-за нарушения условий хранения [1, с. 87; 8, с. 56-57].

Лица, участвующие в обороте аммиачной селитры, не имея прямого умысла, но в результате преступной халатности, выраженной в пренебрежении правилами хранения такого потенциально опасного вещества, способны причинить огромный вред себе и окружающим. Показателен случай, произошедший в 2020 году в г. Бейрут (Ливан), – в ходе сварочных работ загорелся, а после взорвался склад, в котором хранилась аммиачная селитра, что привело к гибели 220 человек и к полному или частичному разрушению зданий в радиусе 10 км. Похожие случаи случаются и в России. Так, в декабре 2023 года в г. Махачкале в результате пожара на АЗС взорвался прилегающий к АЗС склад, на котором хранилась аммиачная селитра, 35 человек погибли и более 100 пострадали.

С точки зрения правового режима оборота взрывчатых веществ, который также включает в себя ряд норм, регламентирующих правила хранения, транспортировки, подготовки к использованию, использования и других манипуляций с аммиачной селитрой как взрывчатым веществом (одним из составляющих взрывчатого вещества), особо стоит отметить приказ Ростехнадзора от 3 декабря 2020 г. N 494¹, наиболее детально регламентирующий требования к обращению со взрывчатыми веществами:

– организации, ведущие работы со взрывчатыми материалами, должны иметь разрешение на ведение таких типов работ, а сотрудники такой организации должны быть обучены и аттестованы;

– все взрывчатые вещества для постоянного применения должны пройти приемочные и контрольные испытания;

– помещения, где хранятся взрывчатые вещества, должны быть выполнены из соответствующих материалов, оборудованы средствами пожаротушения, закрываться на замок и пломбироваться, кроме того, вокруг помещения организуется запретная зона, которая

1 Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности при производстве, хранении и применении взрывчатых материалов промышленного назначения»: приказ Ростехнадзора от 03.12.2020 N 494 (ред. от 25.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

должна быть ограждена забором высотой не менее 2 м с колючей проволокой;

– в хранилищах должны поддерживаться определенная температура, влажность и уровень вентиляции;

– аммиачная селитра может храниться на тех же складах, что и остальные взрывчатые вещества и материалы, но в отдельных складах, камерах или ячейках;

– учет находящейся на складах взрывчатых материалов аммиачной селитры во всех случаях осуществляется в том же порядке, что и для иных взрывчатых материалов.

Анализируя нормативные правовые основы правового режима оборота удобрения и оборота взрывчатых веществ, можно сделать вывод о существенной разнице в подходе к обеспечению требований пожарной безопасности и сохранности аммиачной селитры. Показательно, что уровень контроля со стороны государства в отношении одного и того же объекта гражданских правоотношений (аммиачной селитры) разный, и при той же степени опасности он зависит только от используемых полезных свойств. Учитывая, что оборот рынка аммиачной селитры каждый год составляет несколько миллионов тонн только в России [4, с. 82], а для изготовления самодельных взрывных устройств в целях совершения какого-либо преступления, которое может повлечь за собой тяжкие последствия, достаточно и менее 1 кг, возникает острая необходимость разработать систему учета, содержащую сведения о продавцах, покупателях и количестве аммиачной селитры, которая была реализована.

В некоторых странах, где использование взрывных свойств аммиачной селитры преступными элементами часто приводило к трагичным последствиям, например в Австралии, Китае, Афганистане, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатах Америки, свободная продажа аммиачной селитры запрещена или ограничена. Правительства этих стран раз-

работали и применяют определенные инструменты контроля за оборотом аммиачной селитры, приравнивая аммиачную селитру в чистом виде к взрывчатому веществу.

В США контролем за оборотом аммиачной селитры занимается Министерство внутренней безопасности. В соответствии с параграфом 488а раздела J 6 кодекса США «Безопасное обращение с аммиачной селитрой» лицо, которое организует производство или изъявляет намерение купить аммиачную селитру, обязано зарегистрироваться (встать на учет) посредством подачи заявки в Министерство внутренней безопасности, где такая заявка рассматривается. Инициатор проверяется, в том числе на возможную причастность к террористической деятельности. Производители и продавцы обязаны сохранять данные о покупателе и количестве приобретенной селитры в течение двух лет с даты сделки. Также существует обязанность сообщать о краже аммиачной селитры¹.

Подобная процедура существует с 2005 года в Австралии. Для того чтобы начать производство аммиачной селитры, необходимо разработать детальный план обеспечения безопасности производства и хранения продукта, после чего следует подать заявку для получения лицензии. Потенциальные покупатели также должны получить лицензию, где обязаны аргументировать необходимость приобретения аммиачной селитры².

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии производители аммиачной селитры обязаны представлять образцы из каждой партии произведенной продукции для их проверки на детонационную стойкость – репрезентативный образец не должен детонировать (производить взрыв) при определенных способах воздействия на него. В исходный продукт примешивают добавки-флегматезаторы, например карбонат кальция (мел), снижающие или вовсе исключают детонационную способность вещества. Если испытание пройдено – партии

1 Параграф 488а раздела J 6 кодекса США «Безопасное обращение с аммиачной селитрой» (6 U.S. Code. Part J. § 488a - Secure Handling of Ammonium Nitrate). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/6/chapter-1/subchapter-VIII/part-J> (дата обращения: 21.04.2024).

2 Ammonium nitrate and explosives / Полиция западной Австралии : официальный сайт. URL: <https://www.police.wa.gov.au/Your-Safety/Counter-terrorism/Ammonium-nitrate-and-explosives> (дата обращения: 21.04.2024).

товара присваивается «сертификат детонационной стойкости». Такой подход по своей сути исключает оптовую и розничную реализацию аммиачной селитры (нитрата аммония) в «чистом» виде¹.

В России сама идея ограничения свободного оборота аммиачной селитры не является новой. Представители МВД России после теракта 2003 года в Моздоке выступили с предложением о запрете свободной продажи аммиачной селитры, но данная инициатива так и не была учтена законодателем и более этот вопрос широко не обсуждался².

Одной из задач совершенствования правового регулирования рынка аммиачной селитры можно обозначить уменьшение степени доступности такого товара, повышение степени сложности преобразования исходного товара во взрывчатое вещество, а также исключение потенциальной возможности его приобретения в преступных целях. В настоящее время на опасные свойства аммиачной селитры в специальной литературе обращается внимание, разрабатываются предложения, направленные на совершенствование системы регламентации перевозки опасных грузов [12, с. 30]. Специалистами также предлагается внести изменения в нормативные правовые акты с целью более детальной регламентации требований к пожарной безопасности для мест хранения аммиачной селитры, к чистоте хранящейся аммиачной селитры, температуре и влажности в помещениях, наличии системы приточно-вытяжной вентиляции, способной работать при пожаре, эффективности функционирования пожарной сигнализации, автоматических и иных систем пожаротушения [10, с. 14].

С учетом возможности использования аммиачной селитры в качестве средства совершения преступления представляется обоснованным также рассмотреть комплекс мер,

направленных на усиление контроля за оборотом аммиачной селитры. Считаем необходимым:

1) включить в требования к помещениям (местам), в которых хранится аммиачная селитра, наличие запираемого устройства, охранной сигнализации и (или) физической охраны, исключающей возможности доступа в такие помещения (места) третьих лиц;

2) разработать систему лицензирования или иного ведомственного контроля в отношении лиц, осуществляющих производство, розничную и оптовую продажу аммиачной селитры;

3) установить необходимость для производителей, оптовых и розничных продавцов вести актуальный учет продаваемой аммиачной селитры с отражением данных о количестве проданного товара и данных о покупателе;

4) периодически организовывать мероприятия по информированию лиц, осуществляющих реализацию аммиачной селитры, о возможности ее использования в преступных целях.

Оперативное принятие контрольных и профилактических мер в сфере оборота аммиачной селитры способно обеспечить высокий уровень конституционного правопорядка, общественной безопасности, укрепления правовой государственности в современной России [3, с. 35-36]. Именно потенциальный уровень общественной опасности от преступлений с использованием аммиачной селитры крайне высокий, кроме того, значительный вред обществу может быть причинен по неосторожности или в силу несоблюдения соответствующих технических требований. Законодательным и правоприменительным органам необходимо модернизировать методы и средства воздействия на общественные отношения в сфере оборота аммиачной селитры.

1 Материалы из нитрата аммония (с высоким содержанием азота). Правила техники безопасности 2003 (The Ammonium Nitrate Materials (High Nitrogen Content) Safety Regulations 2003) / Портал правовой информации Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2003/1082/contents/made> (дата обращения: 21.04.2024).

2 МВД настаивает на запрете свободной продажи аммиачной селитры // Вести.Ру : сетевое издание. URL: <https://www.vesti.ru/article/2374730> (дата обращения: 22.04.2024).

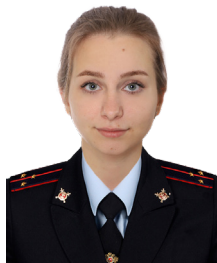

Библиографический список

1. Анализ аварий при транспортировке аммиачной селитры водным транспортом / О.Б. Литовка, Ю.И. Демьянова, Г.Д. Козак, А.В. Старшинов // Успехи в химии и химической технологии. – 2009. – Т. 23. – N 4(97). – С. 84-87.
2. Безопасное хранение аммиачной селитры / В. Цветков, Г. Телков, С. Ляшов, Л. Шевцова // ТехНадзор. – 2015. – N 11 (108). – С. 372-375.
3. Безруков, А.В. Конституционный правопорядок как условие развития гражданского общества в современной России / А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Современное право. – 2018. – N 12. – С. 33-39.
4. Богачев, А.И. Российский рынок минеральных удобрений: особенности функционирования в новых реалиях и метаморфозы развития / А.И. Богачев, Л.Н. Дорофеева // Вестник аграрной науки. – 2022. – N 3 (96). – С. 78-92.
5. Демидов, П.Г. Горение и свойства горючих веществ : учебное пособие для пожарно-технических училищ / П.Г. Демидов, В.А. Шандыба, П.П. Щеглов. – 2-е изд., перераб. – М.: Химия, 1981. – 272 с.
6. Концепция новой государственной программы повышения безопасности перевозок опасных грузов / В.И. Медведев, М.Д. Сурков, Ю.А. Танайно, И.О. Тесленко // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2021. – N 3 (58). – С. 23-32.
7. Кукиб, Б.Н. Экспериментальное исследование детонационной способности аммиачной селитры / Б.Н. Кукиб, В.В. Лавров, Н.Г. Демченко // Взрывное дело. – 2011. – N 105-62. – С. 121-141.
8. Марков, В.Ф. Взрывное термическое разложение аммиачной селитры: причины и пути предотвращения / В.Ф. Марков, Л.Н. Маскаева, Е. Markov // Техносферная безопасность. – 2020. – N 4(29). – С. 49-63.
9. Михалева, Н.А. Конституционное регулирование в СССР / Н.А. Михалева, Л.А. Морозова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 143 с.
10. Особенности пожаровзрывоопасных свойств аммиачной селитры, способы ее тушения и условия безопасного хранения / Л.П. Вогман, А.В. Ильичев, В.А. Зуйков [и др.] // Актуальные вопросы пожарной безопасности. – 2020. – N 2(4). – С. 5-16.
11. Пермяков, М.В. Характеристика преступных проявлений, сопряженных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / М.В. Пермяков // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – N 1. – С. 36-39.
12. Уголовно-правовая политика : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 72 с.
13. Buczkowski, D. Ammonium nitrate - A treat of accidental explosion and terrorist attack / D. Buczkowski // Chemik – 2012. – N 66. – С. 231-234.

УДК 343.98

Дарья Андреевна КУЦКЕЛЬ,
адъюнкт Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск)
dp1498@ya.ru

**ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ
(НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ)**

**VIDEOCONFERENCING IN INTERROGATION AND CONFRONTATION
(ON THE EXAMPLE OF CRIMINAL CASES INVOLVING THE ILLICIT PRODUCTION
OF NARCOTIC DRUGS)**

В статье акцентировано внимание на дискуссионных вопросах о понятии, признаках, генезисе и правовой основе видео-конференц-связи; представлено авторское определение, указаны преимущества, недостатки и возможные риски использования исследуемой системы. Разработаны практические рекомендации по проведению допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи (на примере уголовных дел по фактам незаконного производства наркотических средств): использование сервиса СВКС-М в качестве платформы для установления видео-соединения; использование сервиса СЭП для направления протокола следственного действия и иных материалов.

The article focuses on controversial issues about the concept, features, genesis and legal basis of videoconferencing; presents the author's definition, indicates the advantages, disadvantages and possible risks of using the system under study. Practical recommendations for conducting interrogation and confrontation using videoconferencing systems (using criminal cases on the illegal production of narcotic drugs as an example) are developed: the use of the service «SVKS-M» (videoconferencing) as a platform for establishing a video connection; the use of the service «SAP (e-mail service)» for sending the protocol of the investigative action and other materials.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, цифровая трансформация, следственные действия, допрос, очная ставка, незаконное производство, наркотические средства.

Keywords: videoconferencing, digital transformation, investigative actions, interrogation, confrontation, illegal production, narcotic drugs.

За последние три десятилетия в мировой науке произошло немало удивительных открытий и достижений, в том числе технологических, которые прочно занимают свою нишу в повседневной жизни людей. На сегодняшний день наблюдается тенденция активного внедрения компьютерных и интернет-технологий, искусственного интеллекта, беспроводной связи и иных достижений тех-

ники во все сферы жизнедеятельности людей.

Весомое значение в этом вопросе оказали и ограничения, связанные с охватившей весь мир пандемии COVID-19, которая создала беспрецедентные проблемы в том числе для осуществления уголовного судопроизводства. Режим изоляции, закрытие границ и меры социального дистанцирования, принятые большинством

стран для сокращения числа инфицированных и сдерживания дальнейшего распространения вируса затруднили привычный образ работы и вынудили научное сообщество и правоприменителя изыскивать иные пути продолжения деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

В настоящее время в Российской Федерации процесс цифровой трансформации назван одной из национальных целей страны на период до 2030 г.¹ На ее необходимость также не раз указывал Президент России².

Результаты достижений информационных технологий, хоть с опозданием, но все же находят свое место в процессе уголовного судопроизводства. Одним из таких является видео-конференц-связь (далее – ВКС). Не вызывает сомнений ее практическая ценность, выражающаяся в удобстве использования и процессуальной экономии.

Реальное использование ВКС в ходе судебного заседания впервые зафиксировано в России в 1999 г. С инициативой о пилотной видео-конференц-сети выступил Челябинский областной суд в мае 1999 г., и уже через полгода в ноябре состоялось первое судебное заседание с использованием систем ВКС по рассмотрению кассационной жалобы. Позднее Совет судей Российской Федерации призывал региональные суды к использованию положительного опыта Челябинского областного суда, однако вопросы законодательного регулирования применения ВКС стали прорабатываться лишь с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г. [11, с. 242]

Результатом многолетних научных дискуссий и потребностей практикующих со-

трудников правоохранительных органов стал Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. N 501-ФЗ³, которым УПК РФ дополнен статьей 189.1, позволяющей производство допроса, очной ставки и предъявления для опознания путем использования систем видео-конференц-связи, по сути, разрешающей «дистанционное» проведение отдельных следственных действий на этапе предварительного расследования.

Однако до настоящего времени в науке и правоприменительной практике по заявленной тематике остаются неразрешенными вопросы как теоретического (понятие видео-конференц-связи, детальная регламентация процедуры проведения в нормативно-правовых актах), так и прикладного характера (выбор платформы для осуществления видео-конференц-связи, способ направления протокола следственного действия и иных материалов). Указанный тезис подтверждается результатами анкетирования сотрудников следственных подразделений МВД России. Так, лишь 18,2% респондентов осуществляли допрос, очную ставку или предъявление для опознания путем использования видео-конференц-связи⁴. Полагаем, такой низкий показатель связан с опасениями правоприменителя признания таких доказательств недопустимыми в будущем.

Законодатель не формулирует определение исследуемой информационной технологии. В научной литературе также отсутствует консолидированная точка зрения по исследуемому вопросу.

Так, в работе М.О. Васильковой указывается, что видео-конференц-связь – «это тип онлайн-встречи, на которой два или более

1 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 N 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102792289> (дата обращения: 19.02.2024).

2 Путин распорядился в кратчайшие сроки провести цифровую трансформацию всей России // CNEWS URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-04_putin_rasporuyadilsya_v_kratchajshie (дата обращения: 19.02.2024); Путин призвал обновить стратегии цифровой трансформации // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20221124/putin-1833985795.html> (дата обращения: 19.02.2024).

3 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 N 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. N 1 (часть I), ст. 70.

4 В рамках работы над диссертационным исследованием «Методика расследования незаконного производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в нарколабораториях» проанкетированы 110 сотрудников следственных подразделений МВД России из более чем 40 субъектов Российской Федерации.

человека участвуют в аудиовизуальном разговоре» [3, с. 18]. Схожую позицию занимают А.В. Дашкин, Ю.С. Курочкина, определяя видео-конференц-связь сквозь призму взаимодействия, обмена аудиовидеоинформацией в реальном времени [5; 6].

Полагаем такая трактовка термина не отражает в полной мере его специфику при применении для целей расследования, поскольку не представляется возможным на основании указанных определений выделить характерные признаки, отличающие видео-конференц-связь, используемую в бытовых целях, от технологии, применяемой в уголовно-процессуальной деятельности.

На наш взгляд, признаками видео-конференц-связи для целей уголовного судопроизводства, отличающими ее от бытового использования видеосоединения между абонентами, выступают:

- законность (наличие правовой нормы в уголовно-процессуальном законодательстве, предусматривающей право лица, осуществляющего расследование, проводить в необходимых случаях процессуальное действие с использованием средств видео-конференц-связи);

- конфиденциальность (использование специальных компьютерно-технических средств и зашифрованных каналов связи);

- коммуникативность (обмен вербальной и невербальной информацией двух и более лиц);

- интерактивность (психологическое взаимодействие, а также демонстрация предметов и документов для достижения целей следственного действия).

На основании комплексного анализа имеющихся в науке точек зрения представим авторское определение. *Видео-конференц-связь – это предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством способ производства процессуальных и следственных действий, осуществляемый в необходимых случаях посредством использования компьютерно-технических средств и специальных каналов связи, состоящий во взаимодействии двух и более участников уголовного судопроизводства в режиме реального*

времени путем обмена аудио-, видео- и иной информацией.

Несомненными преимуществами использования видео-конференц-связи можно назвать:

- возможность «дистанционного» собирания доказательств;

- процессуальная экономия (оперативное получение информации в режиме реального времени);

- материальная экономия (отсутствие затрат на организацию процессуального действия, например, выезда следователя в служебную командировку для производства следственного действия).

Несмотря на довольно продолжительное время применения системы ВКС, среди ученых-процессуалистов, криминалистов, практических сотрудников продолжают дискуссии о недостатках системы и трудностях, возникающих при ее использовании.

Анализ криминалистической и уголовно-процессуальной литературы, а также правоприменительной практики позволяет утверждать, что в качестве таковых могут выступать:

- нестабильное интернет-соединение, затрудняющее производство процессуального действия;

- зависимость от источника электроснабжения, аварийное отключение электроэнергии;

- недостаточная материально-техническая оснащенность отдельных подразделений и других организаций;

- нехватка в штате компетентных технических специалистов;

- возможность несанкционированного доступа в целях воспрепятствования расследованию;

- трудности в установлении коммуникативного контакта с допрашиваемым, сложности при анализе эмоций лица, возникающие из-за нестабильного качества сигнала.

Кроме того, отдельные ученые [9; 10] исследовали проблемы низкой законодательной регламентации процедуры производства следственного действия путем использования видео-конференц-связи (например, от-

существование конкретного перечня технических средств, вопросы технической составляющей осуществления видеозаписи, порядок ознакомления с протоколом следственного действия и иные).

Полагаем, не все законодательные предложения должны находить отражение в тексте уголовно-процессуального закона. В этом отношении разделяем точку зрения С.Б. Россинского, отмечающего, что современное уголовное судопроизводство подвержено гиперформализации, выражающейся в «стремлении «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения», превращению федерального закона в пошаговую инструкцию, «памятку» для неграмотных правоприменителей [7].

Считаем, перечень используемых технических средств, требования к составлению процессуальных документов, организационные и тактические рекомендации нецелесообразно отражать в тексте федерального законодательства. На наш взгляд, указанные вопросы охватываются предметом криминалистики (как науки), а результатом изучения теории и складывающейся судебно-следственной практики выступает методическая литература, направленная на оптимизацию и повышение эффективности производства допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи.

Рассмотрим подробнее отдельные аспекты использования видео-конференц-связи при производстве допроса и очной ставки (на примере уголовных дел по фактам незаконного производства наркотических средств).

Задолго до начала использования систем видео-конференц-связи для задач уголовного судопроизводства, наметилась тенденция активного использования технологических достижений для преступных целей. На сегодняшний день это направление остается актуальным. Так, согласно отчету о состоя-

нии преступности в Российской Федерации в 2023 г. каждое третье преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

Такой способ характерен в том числе для преступлений в сфере наркопреступлений.

Незаконный оборот наркотиков является одним из наиболее опасных видов деяний, непосредственно угрожающих обществу в целом и здоровью населения. В последнее время на территории Российской Федерации наметилась устойчивая тенденция к ежегодному увеличению количества фактов незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотических средств). Об этом свидетельствует официальная статистика. В 2016 г. зарегистрированы 66 преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств, в 2017 г. – 172 (+160,6%), в 2018 г. – 223 (+29,7%), в 2019 г. – 351 (+57,4%), в 2020 г. – 500 (+42,5%), в 2021 г. – 581 (+16,2%), в 2022 г. – 829 (+42,6%), в 2023 г. – 850 преступлений (+2,5%)².

Для указанных преступлений характерно их совершение в составе организованной группы или преступного сообщества. Участники, как правило, не знакомы друг с другом и зачастую находятся в разных регионах страны или в разных государствах [подр.: 2].

Анализ специализированной литературы и судебной практики позволяет утверждать, что даже небольшая организованная группа может включать следующих участников:

руководитель организованной группы (как правило, организатор не действует «напрямую», его местонахождение чаще всего неизвестно);

«куратор», «администратор», «оператор» (осуществляет взаимодействие между отдельными участниками (звеньями) преступной группы, действует анонимно, его местонахождение, как правило, остается неустановленным);

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 13.06.2024).

2 Данные ГИАЦ МВД России (форма статистической отчетности 1-МВ-НОН).

«химик», «варшик» (реализуют задачу по производству наркотических средств. при этом, непосредственный синтез осуществляется «варшиком», руководит процессом, дает рекомендации и оценивает качество «химик»);

«поставщик» (в развитых организованных группах осуществляет поиск оборудования и необходимых прекурсоров, обеспечивает их доставку «варшику»);

«перевозчик», «склад», «курьер» (доставку крупных партий на территории одного/нескольких субъектов Российской Федерации, в зарубежные государства осуществляет «перевозчик». «Склад» организует хранение и расфасовку оптовой партии готовой продукции на более мелкие, готовые к продаже дозы. Оборудование тайников-закладок для размещения необходимых предметов и веществ – задача «курьера»);

иные участники: финансовый отдел (бухгалтерия), правовой отдел, отдел кадров, маркетологи, отдел контроля качества, «трафаретчики», «спорттики» и другие.

В преступных организациях в зависимости от длительности и масштабов их деятельности деление функций может быть более детальным, а количество участников увеличиваться до нескольких десятков.

При расследовании незаконного производства наркотических средств могут возникнуть ситуации, когда видео-конференц-связь имеет принципиальное значение для сокращения сроков расследования и повышения его эффективности:

лицо, в отношении которого проводится следственное действие находится в другом субъекте Российской Федерации. Такая ситуация имеет место, когда возникает необходимость в получении сведений, например, от лица, принимавшего участие в обеспечении «варшика» необходимым оборудованием, химическими реактивами и прекурсорами – владелец, администратор, продавец магазина, осуществляющего продажу специального химического лабораторного оборудования; сотрудник транспортной компании, оформивший доставку посылки с оборудованием, химическими реактивами и прекурсорами от

«поставщика» на имя «варшика» или другого подставного лица;

лицо, в отношении которого проводится следственное действие, не имеет физической возможности явиться к следователю (находится в медицинском учреждении, отбывает наказание или к нему применена мера пресечения в рамках расследования другого уголовного дела). Анализ судебной практики и статистических сведений демонстрирует, что более трети лиц, в отношении которых возбуждаются уголовные по факту незаконного производства наркотических средств, являются наркозависимыми, ранее совершавшими преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. В связи с чем обвиняемый может находиться в лечебном учреждении или отбывать наказание за другое преступление;

иные ситуации, при которых выезд следователя для проведения допроса или очной ставки требует больших временных и материальных затрат.

Рассмотрим ряд проблемных вопросов, возникающих при производстве допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи при расследовании незаконного наркопроизводства.

1. Выбор платформы для установления соединения. Уголовно-процессуальное законодательство (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ) обязывает правоприменителя при проведении допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи обеспечить сохранность государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности. В связи с этим при выборе платформы для установления соединения следователю необходимо учитывать степень защищенности канала связи, расположение серверов и возможности удаленного противодействия следственному действию со стороны третьих лиц.

При анкетировании сотрудников следственных подразделений МВД России 8,2% респондентов, отвечая на вопрос о выборе платформы для установления видеосоедине-

ния, указали на возможность использования мессенджера Telegram; 18,2% опрошенных выбирали What'sApp; 33,6% правоприменителей затруднились ответить.

Полагаем, такой подход нельзя назвать верным. Использование общедоступных сервисов, таких как What'sApp, Telegram, Viber, Skype, Zoom и иных, не может на должном уровне обеспечить предъявляемые к защите информации требования, что, в свою очередь, приводит к нарушению требований ст. 161 УПК РФ.

Практически 10 лет назад российской компанией TrueConf специально разработан сервис, включенный в информационную систему обеспечения деятельности ОВД МВД России (ИСОД) – СВКС-М. Серверы этого комплекса расположены в центральном аппарате МВД России и на территории всех российских регионов. Для защиты системы ограничивается свободный доступ в сеть Интернет, а также используются зашифрованные подключения, обеспечивающие полную конфиденциальность [12]. Однако стоит отметить, что указанные системы и сервисы могут быть установлены только на специальной категоризированной технике в помещении органа внутренних дел.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы обеспечения конфиденциальности в случаях, когда допрашиваемое лицо не может явиться в служебный кабинет следователя (например, находится в больнице на стационарном лечении). В этом случае, безусловно, лицо, обеспечивающее организацию производства следственного действия, не может обустроить рабочее место стационарным компьютером в помещении лечебного учреждения. По нашему мнению, в этой ситуации необходимо использовать планшеты со специальной SIM-картой или при отсутствии такового произвести подключение через сервис «Телемост», принадлежащий российской компании Яндекс.

2. Вопросы об оптимизации содержания и оформления протокола следственного действия. В научной литературе учеными не раз предлагались меры, направленные на уход от

классической формы протокола следственного действия. Например, В.В. Глимейда указывает на нецелесообразность протоколирования по существующим канонам уголовно-процессуального законодательства (в полном объеме и по возможности дословно), поскольку система видео-конференц-связи предполагает осуществление записи сеанса, а полученная видеозапись, в свою очередь, представляет собой устойчивый способ сохранения доказательственной информации [4, с. 107-108]. Кроме того, в науке обозначались и аргументировались точки зрения о переходе от письменной формы протокола к электронной с наделением необходимыми реквизитами, в том числе электронной подписью [8]. Полагаем, к таким серьезным изменениям современное российское общество и законодательная база пока не готовы хотя бы потому, что подавляющее количество граждан Российской Федерации не имеют зарегистрированной электронной цифровой подписи.

3. Возможность задавать вопросы следователем, находящимся с допрашиваемым. По нашему мнению, во избежание дополнительных нареканий и ходатайств о признании протокола следственного действия недопустимым доказательством следователю, находящемуся вместе с допрашиваемым, необходимо воздержаться от указанных действий, поскольку он не является субъектом расследования конкретного уголовного дела.

При необходимости следователем, осуществляющим предварительное расследование, демонстрируются или оглашаются предметы и документы, которые могут служить обстоятельством, изобличающим допрашиваемого(-ых). Указанное может быть направлено посредством зашифрованных каналов ведомственной связи (СЭП) для ознакомления лиц, участвующих в следственном действии.

4. Направление протокола следственного действия. В научной и учебной литературе [1] имеются точки зрения о том, что направление протокола должно осуществляться почтовой службой, в том числе специальной (фельдъегерской) службой. По нашему мне-

нию, такой способ существенно «затянет» ход следственного действия. Кроме того, отправ-ление документа обычной почтовой службой не обеспечивает сохранность охраняемой законом информации (тайны следствия). В связи с этим полагаем, что отсканированный протокол допроса или очной ставки целесо-образнее направлять посредством зашифро-ванного канала ведомственной связи (СЭП МВД России) для повышения эффективности ознакомления и обеспечения прав допраши-ваемого (-ых) лица (лиц), а также подписания документа.

После окончания следственного действия следователь по месту нахождения допраши-ваемого в течение 24 часов направляет под-писанный протокол допроса (очной ставки) следователю, в чьем производстве находится уголовное дело, вместе с видеозаписью хода следственного действия (ч. 4 ст. 189.1. УПК РФ)¹, подпиской участвующего лица (ч. 3 ст. 189.1. УПК РФ)², ордером адвоката (если он принимал участие) и иными материалами, полученными в ходе проведения процессу-ального действия. Указанное может осущест-

вляться посредством фельдъегерской службы или СЭП МВД России.

Таким образом, по мнению автора, при-знаками видео-конференц-связи, используе-мой для целей уголовного судопроизводства, выступают: законность, конфиденциальность, коммуникативность и интерактивность. Ис-пользование бытового программного обе-спечения для установления соединения недопустимо; наиболее оптимальными плат-формами являются сервисы ИСОД МВД Рос-сии – СКВС-М и СЭП.

Применение указанной системы имеет не-которые риски, однако, при расследовании незаконного производства наркотических средств могут возникнуть ситуации, когда ви-део-конференц-связь имеет принципиальное значение для сокращения сроков расследо-вания и повышения его эффективности. В связи с чем правоприменительная практика нуждается в тщательно разработанных реко-мендациях по производству допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи.

1 По нашему мнению, видеосъемку целесообразно осуществлять во всех местах, где находятся участники.

2 Особенностью производства допроса (очной ставки) путем использования средств видео-конференц-связи является наличие подписки, в которой делается запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия.

Библиографический список

1. Абрамова, Л.Л. Дистанционные следственные действия в досудебных стадиях уголовного процесса : учебное пособие / Л.Л. Абрамова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. – 52 с. (предпринт).
2. Апарина, Д.А. Структура организованной преступной группы, осуществляющей про-изводство синтетических наркотических средств / Д.А. Апарина // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 года / сост. А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгардзе. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 404-412.
3. Василькова, М.О. Применение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве в зарубежных странах / М.О. Василькова // Юридический факт. – 2021. – N 146. – С. 18-21.
4. Глимеда, В.В. Применение технических средств и цифровых технологий при производ-стве следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / В.В. Глимеда. – Краснодар, 2024. – 241 с.

5. Дашкин, А.В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе / А.В. Дашкин // Молодой ученый. – 2018. – N 24 (210). – С. 201-203.
6. Курочкина, Ю.С. Проблемы проведения судебных действий следственного характера с использованием видеоконференцсвязи / Ю.С. Курочкина // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – N 2. – С. 305-308.
7. Россинский, С.Б. Уголовно-процессуальный кодекс РФ постепенно превращается в «учебник криминалистики»: случайность или закономерность? / С.Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 18. – N 2. – С. 215-222.
8. Соколов, Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / Ю.Н. Соколов. – Екатеринбург, 2023. – 440 с.
9. Топчиева, Т.В. Перспективы применения видео-конференц-связи в ходе производства по уголовным делам / Т.В. Топчиева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2023. – N 23-1. – С. 93-95.
10. Ушаков, А.Ю. О введенной в уголовно-процессуальный закон норме, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов / А.Ю. Ушаков, И.А. Кирянина // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – N 1. – С. 57-62.
11. Фарафонова, О.А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / О.А. Фарафонова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. – N 3(90). – С. 241-246.
12. Шевырталов, Е.П. Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи / Е.П. Шевырталов, Р.А. Дерюгин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2021. – N 1.

УДК 343.36

Мария Андреевна МЯЛИЦЫНА,
адъюнкт Омской академии МВД России
myalitsynamari@yandex.ru

ПРИНУЖДЕНИЕ ЗАПОДОЗРЕННЫХ ЛИЦ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

COERCION OF SUSPECTS TO TESTIFY

В статье обосновывается, что потерпевшим в структуре объекта преступления, ответственность за которые установлена ст. 302 УК РФ, может быть лицо, не наделенное процессуальным статусом. Критерием разграничения принуждения к даче показаний и превышения должностных полномочий является не наличие процессуального статуса потерпевшего, а цель совершения преступления.

The article substantiates that the victim in the structure of the object of the crime, the responsibility for which is established by Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, may be a person who is not vested with procedural status. The criterion for distinguishing coercion to testify from the abuse of official authority is not the presence of the procedural status of the victim, but the purpose of committing the crime.

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, явка с повинной, объяснение, процессуальный статус, заподозренное лицо.

Keywords: coercion to testify, surrender, explanation, procedural status, suspected person.

В правовом государстве защита прав личности является одной из приоритетных задач. Конституция Российской Федерации закрепляет, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Государство выстраивает правовые механизмы, направленные на охрану личности от перечисленного выше. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд норм, направленных на охрану общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением уголовного судопроизводства, нарушение которых влияет на качество отправления правосудия. Нормы должны быть адекватными и

соответствующими складывающимся общественным отношениям.

Безусловно, предпринимаются попытки совершенствования законодательства. Так, в ст. 302 УК РФ в 2022 г. был расширен круг потерпевших, которые подвергаются принуждению к даче показаний со стороны должностных лиц. Помимо подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста теперь к потерпевшим относятся осужденный и оправданный.

Внесенные изменения значительно расширили сферу охраняемых общественных отношений, однако не учитывают всей реальной действительности, а также упускают из внимания лиц, не обладающих процессуальным

статусом, которые также, как и лица, имеющие процессуальный статус, подвергаются принуждению к даче показаний. Подобное положение дел довольно негативно отражается на действующей судебной практике, поскольку одни и те же действия квалифицируются по разным статьям УК РФ в зависимости от наличия у потерпевшего процессуального статуса без учета того, что фактически людей, не наделенных процессуальным статусом, также принуждают к даче показаний.

По справедливому замечанию А.Г. Зайцева: «Факты принуждения к даче показаний зачастую квалифицируются по иным преступлениям против государственной власти либо против жизни и здоровья» [3, с. 101]. Как было отмечено ранее, охрана интересов правосудия, а именно соблюдение запрета на принуждение к даче показаний, осуществляется положениями ст. 302 УК РФ, которая является специальной нормой по отношению к ст. 286 УК РФ. При этом важно обратить внимание на то, что в правоприменительной практике предпочтение отдается общей норме – ст. 286 УК РФ в силу ее простоты толкования, существования шаблонов, которые в значительной мере упрощают работу судов, и наличия более суровой санкции по сравнению с закрепленной в ст. 302 УК РФ. Движение правоприменителя по пути наименьшего сопротивления приводит к тому, что ситуации, связанные с принуждением к даче показаний лиц, не обладающих процессуальным статусом, маскируются под другой состав преступления – превышение должностных полномочий.

Приговором Коминтерновского районного суда г. Воронежа два сотрудника полиции – С.Ю.К. и О.И.С. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а» и «б», ч. 3 ст. 286 УК РФ. Действия указанных сотрудников полиции выразились

в пытках, физическом и психическом насилии, которое они применяли к гражданину Г., принуждая его сознаться в преступлении, которого он не совершал. В результате противоправных действий сотрудников полиции мужчине была причинена физическая боль, а также телесные повреждения, которые были квалифицированы как не причинившие вреда здоровью¹.

Приговором Свободненского городского суда Амурской области сотрудник полиции А.А.Р. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ. Будучи осведомленным, что потерпевший является подозреваемым по уголовному делу, осужденный принудил его к даче показаний путем угрозы применения физического насилия, которая выразилась в демонстрации угрожающего жеста – проведении рукой по горизонтальной линии передней поверхности шеи².

Похожая ситуация, но связанная с разграничением ст. 300 и 285 УК РФ, была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Начнем с того, что в учебной литературе принято считать, что незаконно освободить от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) можно только лицо, наделенное процессуальным статусом, то есть подозреваемого или обвиняемого. Для этого нужно принять процессуальное решение о прекращении уголовного дела или преследования [5, с. 32].

Незаконное освобождение от уголовной ответственности рассматривается как специальный вид злоупотребления должностными полномочиями. По этому основанию – наличие процессуального статуса у лица, в отношении которого прекращается преследование – проводится отграничение ст. 285 от ст. 300 УК РФ в случаях, когда должностные лица не выполняют обязанности по осущест-

1 Приговор Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 29.01.2019 по делу N 1-116/2019. URL: https://kominternovskiy-vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=ccf1030f-3fd2-4287-b9851e04ba7430f9&_deloid=1540006&_caseType=0&_new=0&_srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 01.04.2024).

2 Приговор Свободненского городского суда Амурской области от 12.07.2021 по делу N 1-287/2021. URL: https://svobodnenskgs-amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=bcbd3450-304d-49c8-8b40-5a1c5867253f&_deloid=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&_srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 01.04.2024).

влению уголовного преследования. Например, непринятие мер к регистрации сообщения о преступлении, повлекшее общественно опасные последствия в виде непривлечения лица к уголовной ответственности, нарушения авторитета органов власти, права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, рассматривается как злоупотребление должностными полномочиями. В.Н. Борков и Б.Б. Булатов отмечают, что «в случае укрывательства преступлений, деяния должностных лиц правоохранительных органов квалифицируются по ст. 285 УК РФ, а если прекращается уголовное преследование в отношении подозреваемых или обвиняемых – по ст. 300 УК РФ» [1, с. 74].

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «во взаимосвязи с нормами, определяющими особенности правосудия по уголовным делам, предполагает ее применение к лицам, которые вопреки своей обязанности изобличения виновных в совершении преступления незаконно освобождают их от уголовной ответственности, что может выражаться, в частности, в принятии незаконных процессуальных решений (например, решений об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования), препятствующих наделению лиц, фактически изобличенных в совершении преступления, процессуальным статусом подозреваемых или обвиняемых»¹.

В приведенном решении Конституционный Суд РФ обращает внимание на то, что квалификация действий должностных лиц должна основываться не из процессуальном статусе, а на фактическом положении лица. Совершение преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, препятствует наделению данных лиц процессуальным статусом в будущем. Таким образом, отграничение ст. 285 УК РФ от ст. 300 УК РФ может производиться по признаку фактического изобличе-

ния лица в совершенном преступлении, что является актуальным и при решении вопроса об отграничении ст. 286 от ст. 302 УК РФ.

Отметим, что в юридической литературе обсуждаются вопросы о границах применения ст. 302 УК РФ. Так, Г.А. Решетникова справедливо отмечает, что «эти действия не следует ограничивать принуждением к даче показаний или к даче заключения исключительно в ходе допроса. Это вполне могут быть и другие следственные действия» [7, с. 45]. Однако, по нашему мнению, необходимо обратить внимание на то, что момент начала принуждения к даче определенных сведений, изобличающих лицо в совершении преступления, начинается раньше, чем такое лицо получает соответствующий процессуальный статус. Данный факт в диссертационном исследовании подчеркивает Б.Б. Булатов, указывая, что «начало фактической обвинительной деятельности не обусловлено конкретным правоприменительным актом, в связи с чем ее проявлением целесообразно считать любые следственные и процессуальные действия, непосредственно затрагивающие конституционные права личности, содержание которых дает лицу основание полагать, что осуществляется проверка его причастности к совершению преступления. Ведущаяся в отношении лица обвинительная деятельность порождает его права по защите законных интересов безотносительно к наличию процессуального статуса. Первичным является фактическое положение лица, а не официальное его оформление» [2]. Лица, в отношении которых осуществляется проверка на причастность к совершенному преступлению именуется «заподозренными» [8; 9]. В настоящей статье под «заподозренными» лицами мы будем понимать всех лиц, в отношении, которых осуществляется проверка на причастность к совершенному преступлению, в связи с чем данной категорией будут охватываться «фактически задержанный», «лицо, в отношении которого проводится проверка

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ставцева Александра Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 300 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 N 1640-О // СПС «КонсультантПлюс».

сообщения о преступлении», «лицо, от которого получается объяснение, явка с повинной».

Так, до возбуждения уголовного дела от заподозренных лиц – потенциальных участников уголовного судопроизводства – могут быть получены сведения, которые в дальнейшем приобретают доказательственное значение. В рамках расследования «заподозренные» могут давать объяснения, явки с повинной, в которых фиксируется информация о совершенном преступлении. Несмотря на то, что данные документы получаются на стадии проверки сообщения о преступлении, они имеют достаточно серьезное значение в процессе доказывания.

П.В. Козловский указывает, что анализ дел в нескольких регионах позволил сделать вывод о том, что практически по всем из них получались объяснения в ходе проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, в части дел общеуголовной направленности присутствовали протоколы явки с повинной. Практически во всех уголовных делах органы, ведущие расследование, ссылались на указанные протоколы как на доказательства. В приговоре судов в подавляющем большинстве протоколы явки с повинной нашли отражение. Ссылки на объяснения как на доказательства единичны, однако, по мнению автора, закон не содержит каких-либо запретов на использование их в качестве доказательств [4, с. 145].

Опрошенные нами судьи Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга акцентировали внимание на том, что признание лица может быть зафиксировано, как в ходе получения явок с повинной, так и в ходе получения объяснений. Вне зависимости от способа фиксации данных сведений судом они учитываются в равной степени – в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Следовательно, в таком случае объяснение признается доказательством по уголовному делу.

Суды обращают внимание на содержание объяснений, которые в дальнейшем закрепля-

ются показаниями лица. То есть фактически лица, не наделенные процессуальным статусом, сообщают аналогичные по содержанию с дальнейшими показаниями сведения. Логика судей в выборе признания в качестве доказательств объяснений в описанной ситуации очевидна, так как объяснения являются первоначальными документами, закрепляющими показания лица. Однако они должны быть получены с учетом ряда правил, установленных в уголовно-процессуальном законе для проведения следственных действий, что делает возможным признание их в качестве доказательств.

Одним из основополагающих прав при производстве процессуальных действий является право на защиту. История о расширении круга лиц, имеющих такое право, берет начало с постановления Конституционного Суда РФ N 11-П от 27 июня 2000 г. по делу В.И. Маслова. Суд разъяснил, что для реализации конституционного права на защиту необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Другими словами, суд обратил внимание на то, что понятия фактического и процессуального подозреваемого не эквивалентны. В понимании Конституционного Суда РФ фактический подозреваемый – это тот, в отношении кого существует объективное подозрение, и в отношении кого ведется обвинительная деятельность следствия, выраженная в тех или иных действиях. В связи с этим данным лицам должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к защитнику¹. Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в приведенном постановлении вел речь о «заподозренном» лице.

Такая же позиция была высказана Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»: в соответствии

1 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

с ч. 2 ст. 48 Конституции РФ и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица.

Помимо этого Верховный Суд РФ указывает на то, что в ходе производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, и суды обязаны разъяснять лицу, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, гарантированное соответствующими нормами УПК РФ.

При невыполнении вышеуказанных требований все объяснения лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, признаются полученными с нарушением закона.

По справедливому замечанию А.Р. Нобель: «В случае разъяснения при получении объяснений процессуальных прав, обязанностей и ответственности участников уголовного судопроизводства – потерпевшего, подозреваемого, свидетеля – результат объяснений в виде документа, называемого на практике «объяснение», абсолютно не отличается от показаний указанных участников уголовного процесса» [6, с. 116].

В свою очередь, явка с повинной признается доказательством только, если явившемуся лицу разъяснили права не свидетельствовать против себя самого, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия должностных лиц, а также обеспечили возможность реализации указанных прав¹. Приведенные условия являются идентичными тем, которые предъявляются к процедуре получения объяснений.

Закрепляя вышеуказанные условия для процессуальных действий, проводимых с лицами, не наделенными процессуальным статусом, высшие судебные инстанции придают все большее значение тем общественным отношениям, которые по своей сути являются частью уголовного судопроизводства в его досудебной части. В связи с этим разграничение превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) по процессуальному статусу принуждаемого лица, по нашему мнению, нельзя считать правильным, поскольку лица, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия, помимо того, что дают сведения, по содержанию схожие с дальнейшими показаниями, фактически наделяются правами, соответствующими правам подозреваемого (обвиняемого), что делает их полноправными участниками уголовного судопроизводства.

Ключевым критерием, разграничивающим составы преступлений, предусмотренные ст. 286 и 302 УК РФ, по нашему мнению, является цель, а не наличие процессуального статуса у лица.

Действия должностных лиц должны квалифицироваться по ст. 302 УК РФ, когда сотрудники имеют цель – закрепить показания лица именно как подозреваемого (обвиняемого). Таким образом, они придают показаниям процессуальную форму, предусмотренную уголовно-процессуальным законом. В таком случае к лицу, которое не обладает процессуальным статусом, предварительно применяются противоправные меры, стимулирующие его дать показания в будущем в ходе следственного действия. Первоначальным результатом такого принуждения могут выступать объяснения и явки с повинной.

К примеру, оперуполномоченные получили от заподозренного лица явку с повинной, очевидно, что следующим шагом является допрос этого человека, который подтвердит в рамках уже процессуальной процедуры свою причастность к совершенному преступлению. В описанной ситуации рассматривать явку с

1 О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 // СПС «КонсультантПлюс».

повинной следует как некий этап дальнейших действий, нацеленных на то, чтобы явка с повинной дальше нашла развитие в рамках расследования, а именно в даче показаний в ходе допроса.

С другой стороны, подобные действия могут выполняться с иной целью. Так, например, явка с повинной может выступать в качестве инструмента для оперативно-розыскной деятельности. Она может быть получена при помощи запрещенных законом методов – угрозы, шантажа, насилия и т.д. Однако в отличие от ранее описанных ситуаций она остается в материалах оперуполномоченного и не играет в дальнейшем доказательственной роли. Человек становится интересен для других целей. К примеру, для оказания содействия правоохранительным органам. В представленной ситуации должностное лицо не стремится использовать явку с повинной как доказательство, а имеет цель – скрыть обнаруженное преступление и использовать полученную информацию исходя из корыстной или иной личной заинтересованности. Видится, что такие действия образуют признаки злоупотребления должностными полномочиями.

Таким образом, следует заключить, что отношения в сфере уголовного судопроизводства влияют на качество отправления правосудия, в связи с чем законодатель установил нормы, охраняющие данные общественные отношения. На сегодняшний день не все нормы соответствуют складывающейся действительности. В частности, при квалификации преступного принуждения упускаются

из внимания лица, не наделенные процессуальным статусом, т.е. «заподозренные». Лица, не обладающие процессуальным статусом, могут быть потерпевшими при принуждении их к даче показаний, а критерием разграничения принуждения к даче показаний и иных составов преступлений является цель их совершения. Отметим, что аналогичная ситуация складывается и с лицами, которые являются потенциальными потерпевшими и свидетелями по уголовному делу.

В связи с этим потерпевшими при принуждении к даче показаний являются лица, не имеющие официального уголовно-процессуального статуса, но фактически привлекаемые в качестве участников уголовного судопроизводства. Для реализации указанных выводов необходимо расширить перечень потерпевших, предусмотренных ст. 302 УК РФ. При таком подходе мы получаем следующую редакцию ст. 302 УК РФ:

«Статья 302. Принуждение к даче показаний

1. Принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего, свидетеля или лица, не имеющего статуса участника уголовного судопроизводства путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа – ...»

Библиографический список

1. Борков, В.Н. Незаконное освобождение от уголовной ответственности: нюансы квалификации / В.Н. Борков, Б.Б. Булатов // Уголовный процесс. – 2021. – № 5. – С. 72-78.
2. Булатов, Б.Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : дис. ... канд. юрид. наук / Б.Б. Булатов. – Омск, 2010. – 247 с.
3. Зайцев, А.Г. К вопросу практического применения нормы об ответственности за принуждение к даче показаний / А.Г. Зайцев // Сибирский юридический форум: современные проблемы

науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 15-16 июня 2023 года / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – С. 100-101.

4. Козловский, П.В. Отдельные аспекты недопустимости показаний подозреваемого и обвиняемого / П.В. Козловский // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – N 1. – С. 143-146.

5. Метельский, П.С. Незаконное освобождение от уголовной ответственности: проблемы квалификации и правоприменения / П.С. Метельский // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2005. – N 2(22). – С. 31-35.

6. Нобель, А.Р. Правовая природа объяснений в уголовном судопроизводстве / А.Р. Нобель // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – N 11. – С. 113-119.

7. Решетникова, Г.А. Субъект принуждения к даче показаний в контексте законопроекта об установлении уголовной ответственности за пытки / Г.А. Решетникова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – N 14(2). – С. 40-46.

8. Смолькова, И.В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? / И.В. Смолькова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – N 3(90). – С. 70-77.

9. Сопнева, Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения / Е.В. Сопнева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 7(44). – С. 1474-1480.

УДК 343.13

Анастасия Максимовна ЧЕРКАСОВА,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России
Nastye4a@mail.ru

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА

THE CONCEPT OF A CRIMINAL PROCEDURE TERM

Статья посвящена исследованию одной из наиболее важных процессуальных гарантий в уголовном судопроизводстве – уголовно-процессуальным срокам. В статье рассмотрены различные точки зрения ученых-процессуалистов о понятии срока в уголовном судопроизводстве. Проанализировав мнения исследователей, автор приходит к выводу о необходимости точного определения уголовно-процессуального срока, учитывая его ключевые характеристики (признаки) и значение для правоприменения в уголовном процессе, а также предлагает собственное определение исследуемой категории.

The article is devoted to the study of one of the most important procedural guarantees in criminal proceedings – criminal procedure terms. The article considers various points of view of scientists/ experts in criminal procedure on the concept of term in criminal proceedings. After analyzing the opinions of researchers, the author comes to the conclusion that it is necessary to accurately define the concept of a criminal procedure term, taking into account its key characteristics (features) and the importance for law enforcement in criminal procedure, and offers the author's own definition of the category under study.

Ключевые слова: процессуальная гарантия, промежуток времени, назначение уголовного судопроизводства, разумный срок.

Keywords: procedural guarantee, time interval, purpose of criminal procedure, reasonable term.

Уголовно-процессуальные сроки давно привлекают внимание правоприменителей и представителей научного сообщества. В последние годы наблюдается увеличение интереса к данной тематике, что подтверждается ростом числа диссертационных исследований, предметом которых являются сроки как гарантии в уголовном процессе. Это свидетельствует о важности и актуальности познания указанного института, поскольку реализация (исчисление и соблюдение) сроков имеет первостепенное значение

для обеспечения эффективного правосудия, защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, поддержания законности и правопорядка в обществе.

Уголовно-процессуальный срок является одной из ключевых процессуальных гарантий в уголовном судопроизводстве. Его понимание и интерпретация субъектами процесса способствует определению временных промежутков для осуществлений основных процессуальных действий и (или) принятия процессуальных решений. С целью однознач-

ного понимания значения и роли сроков в уголовном процессе и, как следствие, последующего единообразного их применения и исчисления необходимо рассмотреть понятие уголовно-процессуального срока.

Анализ норм УПК РФ, а также иных нормативных правовых актов в сфере уголовно-процессуального права России свидетельствует об отсутствии общепринятого определения уголовно-процессуального срока. Примечательно, что в предшествующих редакциях уголовно-процессуального закона: в УПК РСФСР 1922 года¹, УПК РСФСР 1923 года², УПК РСФСР 1960 года³; а также в Модельном УПК для государств – участников СНГ⁴ дефиниция уголовно-процессуального срока также не закреплена. Отсутствие законодательно закрепленного определения рассматриваемой категории обусловило необходимость его разработки на монографическом уровне, в связи с этим в настоящее время предложено обширное многообразие дефиниций уголовно-процессуального срока.

Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что ученые-процессуалисты изучают сущность и содержание уголовно-процессуального срока уже более ста лет. Отметим, что с развитием общества и правосознания человека как личности определение рассматриваемой категории постоянно модифицировалось, в том числе за счет включения в этот термин свойств, которые напрямую не связаны со сроком. Взгляды ученых в интерпретации рассматриваемого термина расходятся, хотя и незначительно.

Первые работы, связанные с исследованием уголовно-процессуального срока, начали появляться в советское время. Скорее всего, это связано с введением в действие в 1922 году первого УПК РСФСР, в котором

впервые была закреплена процедура исчисления сроков (глава VI «О сроках, о судебных издержках»).

Семантический анализ категории «срок» свидетельствует о его полисемичности. При этом данный термин, как правило, имеет следующие значения: 1) промежуток времени; 2) момент наступления, исполнения чего-нибудь⁵. В доктрине российского уголовно-процессуального права чаще применяется первое значение слова, поскольку законодатель устанавливает период для осуществления определенного процессуального действия или принятия решения. Однако в уголовно-процессуальном праве применимы оба указанных значения: промежуток времени характерен для сроков-периодов (например, ч. 1 ст. 192 УПК РФ: допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет не может быть более 30 минут без перерыва), момент времени – для сроков-моментов (например, ч. 1 ст. 173 УПК РФ: следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения).

Анализ работ исследователей, изучающих институт уголовно-процессуальных сроков и дающих авторское определение уголовно-процессуального срока, свидетельствует о разделении мнений ученых по поводу того, что следует понимать под обозначенным термином. Все определения можно разделить по следующим группам:

уголовно-процессуальный срок – как промежуток времени, необходимый для осуществления процессуальной деятельности. Об этом свидетельствуют определения данной категории в работах М.А. Чельцова-Бebutова [21, с. 35-36], П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского [13, с. 93-95], П.М. Да-

1 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. N 20-21. Ст. 230.

2 Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 15.02.1923 // Известия ВЦИК. 1923. N 37.

3 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1960 г. N 40. Ст. 592.

4 Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ от 17.02.1996 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (приложение). 1996. N 10.

5 Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. С-Я / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М.: Рус. яз., 1988. С. 241.

выдова, Д.В. Сидорова, П.П. Якимова [7, с. 134], И.М. Гуткина, Л.А. Мариупольского, И.М. Шереметьева [6, с. 57], В.Т. Томина [19, с. 24], Г.Б. Петровой [16, с. 43] и других;

уголовно-процессуальный срок – как инструмент для реализации назначения уголовного процесса. Это определение находит подтверждение в исследованиях Л.М. Васильева [4, с. 19-21], А.П. Гуляева [5, с. 10], О.В. Желева, А.С. Ткача [8, с. 83] и других;

уголовно-процессуальный срок – как одна из форм процессуальных гарантий. Эта точка зрения в последнее время приобретает наибольшую популярность, обычно включая в себя две предыдущие. Подтверждением данной позиции служат исследования Т.А. Корепановой [11, с. 42-43], И.В. Маслова [14, с. 14], О.А. Анашкина [2, с. 25], А.В. Мордвинова [15, с. 38], Р.П. Сокола [17, с. 34], И.В. Стуконога [18, с. 58], Н.Н. Ковтуна [10, с. 57] и других;

уголовно-процессуальный срок – как составляющая принципа разумного срока уголовного судопроизводства. В связи с введением в 2010 году в УПК РФ статьи 6.1 определение уголовно-процессуального срока претерпевает изменения. Об этом свидетельствуют определения уголовно-процессуального срока, сформулированные И.М. Алексеевым [1, с. 19], С.М. Якубовой [22, с. 11]. В некоторой степени этой позиции придерживается В.И. Кушнерев [12, с. 81-82].

В связи с существующим многообразием дефиниций уголовно-процессуального срока достойна внимания точка зрения, высказанная Р.П. Соколом, о том, что «многообразие определений процессуальных сроков вызвано выбором различных критериев, положенных в их основу» [17, с. 34].

Примечательно и мнение, высказанное В.Т. Томиным, отмечающим, что не каждый срок, определяющий совершение процессуального действия, будет являться процессуальным. По его мнению, таковыми будут являться только сроки, носящие правовой характер, то есть которые закреплены в законе или установлены актами применения норм права (решениями определенных го-

сударственных органов и должностных лиц) [19, с. 19-20]. К последним, например, будут относиться указание следователем, дознавателем в повестке даты и времени явки на допрос (ч. 1 ст. 188 УПК РФ), установление судом определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела при его затягивании обвиняемым и защитником (ч. 3 ст. 217 УПК РФ).

В некоторой степени эту позицию разделяют И.В. Маслов и И.М. Алексеев, однако к уголовно-процессуальным срокам они относят только те, которые установлены исчерпывающим (по их мнению) перечнем источников уголовно-процессуального права, указанных в ст. 1 УПК РФ. Авторы отмечают, что несоблюдение сроков, установленных нормативными актами ведомств и министерств Российской Федерации и актами применения норм права, не влекут правовых последствий в виде признания проведенных следственных или процессуальных действий незаконными, а итогового документа недопустимым доказательством. Несоблюдение сроков, установленных указанными актами, влечет только применение дисциплинарных мер. В связи с этим сроки, указанные в источниках, не перечисленных в ст. 1 УПК РФ, ученые-процессуалисты не причисляют к уголовно-процессуальным [14, с. 15; 1, с. 6-7].

Мы не разделяем точку зрения, обозначенную И.В. Масловым и И.М. Алексеевым. Несмотря на то, что законодатель в ст. 1 УПК РФ не выделяет федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные нормативные акты и правоприменительные акты, они являются неотъемлемой частью системы уголовного процесса [9, с. 104-109; 20, с. 110]. Сроки, установленные перечисленными источниками, обязательны для исполнения участниками уголовного процесса и, следовательно, относятся к процессуальным. Кроме того, они соответствуют всем признакам уголовно-процессуальных сроков, которые будут указаны ниже.

Например, в случае введения чрезвычайного положения граждане, нарушившие правила комендантского часа и не имеющие при себе документов, удостоверяющих личность,

задерживаются до выяснения их личности, но не более чем на трое суток (ч. 1 ст. 31 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»); прокурор при невозможности принять решение в порядке ст. 221 УПК РФ в течение 10 дней не позднее чем за 3 суток до истечения указанного срока обращается к вышестоящему прокурору с мотивированным ходатайством о продлении срока рассмотрения дела до 30 суток (абз. 5 п. 1.14 приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. N 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»); лицо, не явившееся без уважительных причин в указанный в повестке о вызове на допрос срок, может быть подвергнуто приводу или на него может быть наложено денежное взыскание (ст. 113, 118 УПК РФ).

Каждый термин в своей дефиниции должен отражать систему существенных признаков, то есть определяемое и определяющее понятия должны быть соразмерными, ясными и не содержать тавтологии [3, с. 58]. Анализ юридической литературы, позволил нам выделить основные свойства, присущие уголовно-процессуальному сроку:

установлен официальными актами норм права, регулирующими уголовно-процессуальные правоотношения;

представляет собой определенный временной промежуток (период) или момент времени;

направлен на создание субъективного права или юридической обязанности участников уголовного процесса совершить процессуальное действие или принять процессуальное решение либо воздержаться от них;

установлен с целью достижения назначения уголовного судопроизводства;

является одной из форм процессуальных гарантий.

Исходя из изложенного, следует дать авторское определение уголовно-процессуальному сроку, которое, по нашему мнению, внесет весомый вклад в доктрину теории уголовного процесса. Под искомым термином мы понимаем урегулированный уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации временной промежуток или момент времени, в период которого участники уголовного судопроизводства имеют право или несут обязанность на совершение определенного процессуального действия или принятие процессуального решения либо воздержания от таковых, устанавливаемый с целью эффективного достижения назначения уголовного процесса, обеспечения интересов, прав и свобод личности и целей отправления правосудия.

Библиографический список

1. Алексеев, И.М. Правовая регламентация сроков в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : монография / И.М. Алексеев. – Белгород: Бел. ЮИ МВД России, 2014. – 116 с.
2. Анашкин, О.А. Совершенствование процессуальных сроков в досудебном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Анашкин. – Саратов, 2004. – 234 с.
3. Бесхлебный, Е.И. Логика для юристов : учебное пособие / Е.И. Бесхлебный. – М.: Юстиция, 2019. – 248 с.
4. Васильев, Л.М. Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Л.М. Васильев. – М., 1971. – 307 с.
5. Гуляев, А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.П. Гуляев. – М.: Юрид. лит. – 1976. – 143 с.

6. Гуткин, И.М. Советский уголовный процесс : учебник для сред. юрид. школ / И.М. Гуткин, Л.А. Мариупольский, И.И. Шереметьев. – М.: Госюриздат, 1960. – 319 с.
7. Давыдов, П.М. Судопроизводство по новому УПК РСФСР : пособие для студентов стационара, заоч. и вечернего фак. / П.М. Давыдов, Д.В. Сидоров, П.П. Якимов ; под ред. советника юстиции Г. И. Бровина. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1962. – 450 с.
8. Желева, О.В. Понятие и виды уголовно-процессуальных сроков / О.В. Желева, А.С. Ткач // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2020. – N 4. – С. 80-89.
9. Ковтун, Н.Н. Плеяда пяти немерцающих звезд-доминант или система российского уголовно-процессуального права в поисках доминанты и внутренней согласованности / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство: в 3 т. – Том 1. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 295 с.
10. Ковтун, Н.Н. Уголовно-процессуальные сроки: неопределенность закона, доктрины, коллизии судебной-следственной практики / Н.Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – 2024. – Т. 11. – N 1. – С. 55-64.
11. Корепанова, Т.Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в Российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Т.Л. Корепанова. – Ижевск, 2004. – 216 с.
12. Кушнерев, В.И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Кушнерев. – М., 2019. – 224 с.
13. Люблинский, П.И. Уголовно-процессуальный кодекс: научно-практический комментарий проф-ров П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского / П.И. Люблинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Право и жизнь, 1928. – 428 с.
14. Маслов, И.В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство) : монография / И.В. Маслов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 240 с.
15. Мордвинов, А.В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Мордвинов. – Ижевск, 2021. – 252 с.
16. Петрова, Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / Г.Б. Петрова. – Саратов, 2004. – 222 с.
17. Сокол, Р.П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности : дис. ... канд. юрид. наук / Р.П. Сокол. – Владимир, 2008. – 197 с.
18. Стуконог, И.В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Стуконог. – Краснодар, 2020. – 238 с.
19. Томин, В.Т. Процессуальные документы, сроки и судебные издержки в уголовном судопроизводстве : лекция / В.Т. Томин, Р.Х. Якупов, В.А. Дунин. – Омск: Омская высшая школа милиции, 1973. – 319 с.
20. Цыреторов, А.И. Подзаконные нормативные правовые акты как источники уголовно-процессуального права / А.И. Цыреторов // Журнал российского права. – 2023. – N 2. – С. 101-111.
21. Чельцов-Бебутов, М. А. Советский уголовный процесс : учебник для юридических высших учебных заведений / М. А. Чельцов. – 2-е изд., перераб. – М.: Гос. изд-во юридической лит., 1951. – 503 с.
22. Якубова, С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.М. Якубова. – М., 2017. – 31 с.

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

– текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

– в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

– научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– код УДК (универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 12-20 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуется по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

– многочисленные ссылки на работы, опубликованные в «Вестнике Сибирского юридического института МВД России»;

– более одной ссылки на собственные публикации автора;

– опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянчик Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент (г. Красноярск)

Шапин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Омск).

Editorial Board:

the editor-in-chief, he is also the chairman of the editorial board – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

deputy Editor-in-Chief, he is also responsible for the issue – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Galimova Marina Alexandrovna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Zhiltsov Andrey Vladimirovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Zemtsova Svetlana Igorevna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Ivanov Andrey Yuryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Dudina Nadezhda Afanasyevna, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Kalugin Alexey Gennadievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kosmodemyanskaya Elena Evgenyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Kupriyanchik Tatyana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Malkov Sergey Mikhailovich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Melnikov Evgeny Borisovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Molyarov Evgeny Alexandrovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Nevirko Dmitry Dmitrievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Sudnitsyn Alexey Borisovich, Candidate of Law, Associate Professor (St. Petersburg);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Tokmantsev Denis Valeryevich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Chumarova Ekaterina Yurievna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Shinkevich Vladimir Efimovich, Doctor of Sociology, Associate Professor (Krasnoyarsk)

Shashin Daniil Georgievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk).